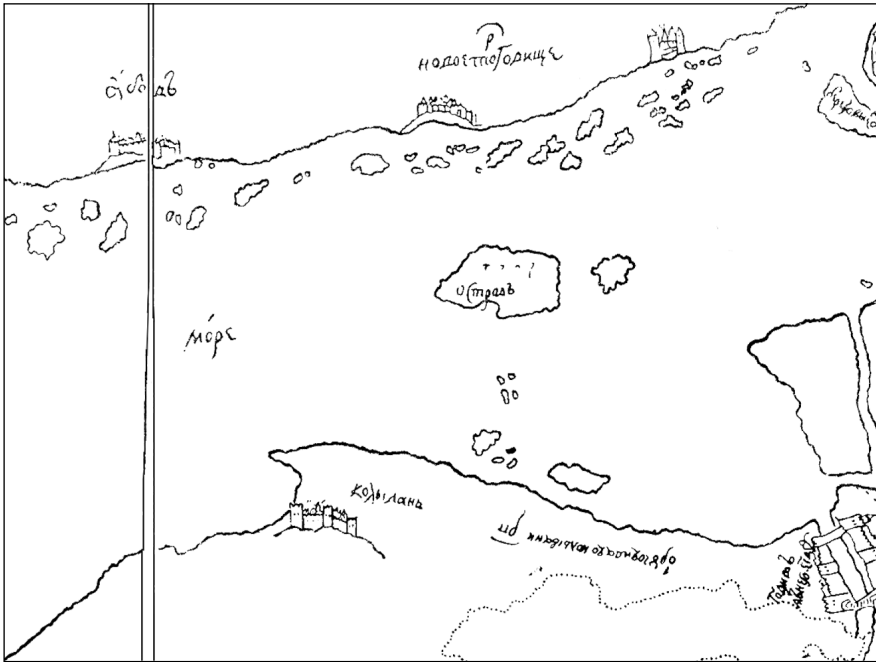

П.И. Федотова

НАЗВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В РУССКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКАХ

Часть новгородской карты Голицына–Шпилкина
с надписью «море» в акватории Балтики

Санкт-Петербург
2022

УДК 001.891.32
ББК 63.2
Ф32

Ответственный редактор
Н.В. Колпакова

Рецензенты:
В.Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, заведующий научно-образовательным центром исторических исследований и анализа ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет»

О.А. Красникова, кандидат исторических наук, зав. Сектором картографии Отдела фондов и обслуживания Библиотеки Российской академии наук, действительный член Русского Географического Общества

Ф32 Федотова П.И.

Названия Балтийского моря в русских средневековых источниках: монография / Библиотека РАН; отв. ред. Н.В. Колпакова. — Санкт-Петербург : БАН, 2022. — 120 с.

В монографии рассматривается до сих пор не изучавшийся вопрос о названиях Балтийского моря в русской письменной и устной традиции периода средневековья. На основе системного анализа нарративных, актовых, картографических и фольклорных источников автор приходит к выводу о позднем появлении названия Варяжское море в русской географической номенклатуре. В домонгольский период Балтика, как это следует из русских былин, имела название Волыньское море. В более позднее время — Виряньское-Виряйское море, Солёное море, Котлино озеро (Финский залив), Каяно море (Ботнический залив). В единичных случаях встречаются такие названия как Восточное море, Гольнское море, Свитцкое море (в отношении Ботнического залива). Но в значительной части средневековых письменных источников, особенно новгородских, Балтика не имела имени собственного, а обозначалась нарицательно «море». Что касается Варяжского моря, то это название появляется не ранее конца XIII — начала XIV в. в летописных и агиографических памятниках владимирского происхождения. Лишь в XV–XVI вв., благодаря стараниям Москвы, оно было внедрено в общерусское летописание.

ISBN 978-5-336-00304-8

© П.И. Федотова, 2022
© Библиотека Российской академии наук, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	7
Введение	9

Глава 1

НАЗВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В ИСТОЧНИКАХ НОВГОРОДСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	19
1.1. Балтийское море в Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов	19
1.2. Балтийское море в международных документах и других актовых источниках Новгорода XIII–XV вв.	22
1.3. Географическая номенклатура Балтийского моря в древнерусских былинах новгородского происхождения	26

Глава 2

НАЗВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ XIII–XVIII вв.	33
2.1. Названия Балтийского моря в договорах Смоленска с Ригой XIII–XIV вв.	33
2.2. Названия Балтийского моря в международных договорах Московской Руси XIV–XVII вв.	35
2.3. Названия Балтийского моря в законодательных актах и договорах Российского государства первой четверти XVIII в.	42

Глава 3

НАЗВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ НА РУССКИХ КАРТАХ XVI–XVIII вв.	48
3.1. Балтийское море в русском картографическом материале позднего средневековья XVI–XVII вв.	48
3.2. Названия Балтийского моря на русских картах XVIII в.	59

Глава 4

ВАРЯЖСКОЕ МОРЕ В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	71
4.1. Варяжское море летописей Лаврентьевско-Ипатьевской группы	71
4.2. Варяжское море в агиографических памятниках владимирского происхождения.....	77
4.3. Влияние владимирского летописания на последующую историко-географическую традицию в употреблении названия Варяжское море.....	83
4.4. Проблема источника сведений о «море Варанк» в арабоязычной географической литературе XI–XV вв.....	88
Заключение	95
Список использованной литературы. Источники.....	106
Литература.....	111
Список сокращений.....	118
Список иллюстраций.....	119

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Данная монография посвящена совершенно не исследованной теме названий Балтийского моря в русских средневековых источниках. Идея книги возникла неожиданно. Просматривая летописные и актовые источники Новгорода в поисках варяжской топонимики, я обратила внимание, что в них отсутствует название Варяжское море. Варяжские улицы есть, Варяжская божница есть, деревни Варягово есть, а Варяжского моря почему-то нет. Последним толчком к написанию этой работы стало ознакомление с энциклопедическими статьями — российскими и советскими — о Балтийском море. Проверка указанных в них исторических названий Балтики в русской географической традиции вылилась в целую книгу. Следует признать, что многие факты и вытекающие из них выводы стали неожиданностью для самого автора. Но, как говорили древние, «истина дороже».

Хотя последним веком русского средневековья считается XVII столетие, логика изложения заставила автора выйти за указанные временные рамки и привлечь соответствующие теме материалы XVIII века. Это было необходимо, чтобы показать, подкрепив источниками, как и когда происходил переход от русской средневековой номенклатуры Балтики к современной. Кроме того, обращение к географическим сведениям XVIII в. было продиктовано и необходимостью опровергнуть ошибочные представления об исторически существовавших в русском словоупотреблении названиях Балтийского моря, которые тиражируют средства массовой информации и энциклопедические издания. Однако основной массив актового и нарративного материала по названиям Балтийского моря в русских землях относится к периоду русского средневековья XII–XVII вв. Поэтому автор не счел возможным изменять заглавие работы.

Хочу поблагодарить библиографов и сотрудников Библиотеки Академии наук (БАН), которые оказывали неизменную помощь в работе над монографией, в том числе, Справочно-библиографического отдела, Научно-исследовательского отдела редкой книги и Сектора картографии Отдела фондов и обслуживания БАН. Благодаря их квалифицированным сове-

там и помощи в поиске нужных материалов автору удалось установить действительно бытовавшие в средневековой Руси названия Балтийского моря и прояснить одну из многочисленных загадок русской истории — где и когда появилось в русских средневековых источниках такое наименование Балтики, как Варяжское море.

Декабрь 2021 г.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о названиях Балтийского моря в русской средневековой традиции относится к числу проблем, не только не разработанных в отечественной историографии, но вообще выпавших из поля зрения историков. Тема балтийской географической номенклатуры и ее исторической динамики, даже взятая в более широких историко-географических рамках, редко привлекала внимание специалистов по исторической географии. В отечественной историографии можно назвать только одну работу, специально посвященную этой теме на материале европейских карт XV–XVII вв.: «Балтийское море на старинных картах» профессора Латвийского университета Арнолдса Спекке. Однако монография латвийского историка, вышедшая в 1961 г. в Стокгольме на английском языке¹, оперирует ограниченным картографическим материалом даже в отношении европейских карт и совершенно не касается проблемы русской географической номенклатуры Балтийского моря.

В то же время автор очень четко обозначил саму проблему, отметив, что на земном шаре нет другого моря, которое бы имело столь многочисленные и разнообразные названия, как Балтика. Никто еще в точности не подсчитал, сколько их было, но, начиная со времен готов, оно носило имена почти всех народов, обитавших на его берегах (Готское, Германское, Шведское, Прусское, Ливонское и множество других)². С этим наблюдением можно полностью согласиться, отодвинув, правда, нижнюю хронологическую границу еще дальше вглубь веков, к временам сарматов и венедов, чьи этнические названия для обозначения акватории Балтики (Сарматский океан, Сарматское море, Венедский залив) зафиксировала карта Клавдия Птолемея середины II в. н.э.

Для русских названий Балтики нет даже предварительных исследований на уровне академических статей, не говоря уже о трудах обобщающего характера. Причина такого положения вещей кроется во всеобщем

¹ *Spekke A. The Baltic sea in ancient maps.* — Stockholm, 1961.

² *Spekke A. The Baltic sea in ancient maps...* — P. 42.

убеждении, будто бы русское средневековье знало только одно название для Балтики — Варяжское море.

Так, В.Н. Татищев в одном из своих географических трудов, перечисляя моря, омывающие Россию, пояснял, что Балтийское море от голландцев называется Восточное, «а русских древнее Варяжское»³. В другой своей работе он указывал, что русские летописи помещали варягов «по всему южному берегу Балтики, в котором Прусы, Курляндия, Ливония и Эстляндия заключались», а само море «они Варяжским звали»⁴. Тот же тезис содержал один из первых русских географических словарей А.М. Щекатова: Балтийское море называлось издревле Варяжским⁵. Такого же мнения держался Н.М. Карамзин: Балтийское море «издревле называлось в России Варяжским»⁶. В подтверждение своих слов он ссылался на «летопись Нестора»: «Ляхове же и Прусь и Чудь присесть к морю Варяжскому», а также на арабо-персидского географа XIV в. Абульфеда: «Варанское море выходит к югу из окружающего Северного моря и имеет достаточную ширину и длину. Варанк — это имя народа, который живет на его берегу»⁷. Известный географический словарь П.П. Семенова в статье о Балтийском море тоже ссылался на летопись: «в летописи Нестора оно называется Варяжским», уточняя, что «позднее его называли Свейским»⁸. Даже В.О. Ключевский, который уделял первостепенное внимание географическим аспектам русской истории, без каких-либо оговорок употреблял название Варяжское море в отношении Балтики, будучи убежден, что именно так — «общим именем всех германских народов» — называло это море население древней Руси⁹. Это убеждение было настолько прочным, что ни одна работа дореволюционных русских историков по исторической географии России не содержала специальных экскурсов в историю русских названий Балтики и не касалась проблемы происхождения

³ Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. — Москва: Географгиз, 1950. — С. 113.

⁴ Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. — С. 175.

⁵ Щекатов А. Географический словарь Российского государства. — Москва, 1801. Т. 1. — Стб. 330.

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. — Москва: Наука, 1989. Т. 1. — С. 55.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского... — С. 208. Прим. 92.

⁸ Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. — Санкт-Петербург, 1863. — С. 202. Ссылка на источники информации, кроме общего указания на «летопись Нестора», словарная статья не приводит.

⁹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. — Москва: Мысль, 1997. Кн. 1. — С. 113.

названия Варяжское море. Собственно, никакой проблемы дореволюционная историография здесь не замечала.

В небольшом словаре древнерусских географических названий, собранных Н.П. Барсовым, Варяжского моря нет, есть лишь статья «Варяжский путь», хотя такого названия русские источники не содержат. Под этим заголовком Барсов приводит отрывок из летописной легенды о хождении апостола Андрея на Русь с описанием пути «из варяг в греки», где упомянуто и «море Варяжское». Никаких комментариев к тексту составитель не дает¹⁰. В вышедших позднее Очерках Н.П. Барсов исходил из постулата, что название Варяжское море содержалось уже в тексте Начальной киевской летописи и, следовательно, было известно киевскому летописцу¹¹. Киевскому летописцу приписывал сведения о Варяжском море и его предшественник И.Д. Беляев, полагая, что «Нестор» почерпнул их из устных рассказов киевлян и новгородцев, получивших эти сведения от норманнов-варягов¹². В пособиях по исторической географии М.К. Любавского, С.М. Середонина и А.А. Спицына название Варяжское море даже не упоминается¹³.

В советское время тема исторически существовавших на Руси названий Балтики затрагивалась в основном на уровне словарных статей. В первом издании Большой советской энциклопедии (1927–1936 гг.) статья о Балтийском море не содержит сведений по истории его названий. Лишь кратко сообщается, что по-немецки Балтийское море называется Ostsee¹⁴. Такое указание соответствовало политическим реалиям 20-х гг. XX в., когда Восточная Прибалтика еще не входила в состав СССР, а в международной картографии относительно Балтийского региона сохранялись традиции немецкой географической номенклатуры.

Во втором, послевоенном, издании БСЭ (1949–1958 гг.) появляется обширный исторический очерк о Балтийском море и утверждение, что «у древних славян» оно назвалось Варяжским морем. Отождествленные

¹⁰ Барсов Н.П. Материалы для историко-географического словаря России. Т. 1. Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). — Вильна, 1865. — С. 23.

¹¹ Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи. — Москва: Кучково поле, 2012. — С. 18–20. (Перв. изд.: Варшава, 1873).

¹² Беляев И.Д. О географических сведениях в древней России // Записки РГО. Кн. VI. — Санкт-Петербург, 1852. — С. 2–4.

¹³ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. — Москва, 1909; Середонин С.М. Историческая география. — Петроград, 1916; Спицын А.А. Русская историческая география. — Петроград, 1917.

¹⁴ Балтийское море // БСЭ. В 65 т. Т. 4: Атоллы — Барщина. — Москва: Советская энциклопедия, 1926. — Стб. 553.

с венедами славяне были отнесены к числу древних обитателей южного побережья Балтики, которое со II по VIII вв. н.э. находилось под полным их контролем. При этом не разяснялось, к какой этнической группе относились вскользь упомянутые «варяжские купцы», и кто такие варяги, чьим именем было названо у славян это море¹⁵.

Третье издание БСЭ (1969–1978 гг.), относя название «Балтийское море» к позднелатинскому (*mare Balticum*), сохраняет утверждение, что у древних славян оно называлось Варяжским. Однако далее говорится, что ведущие позиции на Балтике принадлежали не славянам, а скандинавам, по имени которых («варяги») славяне и называли это море: «в раннее средневековье главная роль в торговле и мореплавании по Балтийскому морю принадлежала скандинавам (варягам, отсюда др.-слав. название Балтийского моря — Варяжское море)»¹⁶. Ту же самую информацию воспроизвели и авторы советского Географического энциклопедического словаря, указав в статье о Балтийском море, будто бы в древнеславянском языке оно называлось Варяжским морем¹⁷.

Оба советских справочных издания проявили научную безграмотность, смешав «древнеславянское» название с «древнерусским». Славянский мир не знал названия Варяжское море. По крайней мере, оно не отложилось в письменной традиции славянских народов, за исключением древнерусского. Крайне немногочисленные памятники старославянского языка не содержат упоминаний Варяжского моря. Не знает такого названия и географическая номенклатура отдельных славянских народов, кроме древнерусского. В принципе неизвестно, как называлось Балтийское море у древних славян, поскольку славянская письменность возникла лишь в конце IX в., и славянских письменных памятников ранее X в. не существует. Правда, можно предположить, что у раннесредневековых славян оно называлось Волынским морем, потому что именно так называют Балтику русские былины. Но это название не могло возникнуть ранее IX–XI вв., до появления крупнейшего на Балтике торгового центра — славянского города Волына в устье реки Одры (совр. Одер), по имени которого и было названо это море. Как славяне называли это море до IX в. — об этом прямых данных нет.

¹⁵ Балтийское море // БСЭ. В 50 т. 2-е изд. Т. 4: Б — Березко. — Москва: Большая советская энциклопедия, 1950. — С. 159, 164.

¹⁶ Балтийское море // БСЭ. 3-е изд. В 30 т. Т. 2: Ангола — Барзас. — Москва: Советская энциклопедия, 1970. — С. 585, 586.

¹⁷ «Балтийское море (др.-слав. Варяжское море)» (Географический энциклопедический словарь. Географические названия. — Москва: Советская энциклопедия, 1986. — С. 48).

В самых ранних славянских хрониках Балтика имеет совсем другие названия. Так, древнейшая польская хроника Галла Анонима начинается с краткого географического описания Польши. В частности, в ней говорится, что «со стороны северного, или амфитрионального, моря соседями Польши являются три страны»¹⁸. Как поясняют комментаторы русского издания хроники, под выражением «северное или амфитриональное море» (*mare septentrionale vel amphitrionale*) имеется в виду Балтийское море¹⁹. Правда, происхождение и национальная принадлежность автора первой польской хроники, бенедиктинского монаха, остаются неизвестными. Известно лишь, что он не был славянином. Это обстоятельство не дает возможности приписать использованные им названия Балтики к «славянским».

Уникальное название Балтийского моря содержится в самом раннем из уцелевших польских документов, так называемом «Дагоме юдекс» (*Dagome Iudex*). Этот документ, в котором польский король Мешко I передает свое государство под юрисдикцию и защиту Рима, датируется концом X в. (990–992 гг.). В нем северная граница владений Мешко обозначена как «длинное море» (*longum mare*)²⁰. Однако, по заключению исследователей, этот латиноязычный документ вышел из папской канцелярии и был выработан либо в Риме, куда прибыло польское посольство, либо в Польше при посредничестве папских легатов²¹. Это обстоятельство не позволяет безоговорочно отнести «длинное море» к славянским названиям Балтики. Скорее всего, оно принадлежит римскому духовенству.

В «Великой хронике» Польши (начало XIV в.) Балтийское море последовательно называется Северным. О кашубах-поморянах, живших на побережье Балтики, автор Великопольской хроники говорит, как о живущих «вокруг Северного моря», река Вкра (впадающая в Щецинский залив Балтики) течет в Северное море, город Вышмиер стоит на берегу Северного моря, легендарный польский король Лешек дает своим многочисленным сыновьям по княжеству на берегах Северного моря и т.д.²²

¹⁸ Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / под ред. В.Д. Королюка. — Москва: Изд-во АН СССР, 1961. — С. 27. Хроника датируется началом XII в. (в хронологических рамках 1107–1113 или 1112–1118 гг.).

¹⁹ Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских... — С. 144. — Прим. 25. Здесь же разясняется и смысл названия «амфитриональное море», почерпнутого автором из античной мифологии.

²⁰ Шавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. — Москва: Наука, 1990. — С. 28.

²¹ Шавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники... — С. 25.

²² «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: Перевод и комментарии. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1987. — С. 54, 55, 61, 64, 67.

Польский историк второй половины XV в. Ян Длугош именовал Балтику античным термином Сарматское море (*Sarmaticum Mare*), в соответствии с насаждаемым польской историографией мифом о тождестве поляков с сарматами. Он писал: «Северный океан в северной части иногда именуется Сарматским морем, потому что на его берегах находятся подвластные сарматам, или полякам, области и города, из которых наиболее известны населенные поляками Любек, называемый по-польски Булковец, и Гданьск»²³.

Писавший несколько позднее Матвей Меховский в своем «Трактате о двух Сарматиях» (1517) называл море, омывающее европейскую Сарматия, то Балтийским, то Прусским. Географическое описание великого княжества Литовского он начинал «от Балтийского или Прусского моря», считал, что «Новгород отстоит от Балтийского моря примерно на две или три мили», и указывал, что река Неман «впадает в Прусское море», а «большая река Двина, вытекая из Московии и идя к западу через владения литовцев и через Ливонию, близ города Риги впадает в Балтийское море»²⁴. Указывая расположение литовского города Ковно, Меховский пояснял, что это крепость «близ Балтийского моря»²⁵.

Таким образом, названия «Варяжское море» у польских хронистов нет, хотя Длугош пользовался русскими летописями и даже излагал варяжскую легенду²⁶. Тем не менее, такое название Балтики, как Варяжское море, осталось им незамеченным, хотя его труд содержит массу сведений топонимического и историко-географического характера.

Что касается чешских хроник, то самая первая из них (первой четверти XII в.), принадлежащая родоначальнику чешской историографии Козьме Пражскому, содержит лишь беглое упоминание Северного моря, в которое впадает река Лаба (Эльба)²⁷. Хотя чешский хронист сообщает много сведений по истории соседних государств (Германии, Польши, Венгрии), Балтийское море в его труде не фигурирует ни под каким названием.

²³ Длугош Я. *Анналы или хроники славного королевства Польши* // Шавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. (Кн. I–VI): Текст, перевод, комментарий. — Москва: Памятники исторической мысли. 2004. — С. 67, 213.

²⁴ Меховский М. *Трактат о двух Сарматиях* // Меховский М. *Трактат о двух Сарматиях*. Сокровенное сказание монголов. — Рязань: Александрия, 2009. — С. 105, 106, 109, 110.

²⁵ Меховский М. *Трактат о двух Сарматиях*... — С. 66.

²⁶ Исследователи полагают, что польский хронист использовал не менее 12 русских летописей (Шавелева, 2004. С. 54).

²⁷ Козьма Пражский. *Чешская хроника* / вступ. ст., пер. и комм. Г.Э. Санчука. — Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1962. — С. 33. Хроника оканчивается 1125 г. — годом смерти ее автора.

Не упоминает Балтику и посвященная истории гуситского движения «Гуситская хроника» Лаврентия из Бржезовой первой половины XV в.²⁸ Вероятно, это объясняется тем, что расположенная между Польшей, Венгрией и немецкими землями Чехия не имела непосредственного выхода к Балтийскому морю, в связи с чем оно не попадало в поле зрения чешских хронистов. Правда, из всего обширного корпуса средневековой чешской анналистики на русском языке были изданы только две указанные выше хроники²⁹. Однако это не отменяет факта отсутствия в древнейшей чешской хронике Козьмы Пражского, современнице киевской летописи Сильвестра, якобы славянского названия «Варяжское море».

Название «Варяжское море» как славянское наименование Балтики неизвестно не только авторам собственно славянских хроник, но также и латиноязычным немецким хронистам, писавшим о славянах. Первостепенную важность в этом отношении имеет сочинение немецкого хрониста конца XI в. Адама Бременского, поскольку он уделил особое внимание истории названий Балтийского моря. Он сообщал, что большой восточный залив Западного океана «местные жители называют Балтийским, потому что он наподобие пояса тянется через области скифов на большое расстояние вплоть до Греции». При этом Адам не уточнял, о каких именно «местных жителях» идет речь, ведь, по его собственным словам, по берегам Балтийского моря живет множество варварских народов, от которых море «также зовется Варварским, или Скифским»³⁰. Далее Адам добавляет, что древние, возможно, называли Балтийское море другими именами: Скифскими, или Меотийскими болотами, либо «Гетской пустыней»,

²⁸ Лаврентий из Бржезовой. *Гуситская хроника*. — Москва: Изд-во АН СССР, 1962. Хроника заканчивается изложением событий 1421 г.

²⁹ В сетевом варианте существует также неполный перевод Рифмованной чешской хроники Далимила начала XIV в. (1310–1314 гг.). Текст перевода опубликован на сайте Восточная литература: URL: <https://vostlit.info/Texts/rus17/Dalimil/text1.htm>. В опубликованных фрагментах Балтийское море не упоминается.

³⁰ Адам Бременский. *Деяния архиепископов гамбургской церкви*. IV. 10 // Славянские хроники. — Москва: СПСЛ; Русская панорама, 2011. — С. 102. В действительности, «местные жители», кто бы они ни были, не могли называть прилегающее к их землям море латинским словом *balteus* — «пояс», поскольку не владели латынью. Латынь была уделом церковных и ученых кругов. Это не латинское, а либо славянское, либо балтское название. М. Фасмер усматривал лингвистическое родство между ст.-слав. *блато* (болг. *блато*, слов. и чеш. *blato*) — «болото» (ср. озеро *Балатон* на территории славянской Паннонии, ныне Венгрии) и лит. *baltas*, латыш. *balts* — «белый». (Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Изд. 2-е. В 4 т. Т. 1. Адам Бременский. *Деяния архиепископов гамбургской церкви*. IV. 10 // Славянские хроники. — Москва: СПСЛ; Русская панорама, 2011. — С. 102. Прогресс, 1986. С. 190). Ассоциация с латинским «поясом» (*balteus*) могла родиться только в голове латиноязычного автора, каким был каноник Бременской церкви.

а также «Скифским берегом», ссылаясь при этом на античных авторов³¹. В действительности эти авторы писали не о Балтийском, а о северных побережьях Азовского и Черного морей. Кроме указанных, Адам приводит еще одно название Балтики — Восточное море³². А одна из схолий к труду Адама поясняет, что «Восточное море, море Варварское, море Скифское или Балтийское — это одно и то же море»³³.

Таким образом, в сочинении бременского каноника мы находим развернутый экскурс в историю известных хронисту названий Балтики. Он называл бытовавшие в его время названия: Балтийское, Варварское, Скифское, Восточное, и, кроме того, приводил античные обозначения северной части Черного моря, путая их с Балтикой, поскольку разделял ошибочное представление древней и средневековой географии, будто бы этот «залив Западного океана» тянется на восток «до Греции». Однако такого названия, как Варяжское море, «Тацит Севера» не знал.

Своего рода продолжением труда Адама Бременского стала «Славянская хроника» немецкого священника и миссионера Гельмольда из Босау, доведенная до 1171 г. В начале своего труда Гельмольд повторяет сведения Адама о названиях Балтики: Балтийское, Варварское, Скифское³⁴. Но во всех остальных случаях при упоминании Балтики Гельмольд употребляет только одно название — Балтийское море³⁵. Таким образом, ни авторы славянских хроник XII–XVI вв., ни немецкие хронисты XI–XII вв., непосредственно соприкасавшиеся со славянским миром на Балтике, не фиксируют у них такого названия, как Варяжское море. Поэтому утверждение, что у древних славян Балтика называлась Варяжским морем, не имеет под собой доказательной базы, так как не подтверждено никакими свидетельствами — ни письменными, ни устными, ни славянскими, ни иноязычными.

Большая Российская энциклопедия не только не устранила эту грубую ошибку в отношении названия Балтики у «древних славян», но отяготила еще одним вымыслом. Оказывается, у древних славян оно носило название «Варяжское море или Свейское»³⁶. Автор статьи М.Г. Деев не раскры-

³¹ Адам, IV. 20... — С. 105–106.

³² Адам, II. 18... — С. 40.

³³ Адам, сх. 116... — С. 126.

³⁴ Гельмольд из Босау. Славянская хроника. I.1 // Славянские хроники. — Москва: СПСЛ; Русская панорама, 2011. — С. 153.

³⁵ Гельмольд, I, 2, 8, 12, 36, 56, 14. — С. 156, 163, 166, 195, 217.

³⁶ Балтийское море // Большая Российская энциклопедия. В 35 т. Т. 2: Анкилоз — Бан-ка. — Москва: Большая Российская энциклопедия, 2005. — С. 721.

вает источники этой информации. Можно лишь предположить, что тезис о Свейском море почерпнут из Географического словаря П.П. Семенова, у которого, правда, это название не отнесено ни к древнеславянскому, ни к древнерусскому, а указано, что оно появилось позднее «летописи Нестора».

Авторы статьи о Балтийском море в электронной Википедии, хотя и не воспроизводят некорректную фразу о «древнеславянском» названии Балтики, вслед за П.П. Семеновым утверждают, что исторически в русском языке Балтийское море называлось Варяжским, а затем Свейским (Шведским). При Петре I укрепилось немецкое название — Остзейское море. На русских картах XVIII в. употреблялась форма Балтийское море. С 1884 года используется современное название³⁷. Ссылок на источники этой информации Википедия не дает.

В советской Исторической энциклопедии (1961–1976 гг.) статей о Варяжском или Балтийском море нет. Однако в статье о варягах ее автор, известный советский историк И.П. Шаскольский, утверждал, что до XVIII в. Балтийское море русскими называлось «Варяжским», а арабами в IX–XIII вв. — «Бах-эль-Варанг». Это название образовано от имени варягов, которое, по мнению Шаскольского, служило древнерусским обозначением «жителей Скандинавии». Первые упоминания о варягах содержатся в Повести временных лет³⁸.

Из этого краткого обзора следует, что утвердившееся в науке мнение о бытовании в древнерусский период названия Балтики как Варяжского моря опирается на показания одного-единственного источника — так называемой «Повести временных лет» (ошибочно именуемой «летописью Нестора»). Мало того, что убеждение в тождестве известных ныне списков этого памятника с киевской летописью начала XII в. является глубоко ошибочным, но до сих пор историки не сочли нужным изучить совокупность дошедших до нас свидетельств русских средневековых источников о названиях Балтийского моря. Арабоязычные источники XI–XV вв. в данном случае не могут служить аргументом в пользу бытования названия Варяжское море в русских землях, поскольку неизвестно, кто были информаторами писавших по-арабски персидских авторов. Таковыми

³⁷ Балтийское море. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Балтийское_море (дата обращения: 29.11.2021).

³⁸ Варяги // Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 2. Баал — Вашингтон. — Москва: Советская энциклопедия, 1962. — Стб. 990. В действительности первое известное сообщение восточного автора о «бахр варанк» хорезмийца ал-Бируни относится не к IX в., а XI в. (1029/30 г.), а последнее — к началу XV в.

могли быть сами варяги, у которых море, на котором они проживали, действительно могло иметь название Варяжского. Иначе говоря, и спустя двести лет после Н.М. Карамзина работа по выяснению названий Балтийского моря в русской средневековой традиции так и осталась невыполненной. Данное исследование имеет целью восполнить этот досадный пробел российской исторической географии.

ГЛАВА 1.

НАЗВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В ИСТОЧНИКАХ НОВГОРОДСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1.1. Балтийское море в Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов

В вопросе о русских названиях Балтийского моря первостепенную важность имеют источники новгородского происхождения. Во-первых, потому, что Новгород был важнейшим центром балтийской торговли — не только для Руси, но и для городов Ганзейского союза. Во-вторых, именно через Новгород проходил, по мнению историков, древнейший торговый путь «из варяг в греки», в описании которого фигурирует «Варяжское море». Более того, по мнению А.А. Шахматова и его последователей, варяжская легенда имела новгородское происхождение и попала в киевскую летопись из новгородского летописания. Если это так, гидроним Варяжское море обязательно должен присутствовать в новгородских письменных памятниках. Что же сообщают о Балтийском море новгородские летописи?

Древнейшим памятником новгородского летописания является Новгородская первая летопись старшего извода. Дошедший до нас единственный пергаменный список этой летописи создавался в XIII — середине XIV в. (последняя запись датирована 1353 г.). В старшей НПЛ Балтийское море как таковое упоминается редко. За 337 лет сохранившегося в ней летописания (с 1016 по 1353 г.) оно упомянуто лишь трижды: под 1179, 1240 и 1311 г. И во всех трех случаях оно именуется просто «морем».

Под 6687 (1179) г. говорится об успешном походе новгородского князя Мстислава «на Чюдь, на Очелу». Чюдь отступила к побережью — «отбегиша къ морю», но и здесь была настигнута новгородцами¹. Под 6748 (1240) г. в рассказе о Невской битве новгородцев со шведами летописец сообщает,

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. — Москва, 2000. Т. 3. — С. 36.

что потери противника были столь велики, что шведам пришлось нагнать трупам «лучших мужей» два корабля и пустить их по реке к морю, а остальных похоронить в братской могиле: «и накладше корабля два вятших мужь, преже себя пустиша и к морю»². Под 6819 (1311) г. говорится о походе новгородцев «за море» (через Финский залив) в землю финского племени емь: «Ходиша новгородци воиноу на Немецкую землю за море на Емь <...> и переехавши море, взяша первое Купецкую реку...»³.

Как видим, во всех трех случаях Балтика упоминается мимоходом, как географическая деталь при описании театра военных действий. Она не имеет собственного названия, именуясь нарицательно — море. Таким образом, старейшая новгородская летопись не только не знает названия «Варяжское море», но и вообще не дает Балтийскому морю никакого имени собственного⁴.

Название «Варяжское море» появляется только в Новгородской первой летописи младшего извода, самый ранний список которой (Комиссионный) датируется 40-ми гг. XV в. Однако содержится оно в составе включенного в текст младшей НПЛ Жития Александра Невского, созданного владимирским духовенством в конце XIII в.⁵ В нем говорится, что слава Александра достигла «всех стран», в том числе, «и об ону страну моря Варяжского, и до самого Рима»⁶. Во всех оставшихся случаях (1179, 1240, 1311 и 1392 гг.) в младшей НПЛ, как и в старшей, Балтика называется просто «морем»⁷. Таким образом, единственный случай употребления названия «Варяжское море» в НПЛ младшего извода обусловлен вставкой из чужеродного (и притом весьма позднего) источника владимирского происхождения — Жития Александра Невского.

Отсутствие в НПЛ названия «Варяжское море» заставило публикаторов ее текста привести ссылки на этот гидроним в Указателе географических названий под рубрикой Балтийское, а не Варяжское море, добавив,

² Новгородская первая летопись... — С. 77.

³ Новгородская первая летопись... — С. 93.

⁴ Старшая НПЛ не содержит ни варяжской легенды, ни рассказа о хождении апостола Андрея на Русь. Первые 128 листов этой летописи утрачены.

⁵ Северо-восточное (владимирское) происхождение первой редакции Жития Александра Невского и его датировку началом 1280-х гг. убедительно обосновал крупнейший исследователь этого памятника Ю.К. Бегунов. См.: *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». — Москва; Ленинград: Наука, 1965. — С. 57–61.

⁶ Новгородская первая летопись... — С. 297.

⁷ Сообщения 1179, 1240, 1311 гг. воспроизводят текст старшей НПЛ (за исключением вставки под 1240–1242 гг. Жития Александра Невского). В сообщении 6900 (1392) г., которого нет в НПЛст, говорится о нападении немецких пиратов на русские поселения на Неве: «пришедше из моря разбоинице Немце в Неву» (НПЛ. С. 385).

правда, последнее название в скобках к первому: «Балтийское (Варяжское) море»⁸. Однако из текстов обеих новгородских летописей очевидно, что собственно новгородская летописная традиция не знала ни того, ни другого названия. Единственный случай употребления гидронима Варяжское море в младшей НПЛ, испытавшей воздействие московского свода митрополита Фотия 1418 г., находится в составе заимствованного источника владимирского происхождения.

Традиция именовать Балтику нарицательно — «морем» — сохранялась в Новгороде и позже, вплоть до XVII века. Об этом свидетельствует новгородская карта русско-шведского пограничья, опубликованная в 1950 г. советским историком-картографом И.А. Голубцовым. Ее новгородское происхождение удостоверяет надпись на обороте карты: «Таков чертеж прислали к государю из Великого Новгорода воевода князь Иван Голицын да дьяк Василий Шпилкин в нынешнем 165-м году декабря в 13 день з жильцом Ыевом Малечкиным». Голубцов убедительно датировал ее создание периодом 1650–1656 гг. и связывал ее присылку с взятием в июне 1656 г. русскими войсками шведской крепости Канцы (Ниеншанц) в ходе очередной русско-шведской войны 1656–1658 гг.⁹ Начавшаяся война со Швецией побудила московское правительство затребовать у военных властей Новгорода карту с театром военных действий. На этой карте Балтийское море по старой новгородской традиции не имеет имени собственного, а обозначено просто «морем»¹⁰.

С этим наименованием Балтики как «моря» соотносится хорошо известный по русским летописям термин «заморье»/«за море» для обозначения территорий, лежащих за Балтийским морем. Многочисленные случаи его употребления в Новгородской первой летописи даны в Указателе географических названий¹¹. В младшей НПЛ XV в., куда включена заимствованная из летописей Лаврентьевско-Ипатьевской группы варяжская легенда, термин «за море» в отношении Балтики фигурирует, начиная с рассказа об изгнании варягов «за море», а затем посылки «за море» послов к варяжским князьям¹². В старшей НПЛ, где рассказа о призвании ва-

⁸ Новгородская первая летопись... — С. 648.

⁹ *Голубцов И.А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. Вып. XX. — Москва, 1950. — С. 287.

¹⁰ Чертеж Голицына — Шпилкина помещен в статье И.А. Голубцова между с. 288 и 289. Надпись «морем» находится в акватории Балтики к северу от Кольвани (Ревеля, совр. Таллинн). При этом Ботнический залив имеет чисто русское название «подсеверная губа морская». Других обозначений для Балтики на карте нет.

¹¹ Новгородская первая летопись... — С. 657.

¹² Новгородская первая летопись... — С. 106.

рягов нет, термин «заморье» начинает употребляться с 6638 (1130) г., с сообщения о постигшем новгородские ладьи крушении у берегов Балтики: «идуце и-замория съ Готь, потопи лодии 7, и сами истопоша и товар»¹³. После чего этот термин используется регулярно. Например, под 6642 (1134): «Томь же лете рубоша новгородць за моремь въ Дони»; под 6650 (1142) г.: «В то же лето приходи Свьискеи князь съ епископомь въ 60 шнекъ на гость, иже и-заморья шли въ 3 лодьяхъ»; под 6664 (1156) г.: «Въ то же лето поставиша заморьстии церковь святыя Пятнице на Търговище»; под 6696 (1188): «а на весну не пустиша из Новагорода своихъ ни одного мужа за море»; под 6739 (1231) г.: «прибегоша Немци и-замория съ житомь и мукою» и т.д.¹⁴ Таким образом, новгородские летописи хранят молчание о названии Балтики. Аналогичную картину мы наблюдаем и в актовых источниках Новгорода.

1.2. Балтийское море в международных документах и других актовых источниках Новгорода XIII–XV вв.

Таким же безымянным «морем» Балтика остается в Ореховецком мирном договоре Новгорода со Швецией 1323 года. Установленная этим первым в истории двух государств русско-шведским договором государственная граница («розвод и межа») между Новгородом и Швецией начиналась «от моря» по реке Сестре: «А розводъ и межа: от моря река Сестрея, от Сестреи мох...». Кроме того, договор предусматривал для новгородских купцов право беспрепятственного проезда по Балтийскому морю: «нашему гостю путь чист за море»¹⁵.

Столь же последовательно Балтика именуется «морем» и в торговых договорах Новгорода. В первом же дошедшем до нас от конца XII в. торговом договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами Балтика остается безымянной: «А оже убьютъ новгородца посла за моремь...»¹⁶. В договоре Новгорода с немецкими купцами о спорных делах от 17 мая 1338 г. (имеется только копия на немецком языке) Балтика сно-

ва названа просто «морем»: «а приедет Герборт на эту сторону моря» («Wan Herbord kumt af desse sit der she»). В Проекте договора Новгорода с Любеком и Готским берегом от 1377 г. (список на немецком языке), ганзейские купцы названы «заморским купечеством» и «заморскими гостями»¹⁷. В Договорной грамоте Новгорода с немецким купечеством о перемирии от 20 июля 1372 г. (список на немецком языке) Балтика опять названа просто «морем»: «новгородского гостя убили на море»; «не терпеть притеснений из-за товара, который отняли на море». Даже в грамоте Новгорода Любеку от 1373 г. с требованием возврата товаров, награбленных морскими разбойниками у новгородцев, Балтика по-прежнему остается безымянным «морем»: «Буди вам ведомо: братьи нашей побито на море 12 человека в ъдной лодьи. <...> Также брать нашъ Сидоръ былъ въ Стоколме посольствомъ с тыми погыблыми людми, которыхъ племя на море побито»¹⁸. В проекте договорной грамоты Великого Новгорода с Ливонским орденом и епископом юрьевским о мире от 1420 г. сказано: «А поедет великого князя посол или новгородский посол через море... А будет возвращаться сюда из-за моря...»¹⁹. В грамоте Великого Новгорода городу Юрьеву с отказом заключить мир до удовлетворения обид (от 1421 г.) говорится: «И наша братья поехала в Колывань, и ваша братья, немцы, захватили наших на Неве и увезли их за море с их товаром». В грамоте Великого Новгорода городу Колывани от июля 1436 г. с требованием доставки на русскую границу задержанных в Колывани московских купцов сказано: «Сюда пришло слово из Москвы от князя великого Василия Васильевича, что задержали вы в Колывани купцов его, пришедших к вам из-за моря»²⁰.

Под определенным названием Балтийское море выступает в международных соглашениях Новгорода лишь дважды. Первый раз — в Договорной грамоте Новгорода с Ливонским орденом о пятилетнем перемирии от 27 февраля 1448 года. Однако в ней оно названо не Варяжским, а Солоным морем. В определении государственной границы Новгорода с орденомскими владениями в Ливонии сказано: «А земли и воды рубежь Великому Новгороду съ княземъ местеремъ рискимъ Инцеи Винки от Чючкаго озера стержемъ Норове реке прямо в Солоное море, по старым грамотамъ <...> и по крестному челованью»²¹. Второй раз Балтика названа Соле-

¹³ Новгородская первая летопись... — С. 22.

¹⁴ Новгородская первая летопись... — С. 23, 26, 30, 39, 71.

¹⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. — Москва; Ленинград, 1949. № 38. — С. 68.

¹⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 55. Точная дата заключения этого договора неизвестна. Он датируется по времени правления указанных в нем должностных лиц — посадника Мирошки и князя Ярослава Владимировича: 1189–1199 гг.

¹⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 72, 75.

¹⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 77, 79.

¹⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 98.

²⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 101, 109.

²¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 118.

ным морем в договорной грамоте Великого Новгорода и Пскова с Ливонским орденом от 25 июля 1448 года (список договора дошел на немецком языке). При определении рубежа Великого Новгорода с владениями рижского магистра Гейденрика Финке сказано, что граница идет от Эстонского (Чудского) озера стержнем Наровы реки прямо в Соленое море: «*uth der Eestenschen see de storm der Narven beke recht in dat zolte meer*»²². Таким образом, в международных документах Новгорода нет других обозначений Балтики, кроме безымянного «моря», за исключением двух договоров с Ливонским орденом от 1448 года, где оно поименовано Солонным морем²³.

Исключительно под своим нарицательным названием Балтийское море фигурирует и в налоговых документах Новгорода после его вхождения в состав Московского государства. Так, в переписной окладной книге Водской пятины 1500 года письма Дмитрия Китаева в числе поселенческих единиц Спасо-Городенского погоста Ореховского уезда указаны: «Село на Фомине Острову на Неве у моря»; «Великого князя волость, на реце на Неве у моря Тимофеевская Грузова». Из числа угодий этой волости Тимофея Грузова указаны море и рыбачьи тони на Неве: «Да угодей у той волости море, да в реце Неве тони»²⁴. Среди владений великого князя в Корбосельском погосте Ореховского уезда указана волость Василия Онаньина «на матером острове в Корине носу, и на Лисичье у моря». В составе этой волости упомянуты две великокняжеские деревни: Варяперя на море в Корине носу и деревня Керино на море²⁵. Во Введенском Дудоровском погосте того же Ореховского уезда значились три деревни «у моря»: «деревня на усть Лиги у моря» и еще две безымянные деревни «на Толакше у моря»²⁶.

Еще чаще термин «море» в отношении Балтики употребляется в описании населенных мест приморского Каргальского погоста Копорского уезда. Так, в той же окладной книге Водской пятины 1500 года указаны: сельцо Валгуша и деревня Меньшая Валгуша — «у моря»; сельцо Райково

²² Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 120. В немецком тексте Чудское озеро названо Эстонским (*Eestenschen see*), а гидроним Соленое/Соленое море передан не как имя собственное, а нарицательно *zolte meer* — «соленое море».

²³ Оба эти договора с названием Соленое море были заключены приглашенным на новгородское княжение литовским князем Александром Васильевичем Чарторийским, пребывавшем на новгородском столе в 1447–1455 гг.

²⁴ Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины. 2-я половина. — Москва, 1851. — С. 117, 119, 121.

²⁵ ОКВП. С. 199–200.

²⁶ ОКВП, 1851. С. 296, 307.

«на речке на Систи, близко моря»; деревня Осиновая Лука «на реце на Систи у моря»; деревня «на усть Систи у моря»; деревня Петрино «на усть же Систи, у моря»; деревня Варьевалда у моря; сельцо и деревня на Сойкиных горах — у моря; сельцо Вонялици у моря; две деревни Бродкино — обе у моря; деревня Жудово над озером Удосольским у моря; сельцо на Сипиных Горах у моря; деревня Дубовая у моря; деревня Веретя у моря²⁷. В Никольском Толдожском погосте Ямского уезда тоже упомянуты несколько поселений на берегу Балтики: «деревня Лужыци, на усть Луги, у моря»; деревня Черная, «на речке на Черной, близ моря»; деревня Парзиль, «над морем»²⁸. Однако ни разу в новгородских писцовых книгах Балтика не названа ни Варяжским, ни Солонным, ни каким-либо еще именем собственным.

Таким образом, новгородская письменная традиция XII–XVII вв., как она представлена в старейших новгородских летописях, международных договорах и переписке Новгорода с Ганзой и Швецией, в фискальных документах и картах, проявляет удивительную устойчивость в отношении названия Балтийского моря. Парадоксально, но для Новгорода, бывшего главными воротами на Балтику для всей остальной Руси, это море почти везде — даже в международных договорах — остается безымянным. Названий «Варяжское» или «Балтийское» море аутентичная новгородская традиция вообще не знает.

Правда, в одном новгородском документе конца XVII в. встречается уникальное название Балтики — Гольнское море. Его содержит челобитная новгородского купца Никиты Кошкина на имя государя царя Петра Алексеевича. Челобитная представляет собой жалобу на действия стокгольмского таможенника Адрияна Трецеля, по вине которого в Стокгольме был задержан карбас с товарами, принадлежавший Кошкину. Из-за задержки, вызванной вымогательством взятки со стороны сотрудника шведской таможни, было упущено безопасное для мореплавания время, карбас попал в осенний шторм и затонул вместе со всем товаром. Людям удалось спастись на ближайший остров. Новгородский купец просит царя доложить шведскому послу об этом деле и возместить понесенные убытки. В этой челобитной Балтика дважды названа Гольнским морем: «а в те дни были благополучные поносные на Русь ветры, и те торговые люди в ту благополучную поносную погоду проехали Гольнское море и на Русь

²⁷ Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. Первая половина // Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. — Санкт-Петербург, Т. 3. 1868. — Стб. 498, 499, 504, 508, 517, 522, 523, 539, 550, 551.

²⁸ НПК. Т. 3. Стб. 910, 912, 924.

выехали по здорову»; «А брата моево ... тот таможенник Адреян Терцель продержал 5 дней, а отпустил августа в двадесять четвертый день, и брат мой в то число из Стекольна и выехал; и августа в двадесять шестый день, как он выехал на Голыньское море, изняла погода немерная, ветер великой... и карбас мой со всеми товарами в море потопило...»²⁹. Объяснить происхождение столь необычного названия Балтики — Голыньское море — помогает древнерусская эпическая традиция.

1.3. Географическая номенклатура Балтийского моря в древнерусских былинах новгородского происхождения

В нашем распоряжении есть еще один источник информации, зачастую более древний, нежели письменные памятники. Это — устная эпическая традиция, а именно, новгородские былины. В самой известной из них — о богатом новгородском госте Садко — море, по которому плывут его корабли, тоже по большей части остается безымянным. К нему лишь прилагается традиционный для эпической поэзии эпитет «синё» или «синее» море, который не является именем собственным³⁰. Даже в тех случаях, когда указывается географически подробный маршрут Садко из Новгорода, Балтика все равно остается без названия:

Поехал Садке по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву реку,
А со Невы реки во сине море³¹.

Это отсутствие имени собственного у Балтики в былинах о Садко полностью соответствует ее неизменной безымянности в новгородской тра-

²⁹ Челобитная новгородского торгового человека Н. Кошкина в Новгородскую приказную палату о гибели его судна с товарами по вине служителя Стокгольмской таможни и о возмещении его убытков // Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. — Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 552–553. Документ датируется сентябрем — октябрем 1699 г.

³⁰ Словосочетание «синё море» многократно употребляется на протяжении всей былины. Например, «поехал он по славному по синю морю», «кому итти да во синё море», «пошла тая дощечка во синё море», «на синем море сходилась погода сильная», «застоялись черлены корабли на синем море» и т.д. (См.: Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 1. М., 1861. С. 364–375 и др.)

³¹ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 1. — Москва, 1861. — С. 375.

диции. Только в одной записи П.Н. Рыбникова описан довольно фантастический морской маршрут Садко:

Тут-то Садко поезд держал
Из Черна моря во Бело море,
Из Бела моря во Свирайское,
Из Свирайского моря во Китайское,
Из Китайского моря во Окиян-море³².

Автор этого позднего варианта, видимо, собрал воедино все известные ему моря. Китайское море здесь присутствует явно для рифмы к Свирайскому, название которого выглядит не имеющей географической привязки выдумкой. Однако это не так. Ключ к пониманию былинного «Свирайского моря» дает другая, гораздо более древняя былина — о Соловье Будимировиче. Разнообразная географическая номенклатура этой былины неоднократно становилась предметом внимания филологов и историков. Исследователи русского эпоса, в частности В.Ф. Миллер, относили былинную о Соловье Будимировиче к северному былинному репертуару, отмечая ее сходство с новгородской былинной о Садко и присутствующие в ней реалии северного судоходства³³. Свой вывод о ее новгородском происхождении В.Ф. Миллер подкреплял географической номенклатурой некоторых вариантов этой былины, в зачине которых фигурирует река Нева, впадающая в сине море:

Испод дуба, дуба сыраго,
Испод той березы спод наклапины,
Матушка Нева широко прошла;
Устьем выпадала во сине море во Виряньское³⁴.

Сам В.Ф. Миллер считал Виряньское море (и его поздние варианты Виряйское, Веряйское, Свирайское) искаженным названием Варяжского моря³⁵. Однако последующие исследователи дали более правильное объяснение этому названию. Русский историк П.Н. Милуков, посвятивший специальную статью этому былинному сюжету, пояснил, что название Ви-

³² Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 3. — Петрозаводск, 1864. — С. 250.

³³ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Былевой эпос. — Москва: Академический проект; Гаудеамус, 2013. — С. 191–195. Статья В.Ф. Миллера, посвященная былинам о Соловье Будимировиче, впервые опубликована в 1895 г.

³⁴ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 4. — Санкт-Петербург, 1867. — С. 56.

³⁵ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности... — С. 196.

рянского моря образовано от древнего названия северо-восточной части современной Эстонии — *Wironia, Wirland*³⁶. Точно так же эта страна называлась и у финнов: *Vigo* или *Vigonmaa* («земля виров», «виронская земля»). Жителей этой Виронской земли финны называли *virolainen* (виронец, житель Виро), а новгородцы — вируянами³⁷. Так, в Новгородской IV летописи под 1268 г. говорится о походе в Виронию псковского князя Довмонта: «Домантъ прошедь горы непроходимыя, и Вируянь плени и до моря»³⁸. Еще ближе к былинной форме «Виряньское море» название обитателей этого побережья в Московском своде конца XV в. — вирьяны³⁹. Как можно судить на основании Ливонской хроники Генриха Латышского, в XIII в. Виронией называлась только северо-восточная прибрежная часть современной Эстонии (от Колывани/Ревеля до Чудского озера и реки Нарвы, то есть до границы новгородско-псковских земель). В дальнейшем это название — *Wironia, Wirland* — было распространено на всю Эстонию и Ливонию⁴⁰.

Название Виряньского моря не единственное обозначение Балтики в былинах о Соловье Будимировиче. В других вариантах той же былины это море именуется Волынским:

Из за славного синя моря Волынского,
Из за того Кодольского острова,
Из за того лукоморья зеленого
Выбегало-бежит тридцать кораблей...⁴¹

«Сине море» и «остров Кодольский Веденецкой земли» фигурирует и в других вариантах той же былины. Так, на вопрос киевского князя: из каких краев прибыл заморский гость, Соловей отвечает, что он «из за славного за синя моря, Того ли острова Кодольского, Той земли Веденецкия»⁴². Упомянут в разных вариантах этой былины и некий город Леденец,

³⁶ Милоков П.Н. Что такое «море Виряньское» и город «Леденец»? // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера. — Москва, 1900. — С. 315.

³⁷ Вольтер Э.А. Что такое Линданиса? — Санкт-Петербург, 1901. — С. 2.

³⁸ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. — Москва: Языки русской культуры, 2000. Т. 4. Ч. 1. — С. 238; Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. Т. 43. — С. 99. То же сообщение — в Воскресенской летописи: «князь Домантъ проиде землю непроходимую, иде на Вируяны и плени землю их до моря». (ПСРЛ. М., Т. 7. 2001. С. 168).

³⁹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. Т. 25. — С. 148.

⁴⁰ Вольтер Э.А. Что такое Линданиса? — С. 2.

⁴¹ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 1. — С. 318.

⁴² Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 2. — Москва, 1862. — С. 189.

расположенный за синим морем на зеленом лукоморье. Так, в варианте Кирши Данилова Соловей Будимирович приезжает из Леденца:

Из за моря синева
Из глухоморья зеленова
От славного города Леденца
От того де царя веть заморскаго
Выбегали-выгребали тридцать кораблей...⁴³

П.Н. Милоков усматривал в названии острова Кодольский остров Котлин, а в Леденце — имя древнего замка Линданиссы (*Lyndanissa*), на месте которого в 1219 г. датчане возвели крепость Ревель⁴⁴. С мнением о Леденце как Линданиссе согласился и Э.А. Вольтер⁴⁵. В таком случае, в былинах о Соловье Будимировиче отразились реалии нынешней Таллиннской бухты. Советский историк В.Б. Вилинбахов тоже усматривал в географической номенклатуре былины о Соловье описание пути по Балтийскому морю. Он объяснял происхождение названия Волынское море от Волына/Волина — крупнейшего торгового города балтийских славян, находившегося на острове в устье реки Одры. В Кодольском острове он видел переосмысленное название острова Готланд, а в земле Веденецкой — Вендскую землю на Балтике. «Зеленое лукоморье», по его мнению, это «сильно измененное название Зеландское лукоморье», что отражает реалии южной Балтики у берегов Дании, откуда начинался путь вендских мореходов в Новгород. По мнению В.Б. Вилинбахова, в поездке Соловья Будимировича отражен путь славянских мореходов на Русь, который проходил по Балтийскому морю через Линданиссу в нынешней Таллиннской бухте. Но тогда «остров Кодольский», мимо которого плыл Соловей, не мог быть лежащим в стороне от этого пути островом Котлин, как считал П.Н. Милоков. Скорее, это остров Готланд, мимо которого действительно могли плыть корабли, отправлявшиеся на Русь из западнославянских земель⁴⁶.

Итак, в русском былинном эпосе Балтика имела устойчивое для эпической поэзии и применяемое для всякого моря название «синего моря». Можно полагать, что восточная часть Балтики (нынешний Финский за-

⁴³ Сборник Кирши Данилова. — Санкт-Петербург, 1901. — С. 1.

⁴⁴ Милоков П.Н. Что такое «море Виряньское» и город «Леденец»? — С. 315.

⁴⁵ Вольтер Э.А. Что такое Линданиса? — Санкт-Петербург, 1901.

⁴⁶ Вилинбахов В.Б. Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии // Русский фольклор. — Ленинград: Наука, 1971. — С. 226–229.

лив) именовалась Вирианским морем (от названия северо-восточной части современной Эстонии — Вирония), тогда как западная часть сохраняла название Волынского моря — от города Волина (Волина), главного торгового центра балтийских славян⁴⁷. Отсюда проясняется происхождение странного наименования Балтики — Голыньское море из челобитной новгородского купца Никиты Кошкина. Оно является ничем иным, как искаженным вариантом названия Волынского моря. Под таким экзотическим именем в среде новгородского купечества оно дожило до самого конца XVII в. «Лукоморье зеленое», которое некоторые исследователи склонны рассматривать как определенное географическое название, скорее, служило нарицательным обозначением береговой линии морского залива. (Лукоморье — лука, то есть изгиб, моря). Таким зеленым лукоморьем мог предстать и Рижский, и Таллиннский, и любой другой морской залив на Балтике. Название острова Кодольский проистекает от специального морского термина кодолы (корабельные канаты), упоминаемые в той же былине, и, скорее всего, является смысловой рационализацией названий Готланд или Котлин.

Присутствие в былине о Соловье Будимировиче Волынского моря и Веденецкой (Венедской) земли указывает на гораздо более раннее возникновение этой былины, нежели XIII или XV век. К середине XII в. земли балтийских славян были завоеваны немцами, славянская географическая номенклатура была переименована или стерта, Волин разрушен датчанами, и название Волынского моря перестало соответствовать исторической действительности⁴⁸. В.Б. Вилинбахов справедливо считал, что время возникновения этой былины следует относить к X—XI вв., периоду расцвета балтийско-славянской торговли. Учитывая разнообразие геогра-

⁴⁷ «Море Волыньское», «Волыньские острова», «Волынь-земля» и «город Волинец» фигурируют и в других былинах, в частности, в известной во множестве вариантов былине о Дюке Степановиче. Указание на море и острова исключает возможность отождествления былинной Волин-земли с Галицко-Волыньским княжеством. Тем более что путь туда, согласно былинам, пролегал через Корелу. Обоснование тождества города Волинца с балтийским Волином, а Волыньского моря — с Балтикой см.: Вилинбахов В.Б., Энгватов Н.Б. Где была Индия русских былин? // Славянский фольклор и историческая действительность. — Москва: Наука, 1965. — С. 99–108. Упоминается Волыньское море и в малоизвестной былине «Михайло князь». (См: Рыбников Т. 2. Москва, 1862. С. 252, 254).

⁴⁸ Волин (он же Винета, Юмнета, Юмна) в XI в. дважды разрушался датчанами. Адам Бременский упоминал нападение на Волин датско-норвежского короля Магнуса Доброго (в 1043 г.); Гельмольд, видимо, имел в виду нападение другого датского короля — Эрика Доброго (в 1098 г.), когда датчане разрушили Волин «до основания». (См.: Адам, II, с. 56. 2011. С. 122; Гельмольд, I, 2. 2011. С. 155). Следовательно, уже для XII в. название Волыньское море утратило реальный смысл и могло сохраняться только по инерции.

фической номенклатуры былины о Соловье Будимировиче, резко контрастирующей со скудостью новгородских обозначений для Балтики, можно предположить, что вариант с Волыньским морем возник еще в среде балтийских славян. После миграции в X веке части славянского населения с южной Балтики в район Поволховья Волыньское море было заменено на Вирианское, как более близкое географически⁴⁹. Так или иначе, но устная традиция сохранила гораздо более богатую географическую номенклатуру Балтийского моря, нежели официальные новгородские источники с их унылым однообразием, словно нарочно избегавшие называть Балтику иначе, как морем. Однако «Варяжского моря» в русском фольклоре нет. Следовательно, не только в представлении официальных летописцев и административных верхов, но и в народном сознании Балтика не ассоциировалась с варягами даже в новгородском регионе, где имелась довольно значительная варяжская топонимика, а, следовательно, и варяжское население⁵⁰.

Итак, рассмотрение всех категорий средневековых новгородских источников — летописных, актовых, картографических, фольклорных — убеждает в том, что собственно новгородская традиция не знала такого названия Балтики, как Варяжское море. Его отсутствие в новгородских средневековых памятниках до XV в. свидетельствует о том, что варягофильская историография (с присущим ей обозначением Балтики как Ва-

⁴⁹ Впрочем, здесь возможно и иное объяснение. Былина о Соловье Будимировиче могла первоначально относиться к былинам киевского цикла. Балтика имела в ней название Волыньского моря, как и в других древнерусских былинах, в частности, о Дюке Степановиче и Михайле князе. Восприятие ее в Новгороде повлекло за собой адаптацию сюжета к реалиям новгородского мореплавания и появление в вариантах этой былины таких связанных с балтийским регионом названий, как Нева, Вирианское море и город Леденец.

⁵⁰ О присутствии варягов в новгородских землях можно судить не только по сообщениям НПЛ, но и на основании топонимических следов. Во-первых, это особые Варяжские улицы, одна из которых имела в самом Новгороде, другая в его пригороде Ладоге. Во-вторых, Варяжская божница (церковь) в Новгороде, четыре раза упомянутая в старшей и младшей НПЛ в связи с пожарами (НПЛ // ПСРЛ. Т. 3. С. 29, 37, 57, 93; 215, 226, 258, 334). В-третьих, деревни с названием *Варягово* в Водской пятине Новгорода. Все они были расположены в Приневье. В переписной окладной книге Водской пятины 1500 г. упомянуты пять деревень с таким названием: одна в Ильинском Келтушском и четыре в Спасском Городенском погостах Ореховецкого уезда. В Келтушском погосте имелась общая деревня своеземцев *Варягово на Кобылицах* (Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины. (2-я половина). Москва, 1851. С. 248–249). Общая деревня *Варягово на Неве* имела в волости Дуброва Спасо-Городенского погоста (ОКВП, 1851. С. 130). Эта волость располагалась в основном на левом берегу Невы, между устьями рек Святки и Мыи. Еще три деревни с таким названием (*Варягово на Неве*), принадлежавшие «своеземцам» (то есть свободным землевладельцам), Окладная книга 1500 г. фиксирует в том же Спасо-Городенском погосте без указания их точного местонахождения (ОКВП, 1851. С. 139, 140).

ряжского моря) была заимствована в киевскую летопись не из новгородского летописания. Это обстоятельство оставляет вопрос об источнике этого заимствования открытым и заставляет обратиться к поиску обозначений Балтики в других русских землях.

ГЛАВА 2.

НАЗВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ XIII–XVIII вв.

1.1. Названия Балтийского моря в договорах Смоленска с Ригой XIII–XIV вв.

Помимо торговых договоров Новгорода с Ганзой и Готским берегом, информацию о названиях Балтийского моря содержат международные договоры Смоленска и союзных с ним Полоцка и Витебска. Прежде всего, это торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом, впервые заключенный в 1229 г. Он дошел в двух редакциях, представленных шестью списками. Списки А, В и С составляют так называемую готландскую редакцию, списки D, E и F — рижскую. Наличие нескольких списков Договора вызвано тем, что на протяжении XIII–XIV вв. этот торговый договор неоднократно подтверждался князьями, вступавшими на смоленский стол¹.

Во введении к спискам готландской редакции говорится, что мир утверждается в интересах князя, всех рижан и всего латинского языка и всех тех, кто «на восток моря ходит». А в самом тексте договора устанавливается, что немецкая сторона (рижский епископ, магистр Ливонского ордена и все подвинские землевладельцы) дают свободный проезд по Двине в море, как по воде, так и по берегу латинским и русским купцам. Так же и смоленская сторона дает свободный проезд купцам, приехавшим «от моря», вверх и вниз по Двине. В списках рижской редакции сказано, что мир утвержден в интересах князя, всех смолян и рижан, а также всех немцев, «по восточному морю» ходящих.

¹ Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подг. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин; под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. — Москва: Изд-во АН СССР. 1963. — С. 18–19. Списки не датированы, их датировка (за исключением списка В) до сих пор носит дискуссионный характер. Датировка списков дается по академическому изданию Смоленских грамот 1963 г.

**Название Балтики в договоре Смоленска с Ригой
по спискам Готландской редакции**

Список А (1229 г.)	Список В (1297–1300 гг.)	Список С (первая половина XIV в.)
На томь миру аж бы мирь твердь быть, тако быть князю любо и рижаньмъ всемъ и всемоу латинескомуу языку, и всемъ темь, кто то на <i>оустоко моря</i> ходить...	На томь миру аж бы твердь мирь быть, тако было князю любо и рижянямъ всемъ и всемоу латиньскомуу языку, и всемъ темь, кто то на <i>востокъ моря</i> ходить...	На томь миру аж бы твердь быть мирь, тако было князю любо и рижаномъ всемъ и всему латинскомуу языку, и всемъ темь, кто на <i>оустокъ моря</i> ходить...
Пискоуль ризкии, мастърь божьихъ дворянь и вси земледержци, Ти дають двиноу свободноу от върхоу и до низоу <i>въ мьре</i> и по воду и по берегу всемоу латинескомуу языку и роуси, кто правьи купчъ есть, <i>от моря</i> даемоу свободно, кто хочете по двине ехати оу върхъ или оу низъ.	Пискупъ рижьскии, месторъ божьихъ дворянь и вси земледержци, Ти дають двиноу свободну от верьхоу и до низоу <i>в море</i> и по воде и по берегу все латиньскомуу языку и роусьскомуу, кто правьи коупецъ, <i>от моря</i> даемъ свободно, кто хочеть горе ехати или в низъ по двине.	Пискупъ ризкии, масторъ божиихъ дворянь и вси земледержци ти дають двину свобону от верьху и до низу <i>оу море</i> и по воде и по земли всему латинскомуу языку и руси. Кто правьи купецъ есть, <i>от моря</i> свобоно даемоу есть, кто хочеть по двине ехати оу верьхъ и оу низъ.
Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 21, 24.	Там же. С. 25, 29.	Там же. С. 31, 34.

**Название Балтики в договоре Смоленска с Ригой
по спискам Рижской редакции**

Список Е (первой половины XIII в.)	Список D (1270–1277 гг.)	Список F (сер. XIV в.)
...како мирь оутвържень, и добросърдие а бы въ веки стояло, и князю любо бы и всемъ смолняномъ и рижаномъ и всемъ немцемъ, по <i>въсточномуу морю</i> ходящимъ...	...како мирь оутвържонъ, и добросердьє абы въ веки стояло, и князю любо бы и всемъ смолняномъ и рижаномъ и всемъ немцомъ, по <i>въсточномуу морю</i> ходящимъ...	...какъ мирь оутвержень и добросердьє а бы въ веки стояло, и князю любо бы и всимъ смолняномъ и рижаномъ и всимъ немчем, по <i>въсточнъму морю</i> ходящимъ...
Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 40.	Там же. С. 35.	Там же. С. 45–46.

Таким образом, различие двух редакций договора Смоленска с Ригой в отношении интересующего нас названия состоит в том, что во всех трех списках готландской редакции Балтика трижды названа просто «морем» (в том числе, при упоминании тех, кто ходит на «восток моря»), тогда как в рижской редакции она получает дополнительное название «восточного моря». Вопрос о непосредственных составителях договора 1229 г. остается

открытым. Высказывалось мнение, поддержанное советскими публикаторами Смоленских грамот, что с русской стороны его составителем был обрусевший немец Тумаш (Томас) Михайлович Смольнянин². Поэтому невозможно судить наверняка, употреблялось ли название Восточное море самими смолянами или полоцанами: ни смоленские, ни полоцкие летописи до нас не дошли. Для жителей русского Подвинья это море было «западным», «Восточным» его называли немцы. Но независимо от того, принадлежит ли название «Восточное море» составителям-немцам или было заимствовано в качестве названия Балтики русским населением Подвинья, оно доказывает, что название «Варяжское море» не имело хождения не только в Новгороде, но и на территории западнорусских княжеств. Что касается документов средневекового Полоцка, то в опубликованном корпусе полоцких грамот Балтийское море не упоминается ни под каким названием. Хотя, судя по договорам полоцких князей с Ригой, полочане и витьбляне ездили по торговым делам не только до Риги, но и до Готланда и Любека³.

2.2. Названия Балтийского моря в международных договорах Московской Руси XIV–XVII вв.

Следующей группой документов, в которых можно найти упоминания Балтийского моря, являются русские договоры со Швецией: сначала Новгорода, затем Московского государства. Как уже говорилось, первым русским договором о мире со Швецией был Ореховецкий договор от 12 августа 1323 г. В общей сложности, неоднократно продлеваясь, он действовал в течение 272 лет. Сначала в качестве постоянно действующего соглашением Новгородской республики и Шведского королевства (в течение 155 лет: с 1323

² Смоленские грамоты... — С. 19. Имя Тумаша Смольнянина в качестве одного из двух составителей договора указано в списках Готландской редакции. В списках Рижской редакции присутствует и отчество Тумаша — Михалеви́ч (Михайлович). Составителем с немецкой стороны указан орденский рыцарь Рольф «из Кашеля». См.: Смоленские грамоты... — С. 21, 25, 31; 35, 40, 45.

³ Так, в одном из первых полоцких торговых договоров — грамоте полоцкого князя Изяслава рижскому архиепископу, ливонскому магистру и всем рижанам о свободной торговле и продолжении мирных сношений (от 31 июня 1267 г.) содержится пункт о беспрепятственной торговле купцов Полоцка и Витебска в Риге, на Готланде и в Любеке: «Полочаномъ, видьблянномъ волное торгованье въ Ризе, на Готьскомъ бере(ге) и в Любце. А рубежа не деяти». (Полоцкие грамоты XIII — начала XVI века. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. Т. 1. С. 59. № 2).

по 1478 г.). Затем как сохраняющий силу мирный договор между Московским государством и Швецией (еще в течение 117 лет с 1478 по 1595 г.). Лишь в 1595 г. он был заменен в этом качестве Тявзинским договором⁴.

В Ореховецком договоре Балтика упомянута как начало новгородско-шведской границы: «А разводь и межа: от моря река Сестрея...»⁵. Аналогично и в тексте Тявзинского договора Балтика по старой новгородской традиции называется просто морем: «Точно также те купцы, которые с их товарами пожелают проехать к Великому Государю, Царю и Великому Князю, Феодору Иоанновичу, всея Русии Самодержцу, через море из Римской Империи, Испании, Англии, Дании, Франции, Любека и из других мест, откуда бы то ни было...»⁶.

Следующей вехой в русско-шведских отношениях стал Выборгский договор, который представлял собой не единичный документ, а целый комплекс ряда соглашений и протоколов, одни из которых дополняли основной текст этого документа, а другие выполняли роль «гарантийных подтверждений» исполнения обязательств России. Первое — основное — соглашение между уполномоченными царя Василия Шуйского и послами шведского короля Карла IX было заключено в Выборге в конце февраля 1609 г. Оригинал этого соглашения был составлен на латинском языке, копии — на русском и немецком⁷. Тексты русских копий вместе с серией последующих соглашений Шуйского со шведами были опубликованы во втором томе Актов исторических (1841 г.). Балтика (точнее, Финский залив) упомянута в одном из пунктов Выборгского договора, который предусматривал право свободного прохода шведских войск с территории Финляндии в шведские владения в Ливонии (Лифляндии) в случае возникновения там военной угрозы шведским городам. При этом пояснялось, что мера эта рассчитана на зимнее время, по той причине, что зимой морем до Ливонии проехать невозможно: «для того, что зимою ратным в Лифлянты через море ехать не мочно»⁸.

⁴ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Кн. 1. Войны и мирные договоры. — Москва: Международные отношения, 1995. — С. 147.

⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 1949. — С. 68.

⁶ Мирный договор между Швецией и Россией, заключенный в Тявзине / пер. со швед. А. Чумикова // ЧОИДР. Кн. 2. — Москва, 1868. — С. 11.

⁷ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет... — С. 183, 189.

⁸ Договорная запись стольника и воеводы Семена Головина и дьяка Сыдавнаго Зиновьева с полномочными послами Шведского короля Карла IX, о дружественном союзе России со Швецией и вспомогательном войске // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. 1598–1613. — Санкт-Петербург, 1841. — С. 183.

Тот же самый пункт прописан и в договорной записи со стороны шведских уполномоченных. Там уточняется, что из-за непостоянства морозов, идти по льду через море опасно, поэтому шведы получают право свободного прохода до Нарвы через русскую территорию: «отселе, из Финской земли, для непостоянной зимы, идти через лед, или для иных промешек, а тем, которые в Лифлянтах, через море, на помочь нельзя идти». Отсюда есть «нужа» в город Ругодив свейских ратных людей через Копорский, Ямской и Ивангородский уезды «пропускати и не задержати»⁹. В обоих случаях Финский залив по старой новгородской традиции обозначен как просто «море».

Еще одним международным соглашением, где присутствует упоминание Балтийского моря, является Столбовский мирный договор между Русским государством и Швецией от 27 февраля 1617 г., который подвел итог русско-шведским отношениям во время Смутного времени. В тексте этого договора, опубликованного в первом томе Полного собрания законов Российской империи, Балтика упомянута единственный раз как Солёное море: «Будет также случится, что Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Русии Самодержца, Его Царского Величества подданных и торговых людей байдаки, и лады, и суда купецкия, какъ они пойдуть въ Колывань, въ Выборг или въ иные города и места, въ Свейскую, въ Финскую и Лифляндскую землю, или корабли или суда, на которыхъ Его Царскаго Величества послы, посланники или гонцы будутъ, какъ они пойдуть къ Цесарю и къ Папе Римскому, и въ Великую Британию и въ инья государства через Свейское Королевство, или назадъ идучи разобьеть и къ Свейскому берегу принесеть у Солёного моря, или у Ладожского озера...»¹⁰.

Правда, в Полном собрании законов Российской империи был опубликован не подлинный русский текст Столбовского договора, а русский перевод 1617 г. со шведского экземпляра этого документа. Русский подлинник договора, отосланный в Швецию, не сохранился. Отрывок по копии с русского оригинала 1617 г., хранившейся в Посольском приказе, был опубликован в сборнике русско-шведских документов в 1960 г. Никаких принципиальных различий между обоими текстами нет. В опубликованном отрывке Балтийское море также названо Солёным: «А будет слу-

⁹ Договорная запись полномочных послов Шведскаго Короля Карла IX с стольником и воеводою Семеном Головиным и дьяком Сыдавным Зиновьевым, о дружественном союзе Швеции с Россией и вспомогательном войске // Акты исторические. Т. 2. — С. 186–187.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. 1649–1675 гг. — Санкт-Петербург, 1830. — № 19-1. — С. 191.

читца коли, что великого государя нашего, царя и великого князя Михайла Федоровича, всеа Русии самодержца, его царского величества подданных и торговых людей байдаки и лодьи и суды купецкие, как оне пойдут в Колывань, в Выбор или в иные города и места, в Свею, в Финскую или в Лифляндскую землю, или корабли или суды, на которых его царского величества послы и посланники или гонцы будут, как они пойдут к цесарю, в Англинскую землю, к папе римскому и в иные государства через Свейское королевство или, нозад идучи, розобьет и к Свейскому берегу принесет у Соленого моря или у Ладожского озера...»¹¹.

Следующей вехой в противостоянии двух держав на Балтике стала русско-шведская война 1656–1658 гг. Она ознаменовалась подписанием двух соглашений: Валиесарского перемирия от 20 декабря 1658 г. и завершившего ее Кардисского «вечного» (то есть, бессрочного) мира со Швецией от 21 июня 1661 г.

Статья 22 Валиесарского перемирия содержала традиционную для русско-шведских договоров норму об оказании взаимной помощи при кораблекрушениях. И снова Балтика здесь названа Соленым морем: «также будет лучится, что Великаго Государя Его Царскаго Величества подданных и торговых людей лады, шняки и суды, которые ходять въ Колывань, въ Выборгъ или въ иные города и места въ Свею и въ Финскую землю, и те корабли и суды, на которыхъ Его Царскаго Величества послы и гонцы будутъ, какъ они поедуть къ Цесарю и въ Англинскую землю и къ Папе Римскому и въ иные государства, сквозь Свейское Королевство, и въ ихъ проезде отъ бури и отъ непогоды, или инымъ какимъ обычаемъ разобьются и прибьеть ихъ къ Свейскому берегу на Соленомъ море или на Ладожскомъ озере...»¹².

Согласно Кардисскому миру 1661 г. Россия возвращала Швеции все свои завоевания в Прибалтике. Кроме того, договор подтвердил нерушимость прежних соглашений по Тявзинскому, Выборгскому и Столбовскому миру. В статье 12 вновь подтверждалась обязанность взаимной помощи при кораблекрушениях, как и в аналогичных статьях предыдущих мирных договоров. В частности, в ней говорилось: «Также буде случилось, что Великого Государя, Его Царскаго Величества подданных и торговых людей лодьи, шкуты, байдаки и суды, которые пойдут в Колывань, в Выбор или

¹¹ Из Столбовского мирного договора между Русским государством и Швецией 1617 г. февраля 27 // Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. — Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 26.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. 1649–1675 гг. — Санкт-Петербург, 1830. — С. 476.

иные города и места, в Свею и Финлянты, и те корабли и суды, на которых Его Царскаго Величества послы, или гонцы могут быть, когда они едут к Цесарю, в Англинскую, в Датскую, в Голландскую земли, к Папе Римскому и в иные Государства через Свейское Королевство; и на их поезде и приезде, через бурю и погоду, или иные случаи, разобьются, и прибьет их к берегу на тою сторону, которая есть под владением Его Велеможнейшаго Государя, Его Королевскаго Величества, либо в Соляном море, и в Ладожском и Чудском или в иных озерах и реках...»¹³. И вновь Балтика названа Соляным морем.

Таким образом, международные соглашения Руси-России со Швецией XIV–XVII вв. показывают, что пока сохранялась инерция новгородской традиции, Балтика называлась «морем»; в московском обиходе она именовалась Солоным/Соленым/Соляным морем¹⁴. Название «Варяжское море» в русско-шведских договорах за этот период отсутствует.

Такая же двойственность обозначения Балтийского моря присутствует и в международных соглашениях Московского государства с другими иностранными государствами: Венгрией, Данией, Ливонскими княжествами, а также с Ганзейским союзом. Чаще всего Балтика именуется «морем», иногда — Соляным морем.

Так, в грамоте Ивана III к Матиасу Корвину, королю Венгерскому о начале военных действий против Казимира Польского от 29 июля 1488 г. Балтика несколько раз упомянута как безымянное «море». В ней сообщается, что венгерский посол вынужден был возвращаться обратно околь-

¹³ Полное собрание законов Российской империи... Т. 1. — № 301. — С. 541.

¹⁴ Надо заметить, что такое название как Соленое море не могло появиться в Новгороде. Балтийское море является сильно опресненным, особенно в своей восточной части — Финском заливе, соленость которого в поверхностных водах не превышает 2 промилле, а в Невской губе равна нулю. Соленым оно является в своей крайней западной части. Так, в Датских проливах его соленость составляет 20‰ на поверхности и 30‰ на глубине. (Балтийское море // БСЭ. В 65 т. Т. 4: Атоллы–Барщина. М.: Советская энциклопедия, 1926. Стб. 553). Пресной считается вода с минерализацией до 1 промилле (1 г солей на кг воды), солоноватая — от 1 до 24,7 промилле, соленая — от 24,7 до 47 промилле. Таким образом, Балтика — самое пресноводное море из всех существующих, а в Финском заливе на поверхности моря — почти пресное. Сами москвичи, не имевшие контакта с Балтийским морем, не могли выдумать такого названия. Следовательно, оно заимствовано. Но когда и от кого? Этот вопрос следует оставить открытым. Из изученного массива документов впервые оно фиксируется в двух новгородских договорах с Ливонией 1448 г. Оба договора были заключены князем Александром Васильевичем Чарторыйским из рода литовских Гедиминовичей. Трудно сказать, заимствовала ли Москва это название из Литвы или, наоборот, тесно связанный с московским домом Александр Чарторыйский, принимавший участие в «феодалной войне» XV в. на стороне Дмитрия Шемяки (и ставший впоследствии его зятем), усвоил это московское название. Однако ясно, что изначально название Соленое море могло возникнуть только на западе, а не на востоке Балтики.

ным путем, почему московский князь дал ему провожатого: «А твой человек Иван Диак отпросился у нас через Немецкие земли, и мы его к тебе отпустили, а послали есмь с ним своего человека проводить его через Лифляндскую землю до моря, а приказали есмь с своим человеком к тем Немцам Лифляндские земли, чтобы твоего человека Ивана на корабль посадили и море(м) велели перепровадити к Любку, или в иным местом, куды будет твоему человеку Ивану надобе». Далее в грамоте объясняется, почему Иван III не имел возможности вместе с венгерским посланником отправить к королю Матиасу своего посла («своего человека»): путь лежал через территорию, которая находилась во владении императора Фридриха III Габсбурга, враждебного московскому государю. Цесаревы земли лежат «за морем»: «А к тебе есмь своего человека не послали с твоим человеком вместе тою дорогою, затем: сказывают там за морем зашли по той дорозе Цесаревы земли...»¹⁵.

Союзный договор между Данией (включавшей тогда по Кальмарской унии также территории Норвегии и Швеции) и Россией от 8 ноября 1493 г. предписывал взаимную охрану выброшенных бурей на берег кораблей и безвозмездную помощь пострадавшим: «И если случайно которые из наших подданных, застигнутые бурейю на море, причалят к берегам его государства, или которые из подданных его к берегам нашего владения...»¹⁶. Упомянутое в договоре «море» могло быть только Балтийским, поскольку торгового пути через Архангельск (как и самого Архангельска) тогда еще не существовало.

Таким же безымянным морем Балтика выступает и в жалованной грамоте Василия III о разрешении торговли датским купцам (июль 1517 г.). Как и предыдущий договор, она предписывала возврат товаров и судов датским купцам, потерпевшим кораблекрушение у русских берегов: «а буде погоде дацким кораблям на море какую досаду учинит и прибует их нашего Государства к берегу, и корабль и досталные товары, которые на нем, отдать назад без всякой хитрости»¹⁷.

В перемирной грамоте Василия III с ганзейскими городами на 10 лет от 25 мая 1514 г. содержится просьба, чтобы Великий Государь Василий пожаловал всех купцов и купецких детей семидесяти городов «с сее стороны поморья и с оной стороны заморья» заключением перемирия и сохранением торгового пути «по старине». Формулы «с сее стороны поморья и с оной стороны заморья» и «с тое стороны заморья и с сее стороны поморья» пов-

¹⁵ Собрание государственных договоров и грамот. В 5 ч. Ч. 5. — Москва, 1894. — С. 5.

¹⁶ Собрание государственных договоров и грамот... — С. 130.

¹⁷ Собрание государственных договоров и грамот... — С. 76.

торяются несколько раз. В случае нападения морских пиратов на новгородских купцов договор предусматривал со стороны Ганзейского союза розыск и смертную казнь грабителей в том случае, если они окажутся уроженцами «семидесяти городов»: «А доспеется каково лихо над Новгородским купцом на море от лихих людей...». Договор также предусматривал обоюдную помощь и выдачу выброшенных на берег кораблей с товаром при кораблекрушении на море, если это произошло на территории, находящейся в юрисдикции Ганзы или Руси: «а задерет на море Новгородскую бусу ветром ... да прибует ее к неметцкому берегу к семидесяти городов; также задерет на море неметцкую бусу ветром, а прибует ее к <...> Новгородской земле берегу...»¹⁸. Балтика здесь снова последовательно безымянна.

Под названием Соляное море она упоминается в двух договорах с Лифляндскими княжествами: 1509 и 1521 гг. Договор о перемирии на 14 лет от 25 марта 1509 г. между Лифляндией и Московским государством был заключен в Новгороде новгородским и псковским наместниками великого князя Василия Ивановича. Он предусматривал перемирие и обоюдную свободную торговлю, с дозволением русским купцам строить в Лифляндии церкви. Дошел лишь немецкий список договора 1509 г. плохой сохранности. Как и в старых договорах с Ливонским орденом и Дерптским епископом, дается описание русско-немецкой границы. Среди прочего указано, что граница идет «по реке Нарове и в Соляное море»¹⁹. То же название присутствует в заглавии русско-немецкого договора о перемирии на 10 лет, заключенного через лифляндских послов и новгородских наместников великого князя 1 сентября 1521 г.: «о бытии рубежу старому, начинающая от Чудского озера стержнем Наровы реки, и поперег острова, что пониже Ивана города и Ругодива на реке Нарове, да в Соляное море». В самом тексте договора говорится: «А земле и воде великому Новгороду со Князем Магистром старой рубеж: и с Чюдского озера стержнем Наровы реки, и поперег острова, что пониже Ивана города и Ругодива, на реке на Нарове, да всолоное море (dat solte Meher), по старым грамотам»²⁰.

Итак, единственным собственным именем Балтийского моря в международных договорах Московского государства на протяжении XV–XVII вв. остается Солёное (Солоное, Соляное) море. Названия Варяжско-го моря нет.

¹⁸ Собрание государственных договоров и грамот... — С. 56–59.

¹⁹ Собрание государственных договоров и грамот... — С. 41.

²⁰ Собрание государственных договоров и грамот... — С. 87, 89.

2.3. Названия Балтийского моря в законодательных актах и договорах Российского государства первой четверти XVIII в.

Царствование Петра I ознаменовалось переменой в названии Балтийского моря. Если новгородские документы, как внутренние, так и международные, оставляли Балтику безымянной, а в заключенных от имени московских правителей международных договорах она именовалась Солёным морем, то с Петра I начинается современная традиция обозначения ее как Балтийского моря. В самом первом из изданных в петровское время узаконений, где содержится упоминание об этом море, она имеет привычное нам название.

Так, заключенное в Москве 12 января 1701 г. боярином Головиным с датским посланником Гейнсом соглашение между Россией и Данией о датской помощи России предусматривало присылку в Россию шести датских полков в случае вмешательства союзников Швеции — Англии и Голландии — в русско-шведский конфликт. Переброска датских войск планировалась по морю, в связи с чем в соглашении оговаривались сроки прибытия воинских кораблей: «сколь скоро Балтийское море к плаванию удобно будет и вода вскроется»²¹. Во второй статье заключенной 15 июня 1710 г. в Санкт-Петербурге конвенции между Российским и Датским дворами о взаимной салютации флотов и кораблей российских и датских говорилось, что «на Балтийском море между островов Борнгольма и Гохланда с обеих сторон поздравления не чинить друг другу»²². В 1712 г. петровская канцелярия издала Предписание голландским военным и купеческим кораблям отдавать честь российским военным кораблям, крепостям и замкам, как на море, так на реках и пристанях. В частности, военным голландским кораблям при встрече с российскими кораблями или прохождении мимо российских крепостей было предписано «отдавать честь» пушечным салютом и приспусканием вымпела. Такой порядок вводился на Белом море, и так же «и на Балтийском море поступать надлежит, начиная область Его Царского Величества от длины города Эльбинга и далее на Балтийском море, до которых мест область распространяется»²³. В этом документе название Балтийское море повторено дважды.

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. 1700–1712. — Санкт-Петербург, 1830. — № 1824. — С. 130.

²² Полное собрание законов Российской империи. Т. 4... — № 2274. — С. 498.

²³ Полное собрание законов Российской империи. Т. 4... — № 2619. — С. 881.

При этом, как показывают другие случаи словоупотребления этого названия, Балтийским морем называлась вся Балтика в целом, что не исключало других «морей» в ее составе. Об этом свидетельствует, например, конвенция, заключенная 15/26 июня 1713 г. в Гнейене между фельдмаршалом князем Меншиковым и городом Любеком. Это соглашение предусматривало обязанность со стороны России защищать город Любек и подтверждало прежние его права и преимущества в торговле с Россией. От имени «Его Царского Величества» князь Меншиков обязался коммерции города Любека «в Балтийском, Северном и Восточном море не запрещать»²⁴. Восточным морем (Ostsee) Балтику называли немцы, а в русском обиходе, как показывают карты XVIII в., так назывался преимущественно Рижский залив. Не исключено, что под названием «Северного» здесь тоже имеется в виду не Северное (в русской номенклатуре «Немецкое») море, как таковое, а часть Балтийского моря у берегов северной Германии и Польши. Такое обозначение этой части Балтики мы встречаем, например, в Трактате, заключенном в Амстердаме между Россией, Францией и Пруссией: «О дружбе, союзе, коммерции и о содержании на Севере тишины» от 4/15 августа 1717 г. В сепаратных статьях к этому договору упомянут город Штетин «при море Северном»²⁵, хотя этот город (ныне Щецин в составе Польши) находится на южном побережье не Северного, а Балтийского моря.

Однако во многих петровских указах Балтика по старой русской традиции именовалась просто «морем». Такие случаи весьма многочисленны, приведем лишь некоторые. Например, в указе от 16 января 1714 г., который предписывал поставлять экспортные товары (юфть и пеньку) для продажи «за море» в Санкт-Петербург, а не в Архангельск, как раньше. Или в именном указе от 2 марта 1716 г. о посылке дворянских детей за границу для обучения морской службе. Указ предписывал отобрать 60 человек «из школьников лучших дворянских детей» в Санкт-Петербурге и отправить их «от Ревеля морем на шнявах» до Риги. В указе от 27 февраля 1717 г. о временном запрете вывоза хлеба из российских портов (Санкт-Петербурга, Архангельска, Риги и Ревеля) «за море» по причине неурожая говорилось: «хлебу отпуск за море удержать и иноземцам на тот заморский отпуск не продавать». Летом экспорт хлеба был возобновлен, о чем последовал указ от 7 июня 1717 г. «об отпуске из Рижского порта хлеба за море». Или указ от 30 апреля 1719 г. о дозволении вывозить в Ригу и Лифляндию

²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. 1713–1719 гг. — Санкт-Петербург, 1830. — № 2688. — С. 43.

²⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 5... — № 3098. — С. 505.

«из за моря парчи и торговать оными в сих городах»²⁶. Во всех этих случаях речь идет явно о Балтийском море. Причина, по которой Балтика не нуждалась в особом названии, понятна. Это море служило естественным водным рубежом, который отделял «русский материк» от европейских государств. Поэтому выражения «за море» и «из-за моря» имели устойчивый смысл «за границу» и «из-за границы».

Правда, далеко не всегда «море» служило синонимом «границы». И в петровское время это слово часто заменяло собой название Балтики, что свидетельствует о неразвитости русской географической номенклатуры в отношении Балтики даже в начале XVIII в., когда на этом море уже существовал такой крупный порт, как Санкт-Петербург, а также вошедшие в состав России Выборг и портовые города Восточной Прибалтики: Нарва, Ревель, Рогервик, Пернов, Рига. В именном указе от 16 января 1720 г.: «О владении деревнями между морем и Ладожским озером» море везде остается безымянным, без конкретизации названий Балтийское море, Финский залив, Кронштадтская бухта или Невская губа²⁷. Нет названия для морского залива Балтики у Санкт-Петербурга и в инструкции офицеру на брандвахте у Березовых островов от 18 мая 1722 г. Инструкция определяла правила досмотра судов, прежде всего иностранных, в Финском заливе. На протяжении всей инструкции эта часть Балтики определяется просто как «море»: «когда корабли, с моря идущие, усмотрит», «всем чужестранным кораблям, идущим с моря», «к кораблям, идущим с моря, послать свою шлюпку» и т.д.²⁸ Единственный конкретный термин относительно Финского залива, который встречается в этом документе, — «Березовый зунд» (Березовый пролив) — представляет собой русско-немецкий гибрид²⁹.

Тем не менее, название Финского для восточного залива Балтики впервые встречается в русском словоупотреблении именно в документах петровского времени: сначала как Синус Финский, а затем как Финской/Финский залив. Название Синус Финский было заимствовано из европейской картографической традиции, где оно известно еще с XVI века. Так, на карте крупнейшего голландского картографа XVI в. Герарда Меркатора 1554 г. восточный залив Балтийского моря обозначен по-латыни

²⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 5... — № 2760. — С. 77; — № 2999. — С. 201; — № 3069. — С. 489; — № 3088. — С. 496; — № 3359. — С. 696.

²⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. 1720–1722 гг. — Санкт-Петербург, 1830. — № 3489. — С. 118.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6... — № 4013. — С. 689–691.

²⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6... — С. 692.

как FINNICUS SINUS, а на карте Исаака Массы 1613 г. — как SINUS FINNICUS³⁰. Это латинское название содержится в тексте Ништадтского мира от 30 августа 1721 г., который подвел итог Северной войне со Швецией. Статья 8 этого мирного договора устанавливала границы между двумя государствами. Она начиналась от северного берега «морской заливы» — Синуса Финского: «между обоими Государствами границы следующие быть и остаться имеют, а именно: начинается она у Северного берега Синуса Финского у Вирелакса, откуда идет она с полмили от морского берега в землю, и останется в расстоянии полумили от воды даже против Виллайоки <...> она тогда в расстоянии трех четвертей мили от морской заливы отстоит»³¹. Других названий Балтики в Ништадтском трактате нет. Такое же название Финского залива сохраняется и в заключенном позднее соглашении о демаркационной линии российско-шведской границы при ратификации Ништадтского мира 19 марта 1723 г. Она начиналась от мыса Гурпониemi у северного берега «синуса Финского»: «По приложенной и от обеих сторон подписанной карте, граница последующим образом заключена и учинена, а именно: граница между обоими Государствами Россияею и Швециею начинается от большого камня, которой лежит при косе Гурпониemi, у северного берега синуса Финского...»³². Присутствует оно и на некоторых картах петровского времени (о которых будет сказано далее). В дальнейшем название «синус Финский» было заменено на «Финский залив».

Некоторая неустойчивость новой номенклатуры проявлялась и в том, что наряду с Балтийским в петровских указах встречается термин Балтичское море. Такое название содержит, например, именной указ от 23 февраля 1721 г. «О рубке торговым людям для отпуска за море мачтового леса»: «Купецким людям, как русским, так и иноземцам, от портов Российских при Балтичском море...»³³. «Балтичским» оно названо и в инструкции главе лесного ведомства обер-вальдмейстеру Глебовскому от 19 июля 1722 г. В статье 4 этой инструкции, где устанавливались параметры экспортной древесины, говорится: «Купецким людям, как русским, так и иноземцам, от портов Российских при Балтичском море, опричь Риги...»³⁴. Однако эта форма не была доминирующей. В большинстве указа-

³⁰ Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вторая серия. Вып. 1. — Киев, 1906. — Табл. IV, XIV.

³¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6... — № 3819. — С. 424–425.

³² Полное собрание законов Российской империи. Т. 7... — № 4189. — С. 35.

³³ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6... — № 3744. — С. 361.

³⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6... — № 4060. — С. 751.

зов и договоров 1700–1725 гг., где упоминается Балтика, решительно преобладает название Балтийское море. Последний раз в указах петровского времени оно упомянуто в инструкции обер-вальдмейстеру от 3 декабря 1723 г. В статье 2 этой инструкции говорится о реках, по берегам которых запрещена рубка леса. Наряду с Волгой, Окой, Доном и Днепром, указана и река «Двина, что впадает в Балтийское море»³⁵. Ни Варяжского, ни Остзейского, ни Свейского моря в указах и договорах Российской империи при Петре I нет.

Нет этих названий и в законодательных документах во время правления супруги Петра I, императрицы Екатерины I. Несмотря на то, что Екатерина (урожденная Марта Скаврнская) была родом из Остзейских губерний, принятое в немецкой Прибалтике название Остзейского моря в официальных документах ее царствования отсутствует. Хотя указы относительно устройства дел в Остзейских губерниях (Лифляндии и Эстляндии) в период ее недолгого правления следуют один за другим: российская самодержица не забывала своей родины и пеклась о ее интересах. Однако море, омывающее Прибалтийский Остзейский край, и в период ее правления именуется не Остзейским, а Балтийским или Балтическим.

В июне 1726 г. в Финский залив была прислана эскадра английских военных судов, которая стала на якорь напротив Ревельской гавани. Правительство Екатерины ответило на эту демонстрацию силы принятием Декларации о свободе торговли для английских купцов на территории России от 21 июня 1726 г. В этой Декларации море дважды поименовано *Балтическим*: «...понеже Его Королевское величество Великобританский сильную эскадру своих военных кораблей в Балтическое море прислал...», «...хотя б от Его Королевского Величества Великобританского и от присланной от него в Балтическое море помянутой эскадры...»³⁶. После столь недружественной выходки Англии, в августе 1726 г. в Санкт-Петербурге был заключен Трактат оборонительного союза между Прусским и Российским дворами. В статье 2 этого Трактата подчеркнуто, что союз двух государств заключается не против третьих стран, а исключительно для охраны своих владений, «и особливо тех, которые обои Их Величества при Балтийском море имеют»³⁷. В опубликованной в следующем году Декларации «О свободной торговле Английским подданным в России» от 20 апреля 1727 г. напоминается о данном в прошлом году обещании предоставить

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 7. 1723–1727 гг. — Санкт-Петербург, 1830. — № 4379. — С. 175.

³⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 7... — № 4910. — С. 667.

³⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 7... — № 4947. — С. 689.

подданным британской короны «свободное отправление купечества»: «Мы прошедшего 1726 года, во время приходу эскадры Королевского Величества Великобританского военных кораблей в Балтийское море...»³⁸. В именном указе Сенату от 14 августа 1726 г. предписывалось ускорить рассмотрение в Лифляндской и Эстляндской Комиссиях дел шведских подданных и обеспечить отпуск в Швецию беспошлинно хлеба и материалов «по силе мирного трактата». В пункте 4 подтверждается предусмотренный сепаратными статьями к Ништадтскому договору свободный вывоз хлеба в Швецию: «о пропуске из Российских при Балтийском море лежащих гаваней и городов в Швецию беспошлинно хлеба и материалов»³⁹. Таким образом, уже в первой четверти XVIII в., в правление Петра I и Екатерины I, в русской географической номенклатуре в отношении Балтики доминирует название *Балтийское море*. Эти данные актовых источников находят полное подтверждение в материалах русской картографии петровского и послепетровского времени. Но прежде чем перейти к рассмотрению русских карт XVIII в., необходимо ознакомиться с картографией предшествующего периода.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 7... — № 5060. — С. 779.

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 7... — № 4948. — С. 692.

ГЛАВА 3.

НАЗВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ НА РУССКИХ КАРТАХ XVI–XVIII вв.

3.1. Балтийское море в русском картографическом материале позднего средневековья XVI–XVII вв.

Географические карты, как правило, служат главнейшим источником по географической номенклатуре. Однако в данном случае исследователи оказываются практически в тупиковой ситуации. Оставшийся от средневекового периода русский картографический материал крайне скуден. Почти все картографические собрания Московского государства утрачены¹. Лишь по сохранившимся описям царского архива Ивана Грозного и приказных архивов XVII в. известно, что эти архивы содержали сотни карт отдельных частей русского государства².

По причине почти полной утраты средневекового фонда русских карт, невозможно установить, под каким названием фигурировало на них Балтийское море. В качестве косвенного свидетельства можно привлечь лишь некоторые из европейских карт Московского государства XVI–XVII вв., о которых известно, что они опирались на материалы русской картографии. Правда, прямых сведений о русских названиях

¹ Даже от западноевропейских карт XV–XVI вв. до нас дошли единичные экземпляры, несмотря на то, что европейские карты и атласы были печатными и издавались тысячными тиражами. В то время как русские «чертежные книги» не тиражировались, а существовали в единичных рукописных экземплярах, которые практически все утрачены. (Кусов В.С. Московское государство XVI — начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей. Москва: Русский Мир, 2007. С. 9).

² Сербина К.Н. Источники Книги Большого Чертежа // Исторические записки. — Москва: Изд. АН СССР, 1947. Вып. 23. — С. 299–300. На сегодняшний день известно шесть таких росписей чертежей — инвентарных описей русских карт, которые охватывают период 1570–1670-х гг. Опись царского архива Ивана Грозного относится к XVI в.; пять других — к XVII в. (из Посольского, Разрядного и Тайного приказов). В архиве Ивана Грозного имелось семь ящиков с топографическими чертежами; приказные архивы насчитывали более 400 карт. (Кусов, 2007. С. 13–14).

Балтийского моря они дать не могут, поскольку их составители могли их не знать (или, по крайней мере, не использовать). Привлекая эти карты, выводы можно делать только при сравнении их данных с известными из русских источников обозначениями Балтики. Иначе говоря, они позволяют выяснить: присутствуют ли на таких картах какие-либо русские средневековые названия Балтийского моря, известные из других источников?

Одна из первых печатных карт Московского княжества Павла Иовия, изданная в Италии в октябре 1525 г., была составлена при помощи русского посла Дмитрия Герасимова. К сведениям Д.Д. Герасимова восходит и созданная практически одновременно с ней карта Баттисто Аньезе, вошедшая затем в его морской атлас 1554 г.³ К созданию карты Московии Антония Вида (1542 г., изданной в Вильно в 1555 г.) был причастен русский эмигрант, окольничий великого московского князя Иван Васильевич Ляцкий⁴. Карта Сигизмунда Герберштейна, изданная в Вене в 1546 г., изображает всю территорию Русского государства того времени: от Черного и Каспийского морей на юге до Ледовитого океана на севере, от Ливонии и Литвы на западе до р. Оби на востоке. Дважды побывавший в Москве (в 1517 и 1526 гг.), Герберштейн имел широкий круг русских информаторов, одним из которых был все тот же соавтор карты А. Вида И.В. Ляцкий, с которым австрийский посол общался как в Москве, так и после бегства Ляцкого в Польшу⁵. Кроме русских источников, австрийский дипломат пользовался картой Б. Аньезе (для изображения побережья Ледовитого океана), а также картой А. Вида (для восточного побережья

³ Об участии Д.Д. Герасимова свидетельствуют, прежде всего, пояснительные надписи к этим двум картам, где указано, что они составлены по сведениям «посла Диметрия». См.: Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. — Киев, 1899. — С. 4; Старков В.Ф. Описание карты 1525 г. // Отечественные архивы. — 1994. — № 4. — С. 8–9.

⁴ Участие И. Ляцкого удостоверял сам А. Вид, который в пояснении к своей карте признавал, что он завершил труд, предпринятый Ляцким по настоянию Герберштейна. (Кудрявцев О.Ф. Карта Московской Руси Антона Вида и Ивана Ляцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2. С. 41).

⁵ Хорошкевич А.Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн С. Записки о Московии. — Москва: Изд-во МГУ, 1988. — С. 34. По предположению Хорошкевич, именно Иван Ляцкий мог оказать помощь Герберштейну в систематизации географических сведений о Московской Руси. На основании особенностей карты Герберштейна в изображении политических границ Б.А. Рыбаков предположил, что в ее составлении принимал участие оппозиционно настроенный к Москве князь И.М. Воротынский, с которым австрийский посол был в дружеских отношениях. Герберштейн мог использовать и сведения Д.Д. Герасимова, а также русского посла Григория Истома и князя С.Ф. Курбского. (Рыбаков Б.А. Русские карты Московии, 1974. С. 78–84; Рыбаков Б.А. Новооткрытая карта Московии 1525 г. // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 5–6).

Финского залива)⁶. Компильтивная карта России 1562 г. англичанина Антония Дженкинсона опиралась как на русские источники, так и на современные ему европейские карты России (А. Вида и С. Герберштейна), а также на личные наблюдения, полученные Дженкинсоном во время своих неоднократных поездок в Россию⁷. Карта Московского государства, изданная в 1613 г. нидерландским географом и картографом Гесселем Герритсом, в качестве источника информации содержала указание на чертеж царевича Федора Борисовича Годунова⁸. «Новейшая карта России» голландского купца, путешественника и дипломата Исаака Массы 1633 г. использовала в своей левой (северо-западной) части карту шведского картографа Андреаса Буреуса; для остальной территории России Масса пользовался русскими материалами⁹. Уже дореволюционные исследователи (К. Бэр, В.А. Кордт, Н.Д. Чечулин, С.М. Середонин) предполагали, что для своих карт России И. Масса использовал Книгу Большому Чертежу и даже имел у себя копию с Большого Чертежа Московского государства. В настоящее время, благодаря работам советских и российских историков-картографов, эта гипотеза нашла полное подтверждение¹⁰. Какие же

⁶ Савельева Е.А. Новгород и Новгородская земля в западноевропейской картографии XV–XVI вв. // География России XV–XVIII вв. (по сведениям иностранцев). Сб. статей. — Ленинград: Изд. ГО СССР, 1984. С. 10.

⁷ Савельева, 1984. С. 12. До конца 80-х гг. XX в. изданная в Лондоне в 1562 г. Клементом Адомсом карта А. Дженкинсона «Абсолютно новое описание России, Московии и Тартарии» («Nova absolutaque Russiae, Moscoviae et Tartariae Descriptio») была известна только по копиям в европейских атласах (в частности, она неоднократно воспроизводилась в изданиях атласа А. Ортелиа). В 1987 г. оригинал первого варианта этой карты был найден польской исследовательницей К. Шиколой в библиотеке Вроцлавского университета. Современный российский историк И.А. Осипов полагает, что роль самого А. Дженкинсона в создании карты была вспомогательной — как «консультанта и очевидца». (Осипов И.А. Антоний Дженкинсон и карта России 1562 г. Сыктывкар, 2008. С. 3–4, 44).

⁸ Картуш этой карты с указанием на авторство царевича Федора см.: Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Вторая сер. Вып. 1. Киев, 1906. Табл. XV. Современные исследователи полагают, что вряд ли Федор Годунов мог быть создателем этой карты. Скорее всего, в основе карты Г. Герритса 1613–1614 гг. лежит полусхематический общий «Старый чертеж» Московского государства, полученный им от вернувшегося из Москвы И. Массы. (Полевой Б.П. О роли Отделения этнографии Русского географического общества в изучении «Книги Большому чертежу» // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VII. Москва, 1977. С. 49, прим. 17; С. 52. См. также: Красникова О.А. Карта северного берега России 1612 г. Исаака Массы и Книга Большому Чертежу // Наука из первых рук. 2010. № 1. С. 81, 83).

⁹ Кордт, 1906. С. 18; Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вторая серия. Вып. II. — Киев, 1910. — С. 30–31.

¹⁰ Подробнее о русских источниках карт И. Массы см.: Красникова О.А. Карта северного берега России 1612 г. Исаака Массы и Книга Большому Чертежу // Наука из первых рук. — 2010. — № 1. — С. 74–85.

Таблица 1. Названия Балтийского моря на иностранных картах XVI–XVII вв., составленных с привлечением русских источников

№	Картографический источник	Названия Балтийского моря
1	Карта Московии П. Иовия 1525 г. ¹¹	MARE PILAPELANT (Лапландское море) MARE LIVONIVI SIVE BALTEVI (Ливонское или Балтийское море)
2	Карта Московии Б. Аньезе 1525 г. ¹²	MARE PHINNICUS
3	Карта Московии или Белой Руси А. Вида 1542/1555 г. ¹³	MARE SARMACIAE (у берегов Ливонии) Die Oost zee (у берегов Пруссии)
4	Карта Московии С. Герберштейна 1546 г. ¹⁴	SINUS LIVONICUS ET RUTHENICUS (Ливонский и Русский залив)
5	Карта России А. Дженкинсона 1562 г. ¹⁵	SINUS FINLANDICUS
6	Карта Московии или Великой России Г. Герритса 1613 г. ¹⁶	MARE BALTICUM (центр. часть) OST SEE (вост. часть) SINUS BOTHNICUS Sinus Finnicus
7	Карта России И. Массы 1633 г. ¹⁷	MARE BALTICUM SINUS BOTHNICUS SINUS FINNICUS

¹¹ Старков В.Ф. Описание карты 1525 г. // Отечественные архивы. — 1994. — № 4. — С. 10.

¹² Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. — Киев, 1899. — Табл. III.

¹³ Кордт, 1899. Табл. VI. В данном выпуске карта А. Вида воспроизведена с оттиска 1570 г. без русских надписей, только с латинскими (Кордт, 1899. С. 4–5). Репродукцию с подлинной карты А. Вида 1555 г. по изданию Т. Михова 1906 г. см.: Кордт В. Материалы до історії картографії Украпны. Ч. I. Київ, 1931. Мапи № 41. Л. 2. Наряду с латинскими надписями на ней присутствуют русские: Ямь, Копорье, Орешокъ, Псковъ и т.д. Но русских надписей в акватории Балтики нет. Есть только надпись по-латыни: MARE SARMACIAE. Видно и начало второй надписи: Oos<t zee>.

¹⁴ Кордт, 1899. Табл. XI.

¹⁵ Кордт, 1899. Табл. XVII. В. Кордт опубликовал копию карты Дженкинсона из атласа А. Ортелиа 1601 г. (Кордт, 1899. С. 10–11). Оригинал карты А. Дженкинсона в уменьшенном виде см. в публикациях главы картографического отдела Библиотеки Вроцлавского университета Кристины Шиколы и канадского историка Самуэля Бэйрона: Baron S.H. The Lost Jenkinson Map of Russia (1562) Recovered, Redated and Retitled // Terrae Incognitae. Vol. XXV. 1993. P. 54; Krystyna Szykula. Anthony Jenkinson's unique wall map of Russia (1562) and its influence on European cartography // Belgeo. 2008. № 3–4. P. 2. DOI: 10.4000/belgeo.8827. Электронная версия: URL: <http://belgeo.revues.org/8827>. Балтийское море, как таковое, на карте Дженкинсона не изображено. В левом верхнем углу показан узкий край Финского залива с расположенной вертикально надписью по-латыни.

¹⁶ Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вторая серия. Вып. I. — Киев, 1906. Табл. XV; Вып. II. — Киев, 1910. Табл. XLV.

¹⁷ Кордт, 1899. Табл. XXIX; Кордт, 1910. Табл. XLIV.

обозначения Балтики мы находим на этих иностранных картах, выполненных с привлечением русских информаторов или чертежей?

Из приведенных данных следует, что те европейские карты Московского государства XVI–XVII вв., которые составлялись со слов русских информаторов или с использованием русских чертежей, не содержат обозначений Балтийского моря, известных из русских средневековых источников, в том числе и названия Варяжское море¹⁸. На них присутствуют либо принятые к тому времени в европейской картографии обозначения Балтики или отдельных ее частей (Балтийское море, Восточное море, Ливонское море, Ботнический залив, Финский залив), либо плоды личных предпочтений авторов. Так, на карте итальянца П. Иовия 1525 г. Финский залив обозначен как «Лапландское море» (*Mare Pilapelant*), а на карте гданьского картографа А. Вида 1542/1555 г. для Балтики использовано еще античное название времен Клавдия Птолемея — Сарматское море (что характерно для польской историографии с ее сарматолюбием). Поэтому никакой дополнительной информации по русским названиям Балтики они дать не могут. Остается лишь тот скудный картографический материал, который сохранился от русского средневековья.

Прежде всего, это Книга Большому Чертежу. В конце XVI — начале XVII в. (1598–1601 гг.) при Борисе Годунове на основе региональных карт XVI в. была составлена первая географическая карта всего Московского государства — Большой Чертеж¹⁹. В 1627 г., когда старый чертеж обветшал и пришел в негодность, с него была сделана копия с дополнением «нового чертежа» — карты южных окраин страны. Ни в старом, ни в новом ва-

¹⁸ В начале 1820-х гг. в Военно-топографическом депо Санкт-Петербурга было осуществлено русское издание карты России Г. Герритса 1613 г. Оно было выполнено зав. архивом Военно-топографического депо полковником П.А. Дейриадом. При этом латинские названия этой карты были переведены на русский язык. В акватории Балтики на карте Дейриада присутствуют три надписи: Варяжское или Балтийское море и Ботнический залив (См.: *Кусов В.С.* История познания земель российских: Кн. для учителя. Москва: Просвещение, 2002. С. 22. Рис. 17). Однако при сличении с оригиналом карты Г. Герритса выясняется, что это подлог. На голландской карте 1613 г. название «Варяжское море» отсутствует. Имеются только надписи по-латыни: Балтийское море, Восточное море, Ботнический залив, Финский залив (см. № 6 в таблице 1).

¹⁹ Как установили советские исследователи Книги Большому чертежу, ее картографический источник («Чертежная книга») представлял собой не две настенные карты всего государства, как полагали ранее, а своего рода атлас из целого ряда карт: схематических общих чертежей Московского государства и более подробных местных чертежей, включавших в том числе путевые карты рек и главных дорог (шляхов). (*Полевой Б.П.* Новое о «Большом чертеже» // ИАН. Сер. геогр. 1967. № 6. С. 121–130; *Полевой Б.П.* О роли Отделения этнографии Русского географического общества в изучении «Книги Большому чертежу» // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии.* Вып. VII. Москва, 1977. С. 46–47).

рианте Большой Чертеж до нас не дошел, сохранилось лишь текстовое описание этого графического документа — Книга Большому Чертежу. Она была составлена в Разрядном приказе Москвы в 1627 г. подьячим Афанасием Мезенцевым. На сегодняшний день известно 37 списков этого памятника, 26 из них относятся ко второй половине XVII в. Более ранних списков первой половины XVII в. до нас не дошло²⁰.

В Книге Большому Чертежу восточный залив Балтийского моря последовательно называется Котлино озеро: «а Выбор город стоит на Котлине озере; на озере остров Котлин, да остров Березовои». Указаны даже размеры этого «озера», что говорит о том, что имеется в виду восточная часть Финского залива (общая протяженность 390 км): «А промеж озера Котлина и озеро Онежского озеро Нево, а Ладожское тож. А от Выбору озеро Котлино вдоль 150 верст, а поперег 50 верст. А из Котлина озера вытекла река Нева и пала в Ладожское озеро против города Орешка. А от Котлина озера до озера Нева 40 верст»²¹. В другом месте той же Книги говорится: «а Иваньгород и Ругодив от Выбору на другом конце озера Котлин, на реке на Нерове»; «А от Иванягорода 20 верст город Копорье на берегу Котлинаозера»²². Или: «река Луга вытекла блиско же Новагорода и потекла в Котлино озеро под город пот Копорье»; «в Нево озеро от западу пала река Нева, течет с Котлина озера, пала против города Орешка, протоку 40 верст, а в Котлино озеро, промеж Орешка и Выбора, пала река Сестрь»²³.

Только в одном из 37 известных списков КБЧ (№ 240) данное место сформулировано иначе и содержит название Варяжского моря: «из Нева озера от востока река Нева пала на запад в море Варяжское, протоку 40 верст, а на верхнем устье тое реки Невы стоит город Орешек; а в море Варяжское промеж Орешка и Выбора пала река Сестрь»²⁴.^x Список № 240 — второй половины XVII в. из собрания графа С.С. Уварова принадлежит к спискам основной редакции²⁵. Однако очевидно, что эта запись не принадлежит самой Книге Большому Чертежу, а представляет собой исправление допущенной в ней ошибки относительно Невы. В КБЧ говорится, что Нева вытекает из Котлина озера (Финского залива) и течет с запада на восток в Ладожское озеро. В действительности наоборот, что и

²⁰ Книга Большому чертежу / подг. к печати К.Н. Сербиной. — Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1950. — С. 7.

²¹ Книга Большому чертежу... — С. 153.

²² Книга Большому чертежу... — С. 153.

²³ Книга Большому чертежу... — С. 156.

²⁴ Книга Большому чертежу... — С. 156, разночтения по списку № 240 в прим.

²⁵ Книга Большому чертежу... — С. 194.

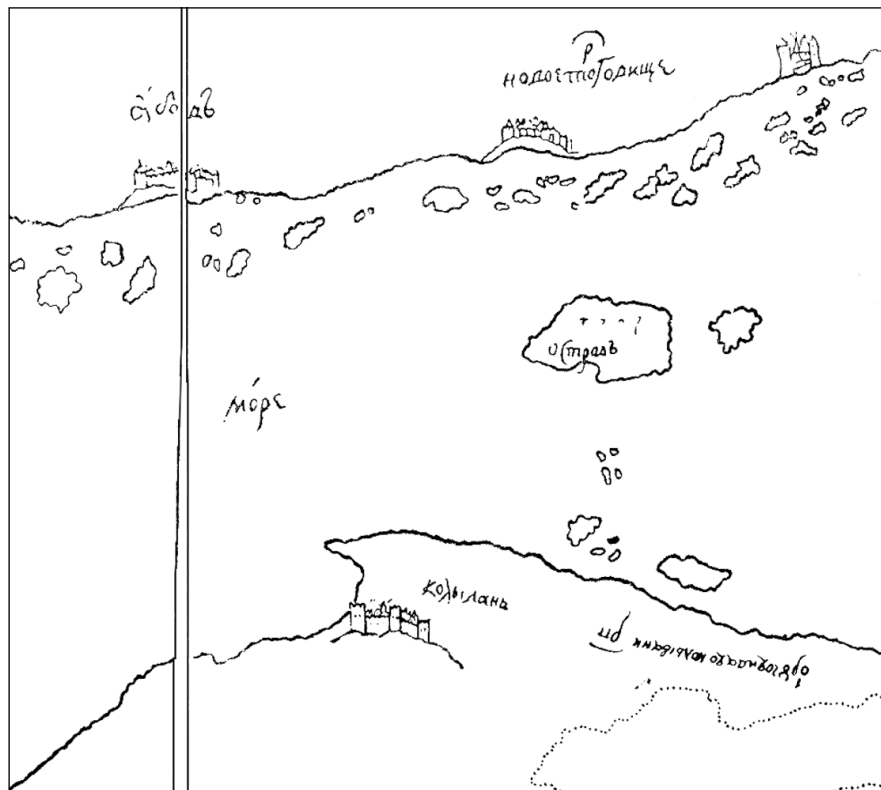

Рис. 1. Часть новгородской карты Голицына–Шпилкина 1656 г.
 («Чертеж ветхой русским и шведским городам до Варяжского моря»)
 с надписью «море» в акватории Балтики

утверждает список № 240: Нева течет с востока на запад из Ладоги в Котлино озеро. Следовательно, это исправление сделано чужой рукой, притом рукой человека, хорошо знакомого с летописями. Наличие в этой записи «моря Варяжского» говорит об ином источнике, нежели КБЧ. Списки КБЧ не знают этого названия. Финский залив везде именуется озером Котлино, но нигде — Варяжским морем. В новгородских источниках XII–XIV вв. ни Балтика в целом, ни Финский залив не назывались Варяжским морем; нет этого названия и в переписных окладных книгах Новгорода XVI в. Впрочем, новгородская традиция не знает и названия Котлино озеро. Его источник остается неизвестным. Кроме Книги Большому Чертежу, оно нигде больше не встречается. На подлинной новгородской карте середины XVII в. нет ни Котлина озера, ни Варяжского моря.

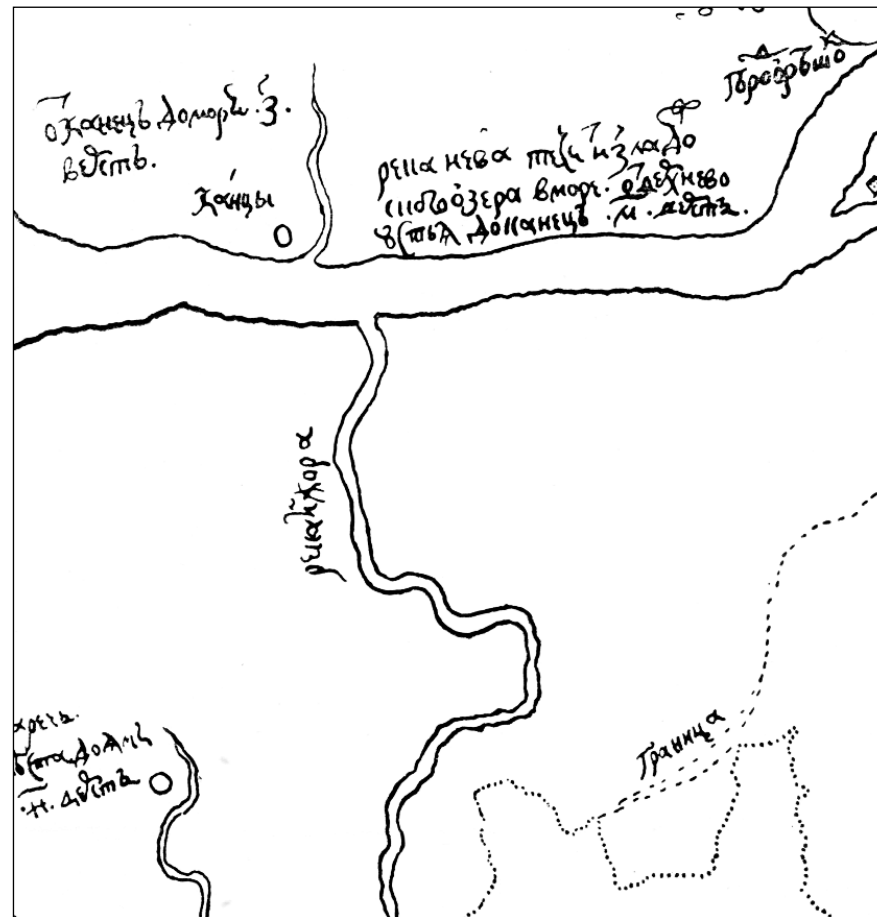

Рис. 2. Часть новгородской карты Голицына–Шпилкина 1656 г.
 («Чертеж ветхой русским и шведским городам до Варяжского моря»)
 с надписями в акватории Невы

Этот единственный дошедший до нас подлинник средневековой новгородской карты с изображением Балтики — уже упомянутый новгородский чертеж 1656 года, присланный в Москву от новгородского воеводы князя Ивана Голицына и дьяка Василия Шпилкина. Как уже говорилось, на этой карте акватория Балтики обозначена как просто «море».

Кроме того, она еще трижды упомянута как «море» в надписях карты. В районе Аландских островов: «по сему месту ходу морем 60 верст»;

на Неве: «река Нева течет из Ладоского озера в море»; «от Канец до моря 7 верст»²⁶.

Ботнический залив имеет характерное для северно-русской традиции название «подсеверная губа морская», что опять же является, скорее, нарицательным, а не собственным именем этого залива²⁷. Однако впервые опубликовавший ее историк-картограф И.А. Голубцов поместил ее под заглавием: «Чертеж ветхой русским и шведским городам до Варяжского моря».

Откуда появился этот заголовок? Как указывает Голубцов, самого этого заглавия на карте нет. На обложке карты значится иной заголовок: «Старинная до-Петровская карта, на которой между прочим обозначены местности, где ныне Петербург и Петербургская губерния»²⁸. По словам публикатора, заголовок на обложке не датирован. Однако ясно, что это заглавие дано в послепетровское время, но до августа 1914 г., когда по императорскому указу Петербург был переименован в Петроград. Судя по стилистике фразы, лишенной архаичной витиеватости XVIII — первой половины XIX в., она была сделана в конце XIX — начале XX в. Естественно, что этот заголовок не принадлежал самим составителям карты. Точно так же не принадлежал им и заголовок с названием Варяжского моря, данный Голубцовым. Публикатор позаимствовал его из составленной в 1785 г. описи архива бывшего Тайного приказа, среди бумаг которого значилась карта с таким названием. Голубцов сам отождествил ее с обнаруженной им в ЦГАДА картой Голицына — Шпилкина, поступившей туда на хранение из бывшего Государственного архива²⁹. Даже если Голубцов не ошибся, и новгородский чертеж 1656 г. действительно происходит

²⁶ В русских средневековых источниках применялась буквенная система обозначения цифр. Буква «З» («зело») имела цифровое значение 7.

²⁷ Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого, 1950. Карта между с. 288 и 289. Карта Голицына—Шпилкина 1656 г. воспроизведена также в историко-географическом атласе Петербурга—Ленинграда 1957 г. (правда, в плохом качестве). Однако надпись «море» в акватории Балтики на ней читается хорошо. Как указывают составители атласа, эта карта является «наиболее ранним из известных в русской картографии документов, отображающих бассейн р. Невы и территорию, занимаемую ныне Ленинградом и Ленинградской областью». (Петербург—Ленинград. Историко-географический атлас. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1957. С. 2). Следует только добавить, что она является и наиболее ранним из известных документов русской картографии новгородского происхождения.

²⁸ Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого, 1950. С. 286, прим. 2. Согласно указанию публикатора, этот картографический документ хранится в Государственном архиве древних актов: ЦГАДА (ныне РГАДА), б. Госархив, разряд XVI, д. 387.

²⁹ Голубцов, 1950. С. 286—287, прим. 2. В самой ссылке на архивную опись из бывшего Тайного приказа год описи указан не 1785, а 1758: ЦГАДА (ныне РГАДА), б. Госуд. архив, разряд XVI, д. 161, 1758 г. Где именно допущена ошибка или опечатка в дате, без обращения к архиву сказать невозможно.

из архива Тайного приказа, его заголовок не имеет никакого отношения ни к Новгороду, ни к самой карте. Он дан составителем описи 1785 г., которая делалась в Санкт-Петербурге (бумаги бывшего Тайного приказа хранились в архиве Сената). Таким образом, источником заголовка, данного И.А. Голубцовым этой бесспорно новгородской карте, является не новгородская, а отличная от нее традиция, воспринятая официальной историографией XVIII в.

К картографическому по характеру материалу следует причислить и хранившуюся в архиве Соловецкого монастыря роспись, содержащую описание «государского рубежа», то есть принадлежавших России земель в Остроботнии по Ореховецкому договору 1323 г., сохранявшему юридическую силу до Тязвинского мира 1595 г. Документ этот не датирован, но на основании содержащихся в нем хронологических указаний исследователи относят его к 1665 году. Упомянутое в этой росписи море дважды названо Свитцким (то есть Шведским): «Роспись твоей государеве вотчине: от немецкого рубежа Каинские украины живут немецкие люди и владеют государевой землею. Государский рубеж исстари от Свитцкого моря по берегу от реки Лемянги в Кемь и до Шомерсково камени до Торной 500 верст; а из государевой вотчины впали в море Свитцкое 7 рек — река Сиговка, река Леменга, река Овлюя, река Ия, река Кемь Жемчужное, река Торная, река Кейнита; а исстари по тем рекам сидели государевы люди, а ныне по тем рекам сидят все немцы, а владеют государской вотчиной по тем рекам 70 лет»³⁰.

Указанные в этом документе реки впадают в Ботнический залив со стороны бывшей шведской Остроботнии (ныне территория Финляндии). Река Сиговка (совр. Сийкайоки в Финляндии) — самая южная из названных в документе рек, впадающая с востока в Ботнический залив. Севернее Сиговки в Ботнический залив впадает река Леменга (или Лиминга, совр. Лиминганьйоки), еще севернее в Ботнику впадает р. Овлюя (совр. Оулуйоки), с северо-востока р. Ия (совр. Ииййоки), затем с севера в Ботнический залив впадает р. Кемь Жемчужная (совр. Кемиййоки), западнее нее — р. Торная (швед. Торнео, финск. Торнийоки), ныне пограничная река между Финляндией и Швецией³¹. Следовательно, Свитцким (Шведским) морем, куда впадают все перечисленные в данном документе реки, назван Ботнический залив.

³⁰ Огородников Е.К. Мурманский и Терский берега по Книге Большого Чертежа. — Санкт-Петербург, 1869. — С. 10.

³¹ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... Изд. 3-е. — Москва: Языки русской культуры, 1998. — С. 76.

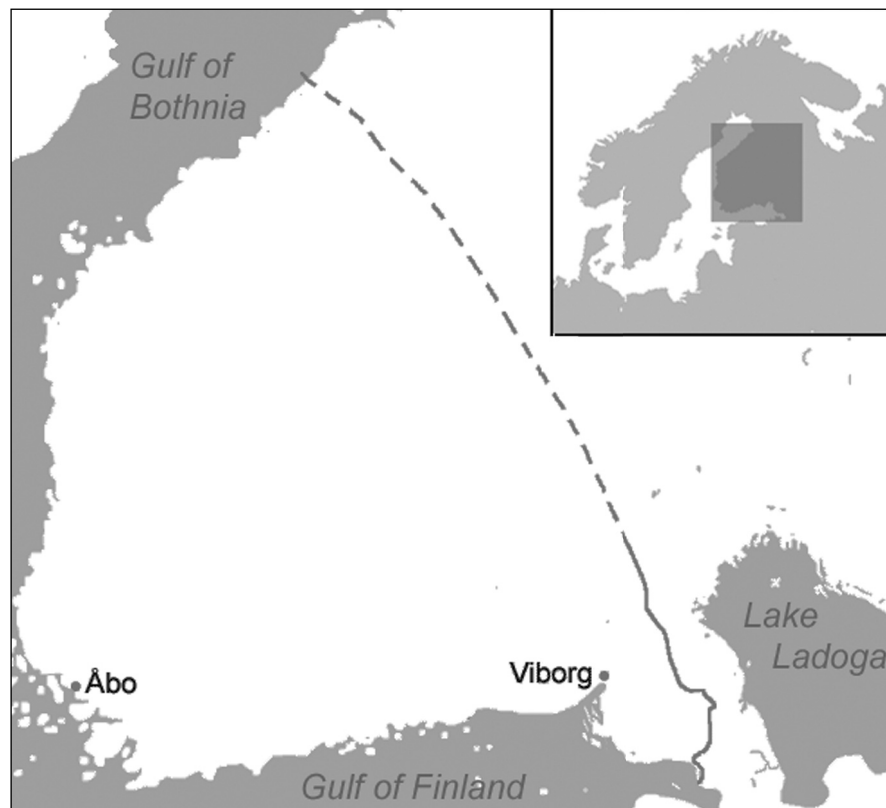

Рис. 3. Русско-шведская граница по Ореховецкому мирному договору (1323–1595 гг.). К юго-западу от пунктирной линии — шведские владения, к северо-востоку — русские. На карте не указана северная граница между русскими и шведскими землями, проходившая, судя по всему, по р. Торной (Торнео/Торнийоки), нынешней финско-шведской границе

Однако известное из более ранних документов новгородское название Ботники было иным — Каяно море. Об этом свидетельствует, прежде всего, текст Ореховецкого договора 1323 г. Каяно море указано в нем как конечный пункт русско-шведской границы: «...оттоле Кореломкошки, оттоле Колемакошки, оттоле Патсоеки, оттоле Каяно море»³². Данное название употреблялось не только в правительственных документах, но и на бытовом уровне. Так, в берестяной грамоте № 286, представляющей собой

³² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — Москва, 1949. — С. 68.

письмо новгородского сборщика дани Григория своему коллеге Дмитру, сообщается о посылке гонцов к корелям «на Каяно море»: «А ныня послале кореле на Каяно море...». Грамота датируется 1351 г.³³ Название Каяно море, скорее всего, произошло от имени реки Каяни (финск. *Kajaanjoki*), впадающей с юго-востока в озеро Оулуярви, из которого вытекает река Оулуйоки (Овлуй), впадающая в Ботнический залив³⁴. Отсюда и название всей территории, некогда принадлежавшей Новгороду, а затем перешедшей Москве, — Каянская (в росписи Соловецкого монастыря — Каинская) Украина.

Таким образом, и в дошедшем до нас русском средневековом картографическом материале XVI–XVII вв. Балтика не носит названия Варяжского моря. В списках Книги Большому Чертежу 1627 г. восточный залив Балтийского моря (современный Финский) имеет название Котлино озеро, на новгородской карте середины XVII в. Балтика везде обозначена как безымянное «море», в росписи русско-шведской границы в Остроботнии из Соловецкого монастыря второй половины XVII в. современный Ботнический залив носит название Свитцкое море. Откуда же появилось название Варяжское море, которого нет в рассмотренных нами многообразных летописных, актовых, картографических и фольклорных источниках средневековой Руси? Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, следует обратиться к картографии того периода, когда произошел переход от средневековой к современной географической номенклатуре Балтийского моря.

3.2. Названия Балтийского моря на русских картах XVIII века

Как уже было показано на материале актовых источников, переход к современному названию Балтики произошел в первой четверти XVIII в. и был связан с петровскими преобразованиями. С Петра I начинается и активная работа по составлению карт Российской империи. При оценке картографического материала петровского и ближайшего к нему времени

³³ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... Изд. 3-е. — Москва: Языки русской культуры, 1998. — С. 79, 81.

³⁴ Ныне на этой реке, на юго-восточной окраине озера Оулуярви, находится финский город и муниципалитет Каяни, или Каяани (швед. *Kajana*, финск. *Kajaani*). (Каяани. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Каяани> (дата обращения: 29.11.2021)).

нужно иметь в виду, что он крайне неоднороден. В картографии этого периода следует различать три этапа. В первые годы своего правления Петр заказывал карты либо за границей, либо приглашенным в Россию граверам-иностранцам (А. Шхонбеку, П. Пикарту и др.). С 1705 г. печатание карт было передано в Москву в Гражданскую типографию В.О. Киприана. Карты, изданные В.О. Киприановым, в большинстве случаев перепечатаны с иностранных источников³⁵. Кроме московской, на выпуске картографической продукции специализировалась основанная в 1711 г. Гражданская типография М.П. Аврамова в Петербурге, где тоже работали иностранные специалисты³⁶. В 1723 г. в работу по изданию географических карт включился обер-секретарь Сената И.К. Кирилов, один из первых выпускников Московской навигацкой школы. С 1720 г. силами выпускников российских навигацких школ начались работы по геодезической съемке территории Российской империи. Материалы этих съемок поступали в распоряжение обер-секретаря Сената, который выступил инициатором создания Атласа Российского государства. Как отмечали исследователи, именно с Ивана Кирилова начинается новый этап в развитии русской картографии. Несмотря на несовершенство первых российских карт Кирилова, его Атлас опирался на результаты отечественной геодезической съемки российских регионов и представлял собой уже не заимствованную, а собственно российскую картографию³⁷. Правда, атлас Кирилова в целостном виде так и не был завершен (в связи со смертью составителя в 1737 г.). К тому же карты И.К. Кирилова грешат неточностями и издавались за его собственный счет, не имея официального характера. Поэтому первым официально признанным русским атласом считается «Атлас Российский» 1745 г., состоящий из 19 специальных и одной генеральной карты Российской империи.

Какие же названия имеет Балтика на переводных иностранных и оригинальных русских картах петровского и послепетровского времени?

³⁵ В частности, изданные В.О. Киприановым с 1706 по 1717 г. учебные географические карты являлись русским переизданием голландских карт Х. Донкера (Красникова О.А. Русские печатные карты XVIII в. в фонде Сектора картографии Отдела фондов и обслуживания БАН // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 3. С. 100).

³⁶ В типографии М.П. Аврамова картографические работы выполнял голландский гравер П. Пикарт со своими русскими учениками А. Ростовцевым и А. Зубовым. Именно здесь был издан первый в России навигационный атлас Балтийского моря («Книга размерная градусных карт Ост-Зее или Варяжского моря»), а также русская карта Ингерманландии («Географический чертеж над Ижерскою землей» А. Шхонбека) и одна из первых карт И.К. Кирилова — «Карта разграничения земель вечного мира между Российским и Шведским государствами». (Красникова, 2019. С. 100).

³⁷ Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века / под ред. А.И. Андреева. — Москва ; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1946. — С. 21–23.

В Атлас Ивана Кирилова 1722–1734 г. принято включать 28 карт. Из них с Балтийским регионом так или иначе связаны шесть. Первая карта Атласа, датированная 1722 г., изображает русско-шведскую границу по межевальской записи к Ништадтскому миру. Финский залив у г. Выборга имеет подпись СИНУСЪ ФИНКУСЪ, соответствуя термину в тексте самого Ништадтского договора³⁸. Как уже говорилось, это латинское (точнее, латинизированное) название было заимствовано из европейской картографической традиции, где оно присутствует, начиная с карт Европы Г. Меркатора второй половины XVI в. и голландских карт России Г. Герритса 1613 г. и И. Массы 1633 г. Это же название, только в русском переводе, присутствует и на второй карте Атласа с изображением Выборгской губернии: ЗАЛИВЪ ФИНСКИЙ, с дублированием по-латыни: SINUS FINICUS. На картуше с заглавием карты отмечено, что она содержит, кроме рек, озер и болот, «и на море острова с подлинным подписанием». Также указано, что она показывает границу, установленную между Россией и Швецией в 1722 г., которая берет начало «от берега синуса Финского от косы Горпонуэми»³⁹. На карте Ингерманландии 1727 г. в акватории прилегающего к ней моря подпись «заливь Финский»⁴⁰. На карте Лифляндии 1732 г. Рижский залив Балтики обозначен как «Восточное море»⁴¹. На Генеральной карте Российской империи 1734 г. в акватории Балтики имеется только название SINUS FINNICUS (остальная часть Балтики закрыта виньеткой с заглавием карты)⁴². Но на той же Генеральной карте Российской империи, изданной с латинской географической номенклатурой в 1733 г., помимо названий заливов — SINUS FINNICUS и SINUS BOTNICUS — присутствует и общее название всего моря: MARE BALTICUM⁴³. Таким образом, первый собственно российский Атлас

³⁸ Карта разграничения земель Вечного мира между Российским и Шведским государствами от Рождества Христова 1722 года // Кирилов И.К. Атлас Всероссийской империи: [Фотокопия]. — Ленинград: Институт истории естествознания и техники АН СССР, 1959. Л. 1.

³⁹ Достоверная всего Выборгского уезду новая карта // Атлас Кирилова. Л. 2.

⁴⁰ Новая и достоверная всей Ингерманландии ландкарта // Атлас Кирилова. Л. 3. Эта карта воспроизведена в кн.: Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. / отв. ред. П.Е. Бухаркин. Т. 1. Кн. 2. — Санкт-Петербург: Филологический ф-т ЛГУ, 2001. Цветная вклейка между с. 320 и 321.

⁴¹ Ландкарта Лифляндии тшанием Иоанна Кирилова обер-секретаря правительствующего Сената сочиненная. 1732 // Атлас Кирилова. Л. 17.

⁴² Генеральная карта о Российской империи сколько возможно было исправно сочиненная трудом Ивана Кирилова, обер-секретаря правительствующего Сената. В Санктпетербурге // Атлас Кирилова. Л. 23. Эта карта воспроизведена в кн.: Три века Санкт-Петербурга. Т. 1. Кн. 1. — Санкт-Петербург, 2001. Цветная вклейка между с. 352 и 353.

⁴³ Imperii Russici Tabula Generalis... Petropoli, 1733 // Атлас Кирилова. Л. 23а.

территории России И.К. Кирилова содержит как общее название Балтийского моря — Mare Balthicum, так и его составных частей: Восточное море (Рижский залив), залив Финский, его латинский аналог Sinus Finnicus и латинское название Ботнического залива — Sinus Bothnicus. Ни Свейского, ни Остзейского, ни Варяжского моря в этом первом собственно русском Атласе карт Российской империи нет.

Нет этих названий и на Генеральной карте Российской империи, входящей в состав первого официального Атласа Российского 1745 г. В акватории Балтики на этой карте присутствуют названия Финской Заливь и Рижской Заливь (остальная часть моря закрыта виньеткой с заглавием карты)⁴⁴. Те же названия — Финской Заливь и Рижской Заливь — присутствуют и на входящей в состав этого Атласа 1745 г. карте Эстляндии и Лифляндии; на карте северо-западного региона — Финской Заливь⁴⁵. На изготовленной к 50-летию юбилею Академии наук Генеральной карте Российской империи 1776 г. в акватории Балтики присутствуют три названия: Балтийское Море, Ботнической Заливь и Финской Заливь⁴⁶. Такая же номенклатура — Финской Заливь и Рижской Заливь — имеется на картах, входящих в Атлас Российской империи 1792 года (карты Санкт-Петербургской губернии, Выборгского, Ревельского и Рижского наместничеств). На карте Рижского наместничества есть, кроме того, и общее название прилегающей морской акватории: «часть Балтийского моря»⁴⁷.

Кроме общих и региональных карт Российской империи, за XVIII–XIX вв. имеются многочисленные карты Санкт-Петербурга и Ижорской земли (Ингерманландии). Причина обилия картографического материала именно этого региона понятна. Возврат старых новгородских территорий, строительство быстро растущей новой столицы на русско-шведском пограничье, создание военно-морских баз на Балтике, прокладка новых коммуникаций, развитие торговли, — все это требовало постоянного картографирования быстро менявшихся географических реалий Приневыя.

⁴⁴ Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт. Имп. Академия наук, 1745. Л. 40. Генеральная карта Российской империи 1745 г. воспроизведена в кн.: Три века Санкт-Петербурга. Т. 1. Кн. 1. Цветная вклейка между с. 368 и 369.

⁴⁵ Положение мест между городами: Архангельском, Санкт-Петербургом и Вологодой // Атлас Российский 1745. Л. 22; Изображение герцогства Эстляндского и Лифляндского // Атлас Российский 1745. Л. 23.

⁴⁶ Генеральная карта Российской империи. По новейшим наблюдениям и известиям сочиненная И. Трескотом и Я. Шмитом; вырез. К. Фролов, Е. Худяков и Л. Сергеев. — Санкт-Петербург, 1776. Репродукцию Генеральной карты 1776 г. см.: Постников А.В. Карты земель российских: очерк географического изучения и картографирования нашего отечества. — Москва: «Наш дом — L'Age d'Homme», 1996. — С. 88–89. Рис. 59.

⁴⁷ Атлас Российской империи, состоящий из 45 карт. — Санкт-Петербург, 1792. — Л. 3, 4, 5, 6.

Таблица 2. Названия Балтийского моря на картах Санкт-Петербурга, Приневыя и Ижорской земли (Ингерманландии) XVIII–XIX вв.

Название карты	Дата	Обозначения акватории Балтики	Источник картографической публикации
1. Розмерная карта части в начале Балтийского моря Питера Пикарта	1703	Балтийское море	Петербургская градостроительная графика XVII–XXI вв.: планы, схемы, карты, диаграммы, рисунки, статистика. СПб., 2012. С. 44.
2. План крепости и города Санкт-Петербурга. (Анонимный)	1703	Mund von der Oost See (нем.: «Устье Восточного моря»)	Там же. С. 43.
3. Географический чертеж над Ижорскою Землей Адриана Шхонбека	1704	Рукавь Финский	Там же. С. 45.
4. Генеральная карта провинции Ингерманландия Андерса Андерсина	1704	Salt Sjön (швед.: «Соленое море»)	Там же. С. 48–49.
5. Анонимный план Санкт-Петербурга (Берлинская карта Михаила Палибина)	1716	Mund von der Oost See	Там же. С. 58.
6. Топографическое изображение новой русской столичной резиденции и морского города Санкт-Петербурга Иоганна Хоманна	1716–1718	Spitze der Ost-See (нем.: «Оконечность Восточного моря»)	Там же. С. 58.
7. Новый подробный план Санкт-Петербурга Матиаса Зойтера (обработка плана И.Б. Хоманна)	1720	Oost See («Восточное море»)	Там же. С. 59.
8. План Санкт-Петербурга	1738	взморья	Там же. С. 71.
9. Ладожское озеро и Финской залив с прилежащими местами. Карта, изданная Императорской Академией наук.	1741–1742	Финской залив (с дублированием по-латыни: Lacus Ladoga et Sinus Finnicus).	Петербург–Ленинград. Историко-географический атлас. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1957. С. 21.
10. Новый план Санкт-Петербурга Х.М. Рота	1776	часть Финского залива (с дублированием по-французски: partie du Golf de Finlande)	Там же. С. 24.
11. Карта окружности Санкт-Петербурга	1792	Финской Заливь	Петербургская градостроительная графика, 2012. С. 95.
12. План столичного города Санкт-Петербурга	1797	часть Финского залива	Петербург–Ленинград. Историко-географический атлас. 1957. С. 29.

Таблица 2.

Окончание

Название карты	Дата	Обозначения акватории Балтики	Источник картографической публикации
13. Карта окрестностей Санкт-Петербурга	1796 — 1800	Финской заливь	Там же. С. 31.
14. Генеральный план столичного города Санкт-Петербурга	1806	Финской заливь	Там же. С. 33.
15. План города Санкт-Петербурга генерал-майора Фитцтума	1821	Финской Заливь	Там же. С. 37.
16. Карта Санкт-Петербургской губернии	1871	Финский Залив; Кронштадтская бухта	Там же. С. 47.

По причине значительного количества карт этого типа лучше представить данные о Балтийском море, извлеченные из данного картографического материала в виде таблицы⁴⁸.

Мы видим, что немецкое, голландское и шведское названия Балтийского моря — Ost See/Oost See (Восточное море) и Salt Sjön (Соленое море) — присутствуют только на иностранных картах. При этом карты, выполнявшиеся иностранцами по прямому заказу Петра I (Питера Пикарта 1703 г. и Адриана Шхонбека 1704 г.), имеют русские названия Балтики: Балтийское море и Рукав Финский. Уже в конце правления Анны Иоанновны (1730–1740) наблюдается отход от использования иноязычных названий и обращение к старым обозначениям, несущим отпечаток традиционной новгородской безымянности Балтики («взморья»). С воцарением на российском престоле дочери Петра Елизаветы (1741–1761) в российской картографии окончательно утверждается сложившаяся к концу 30-х–40-м гг. XVIII в. новая русская географическая номенклатура Балтийского региона с такими названиями, как Балтийское море, Финский залив, Рижский залив. Первая треть XVIII в. представляет собой переходный период и отражает неустойчивый характер применявшейся в это время системы обозначений для акватории Балтийского моря.

Переходный характер географической номенклатуры Балтики этого периода в наибольшей степени отражают два первых российских атласа Балтийского моря: «Книга розмерная градусных карт Ост-Зее или Варяжского моря» и «Светильник морской, то есть описание Восточного или

⁴⁸ Названия ряда карт приводятся в сокращении. Их полные названия см. в указанных источниках.

Варяжского моря» Ф.И. Соймонова. Только в этих двух памятниках петровской и послепетровской картографии была сделана попытка реанимировать известное по летописям название «Варяжское море». Самый первый российский Атлас Балтийского моря — «Книга розмерная градусных карт», созданная на основе шведских морских карт конца XVII в., издавалась четыре раза: в 1714, 1718, 1719 и 1723 гг. Первоначально она содержала 12 карт, в последнем издании к ним были добавлены еще три русские карты⁴⁹. Этот атлас наглядно демонстрирует разноречивой в географической номенклатуре Балтики в начале петровского правления. В нем присутствует смесь русских, немецких и голландских названий: Ост-Зее, Остер-Зее, Восточное море, Варяжское море. Так, название Ост-зее в издании 1718 г. присутствует на листе 1, Варяжское море — на лл. 1, 4, 7, 8, 11; Восточное море — на лл. 5 и 6, Остер-Зее — на трех картах л. 9 и на карте Гданьской бухты на л. 10⁵⁰.

Таким же терминологическим эклектизмом пронизан и «Светильник морской» Ф.И. Соймонова, изданный в 1738 г. В него вошли карты последнего издания «Книги розмерной градусных карт» 1723 г. и четыре новые карты, составленные русскими географами⁵¹. «Светильник морской» открывает Генеральная Пась Карта Варяжского моря, заимствованная из «Книги розмерной градусных карт». Но в оглавлении первой и второй части атласа Соймонова присутствует название Восточное море⁵². Такое же чередование этих двух названий наблюдается и в заглавиях карт. Море именуется то Варяжским⁵³, то Восточным⁵⁴. На некоторых присутствует и русская транскрипция германоязычного названия: Остер-зее⁵⁵. В то же время в тексте Введения к атласу море названо «Балтическим»⁵⁶.

⁴⁹ Русские географические атласы. XVIII век. Сводный каталог / сост. Н.В. Ломус. — Ленинград, 1961. С. 14–17. Первое издание 1714 г. этого морского Атласа из 12 морских карт было осуществлено поручиком Марко Грисом на основе шведского атласа Б. Розенфельда, дополненного съемками российского вице-адмирала Корнелия Крюйса и самого Гриса. (Фель С.Е. Картография России XVIII века. Москва: Изд-во геодезической литературы, 1960. С. 61–62). Интернациональный состав карт и их составителей обусловил такой же интернациональный характер их географической номенклатуры.

⁵⁰ Книга розмерная градусных карт Ость зее или Варяжского моря напечатана повелением Царского Величества. В Санктпетербурге, 1718.

⁵¹ Русские географические атласы. XVIII век. Сводный каталог / сост. Н.В. Ломус. — Ленинград, 1961. — С. 39.

⁵² Светильник морской. То есть описание Восточного или Варяжского моря. — Санкт-Петербург, 1738. — С. 12–13, 19, 31.

⁵³ Светильник морской... — С. 38–39, 44–45, 76–77.

⁵⁴ Светильник морской... — С. 54, 58–59, 66–67.

⁵⁵ Светильник морской... — С. 113, 117.

⁵⁶ Светильник морской... — С. 5.

В следующих по времени атласах Балтийского моря капитана первого ранга А.И. Нагаева 1750 и 1757 гг. (переиздавался в 1788, 1789, 1791, 1793, 1794, 1795, 1796 гг.) акватория Балтики имеет устоявшуюся номенклатуру: Балтийское море, Финский залив, Ботнический залив, Рижский залив. Об этом свидетельствуют уже сами заглавия этих атласов. Атлас Балтийского моря 1750 г. А.И. Нагаева из 11 карт озаглавлен: «Генеральные и разные специальные карты всего балтийского моря с Финскимъ и Ботническимъ заливами с шагер раколь категатом и бельтам...»⁵⁷. Атлас Балтийского моря 1757 г. из 28 карт имеет заголовок: «Атлас всего Балтийского моря с Финскимъ и Ботническимъ заливами, съ шагеръ-ракомъ, категатомъ, зундом и белтами, въ генеральныхъ морскихъ и специальныхъ картахъ состоящий»⁵⁸. При этом название Балтийское море фигурирует не только в заглавии Атласа, но и на самих картах, а также в предваряющих карты текстах: «Уведомлении плавателям» и «Примечаниях». Тем не менее, и в Атласе А.И. Нагаева еще ощущается влияние средневековой географической традиции — общеевропейской, немецкой и русской. Так, Финский залив на большинстве карт Атласа 1757 г. (за исключением Генеральной карты всего Балтийского моря и заглавия) имеет латинизированное название Синус Финский. Наименования некоторых заливов даны в двух традициях: средневековой европейской (с латинскими названиями) и немецкой. Так, современный Вислинский залив имеет на одной из карт два названия: Синусь Венедикусъ («Венедский залив») и Фриш Гаф. Аналогично Куршский залив подписан как Синусь Куроникусъ и Курляньш Гаф⁵⁹. Рудименты старых названий прослеживаются и на генеральной «меркаторской» карте всего Балтийского моря. Наряду с названиями Финской заливъ и Рижской заливъ в районе Аландских островов имеется подпись: «Здесь делится швецкое море от финландского». Таким образом, Ботнический залив обозначен как «Шведское море», а Финский — как «Финляндское»⁶⁰. В картуше этой открывающей Атлас А.И. Нагаева Гене-

⁵⁷ Русские географические атласы. XVIII век. 1961. С. 61–71; *Фель С.Е.* Картография России XVIII века. 1960. С. 63. Как указывал С.Е. Фель, этот атлас является переизданием на русском языке (со значительными исправлениями и добавлениями) шведского атласа Нильса Штремкрона 1738 г.

⁵⁸ *Нагаев А.* Атлас всего Балтийского моря с Финскимъ и Ботническимъ заливами, съ шагеръ-ракомъ, категатомъ, зундом и белтами, въ генеральныхъ морскихъ и специальныхъ картахъ состоящий. [Санкт-Петербург]: Тип. морского шляхетного кадетского корпуса, 1757.

⁵⁹ Морская карта № VII. Часть Балтийского моря з берегами Курляньскими и Прусскими. Сочинена флота капитаном Алексеем Нагаевым (1)752 года // Атлас Нагаева. 1757. Л. VII.

⁶⁰ Карта морская градусная меркаторская на Скагеръ ракъ Балтийское море и Синусь Финской // Атлас Нагаева. — 1757. — Л. I. При этом сам Ботнический залив («шведское море») на Генеральной карте не изображен.

ральной карты проскочило и заимствованное из германоязычной географической традиции название Восточное море: «Генеральная морская меркаторская градусная карта с показанием в ней ширины и длины всехъ въ Балтийском или восточном Мори и Белте мест». Что вполне объяснимо, так как автором Генеральной карты указан шведский командор Нильс Штремкрон, а капитан А. Нагаев — в качестве переводчика. Таким образом, в Атласе Балтийского моря Алексея Нагаева в большинстве случаев применяется современная географическая номенклатура Балтики, хотя все еще присутствует определенный налет терминологического эклектизма.

Зато Лоция Балтийского моря А.И. Нагаева практически свободна от рудиментов средневековой номенклатуры. Во всех трех частях Лоции практически везде употребляются названия Балтийское море, Финский залив, Рижский залив. Только в заголовке третьей главы проскользнуло название «синуса финского»: «О северных и южных берегах синуса финскаго»⁶¹.

К картографии петровского и послепетровского времени тесно примыкает и учебная географическая литература, которая потребовалась для морских «навигационных» школ. Первые русские учебники по географии представляли собой переводные учебные пособия, составленные иностранными учеными, приглашенными для работы в новую российскую столицу. Так, в 1739 г. Санкт-Петербургская академия наук напечатала переведенное с немецкого языка «Краткое руководство к математической и натуральной географии» Г.В. Крафта. В 18 параграфе раздела «Гидрография» этого Руководства говорится о морях и морских заливах. В качестве примеров таких морей, которые представляют собой глубоко вдающиеся в сушу океанические заливы, приводятся Средиземное, Балтийское и Красное⁶². Второе, заново отредактированное издание Руководства по географии Г.В. Крафта вышло в 1764 г. с обширными примечаниями немецкого ученого-естествоиспытателя Ф. Эпинуса, приехавшего в Россию по приглашению Академии наук. Оно повторяло сведения гидрографического раздела о морских заливах «большого Океана», в числе которых вновь названы Средиземное, Балтийское и Красное (Черное) моря⁶³. Однако в одном из примечаний Эпинуса мы встречаем название Восточ-

⁶¹ *Нагаев А.* Лоция или Морской путеводитель. В 3 ч. Ч. 1. [Санкт-Петербург]: Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1789. — С. 10.

⁶² [*Крафт Г.В.*] Краткое руководство к математической и натуральной географии с употреблением земного глобуса и ландкарт, сочинено в пользу российского юношества и переведено с немецкого языка. — Санкт-Петербург, 1739. — С. 196.

⁶³ Руководство к математической и натуральной географии с употреблением земного глобуса и ландкарт, вновь переведенное с примечаниями Фр. Ульр. Теод. Эпинуса. Издание второе. — Санкт-Петербург, 1764. — С. 302.

ное море. Объясняя, что нынешние острова в дельте Невы образованы сравнительно недавно речными наносами, комментатор указывает, что «прежние, настоящие и высокие берега Финского залива <...> простираются гораздо далее в матерую землю, нежели нынешнее устье Невы и ясно показывают, сколь пространен был прежде сего пролив Восточного моря, который ныне наполнен ровными и низкими островами»⁶⁴.

В другом Кратком руководстве к Географии, изданном Санкт-Петербургской академией наук в 1742 г., гидроним Балтийское море используется регулярно. Оно указано в числе крупнейших европейских морей (Средиземное, Северное, Балтийское); в качестве северной границы Германии; как граница «северных королевств» (Дании, Норвегии, Швеции), «лежащих по Балтийскому морю к северу»; при упоминании города Гданьска «при Балтийском море»; в числе омывающих Россию морей («Балтийское море, к западу, с Финским морским заливом»)». Аналогичная терминология присутствует и во втором издании этого Краткого руководства 1767 г.⁶⁵

Школьный Атлас, изданный Академией наук в 1737 г., тоже несет печать терминологической неустойчивости в отношении Балтики. Он содержит 21 лист чертежей и карт, четыре из которых включают названия Балтийского моря. На карте Европы оно фигурирует под названием море Балтическое, на карте Германии — море Балтическое (с обозначением двух заливов: Любеская Губа (совр. Висмарский залив), Губа Гданьска (совр. Гданьский залив), на карте Норвегии и Швеции — м. Варяжское (с названиями двух заливов — Синуть Ботнической и сал. Финский), на карте Азии — Балтическое море⁶⁷. Таким образом, дважды Балтика обозначена как Балтическое море, один раз — как Балти(й)ское и один раз — как Варяжское. В следующем по времени школьном Атласе 1790 г. географическая номенклатура имеет полностью унифицированный характер. На всех картах этого Атласа Балтика носит название Балтийское море, а Северное море — Немецкое море⁶⁸. Карта Швеции и Норвегии,

⁶⁴ Руководство к математической и натуральной географии с употреблением земного глобуса и ландкарт... — С. 234–235.

⁶⁵ Краткое руководство к Географии в пользу учащегося при гимназии юношества. — Санкт-Петербург, 1842. — С. 11–12, 31, 40, 44, 49. Автор этого учебного пособия неизвестен.

⁶⁶ Краткое руководство к Географии в пользу учащегося при гимназии юношества. Издано вторым тиснением. — Санкт-Петербург, 1767.

⁶⁷ Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг. — Санкт-Петербург: Имп. Академия наук, 1737. — Л. 7, 13, 15, 18.

⁶⁸ Атлас, изданный ко всеобщему землеописанию для народных училищ Российской империи... Ч. 1. Европа. — Санкт-Петербург, 1790. Балтийское море: л. 3, 4, 5, 6, 13; Немецкое море — л. 3, 5, 6, 7, 8, 10, 13.

помимо общего названия Балтийское море, указывает названия трех заливов: Рижской Зал(ивь), Финской Заливь, Ботнической Заливь⁶⁹.

Показательны также в этом отношении и географические труды В.Н. Татищева. В его историко-географическом очерке «Россия или, как ныне зовут, Россия» (1739) Балтика упоминается пять раз: дважды как «Балтийское море» и трижды как «Балтическое»⁷⁰. Во «Введении к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи» (1744) сохраняется двойственность форм Балтийское/Балтическое, а для древнерусского периода применяется и название Варяжское море. Так, указывая границы Руси в IX в. и ее племенное деление, Татищев определяет ее территорию «между Балтическим или Варяжским морем» и Черным морем. При расселении племен «словене и некоторые из варяг остались около Варяжского моря и Новгородских пределов». Варяги же были призваны в Новгород по совету Гостомысла как «соседственный» славянам народ, «над Балтийским морем» обитавший. Говоря о прилежащих к современной Российской империи территориях и морях, Татищев называет в числе прочих «море Балтийское». Среди восьми морей, омывающих Российскую империю, первым указано «Море Балтийское, или Варяжское»⁷¹. Перечисляя российские реки, автор называет Двину или Дюну, которая, миновав Ригу, «впадает в Балтийское море». Вытекающая из «Чюцкого» озера река Нарова или Нарва впадает в «море Балтийское». Русские размещали варягов «по всему берегу южному Балтийского моря», а само море называли Варяжским⁷². Как видим, и в географических трудах конца 30-х — первой половины 40-х гг. XVIII в. первого русского историка, видного деятеля петровской эпохи, Балтика везде выступает под современным названием Балтийского моря, а Варяжское море указано в качестве его древнерусского названия.

Таким образом, и русская картография, и учебная литература петровского и послепетровского времени ясно показывают, что уже к 30–40-х гг. XVIII в. названия Балтийское море и Финский залив прочно вошли в употребление даже на уровне школьных учебников. Случаи употребления в документах, на картах и в учебной литературе XVIII в. русского перевода немецкого названия Балтики Ost See — Восточное море — свидетельствуют о не вполне устоявшейся географической номенклатуре

⁶⁹ Атлас, изданный ко всеобщему землеописанию для народных училищ... — Л. 5.

⁷⁰ Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. — Москва: Географгиз, 1950. — С. 108, 113, 114, 115.

⁷¹ Татищев В.Н. Избранные труды по географии России... — С. 146, 147.

⁷² Татищев В.Н. Избранные труды по географии России... — С. 152, 153, 175.

и являются результатом доминирования в ученых и административных кругах иностранцев германского происхождения. На составленных иностранцами или переводных русских картах встречаются голландские и немецкие формы *Oost See*, *Ost Zee*, *Ost See*, *Oster Zee* (а также их русские транскрипции *Ост Зее* и *Остер Зее*). Однако таких названий, как Свейское или Остзейское море ни в русской картографии, ни в учебной литературе XVIII в. нет. В первом русском Атласе Балтийского моря, составленном на основе старых шведских карт и новых русских съемок («Книга размерная градусных карт *Ост зее* или *Варяжского моря*», 1714, 1718, 1719, 1723), и его расширенном воспроизведении Ф.И. Соймонова («Светильник морской», 1738) мы сталкиваемся с попыткой реанимировать летописное название Балтики — Варяжское море. Однако эта попытка не имела продолжения, и к 30–40-м гг. XVIII в. в русской картографии и научной географической номенклатуре окончательно возобладало утвердившееся в международной практике название *Балтийское море*. Остается выяснить, откуда идет традиция употребления названия *Варяжское море*, которое до сих пор ошибочно считается древнерусским названием Балтики.

ГЛАВА 4.

ВАРЯЖСКОЕ МОРЕ В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

4.1. Варяжское море летописей Лаврентьевско-Ипатьевской группы

Единственным источником названия Варяжское море в русской письменной традиции выступают памятники северо-восточного происхождения. Прежде всего, это Лаврентьевская (1377 г.) и Ипатьевская (1425 г.) летописи и зависимое от них или их общего протографа московско-новгородское и тверское летописание XV–XVI вв. В части до XIII в. оба свода восходят к одному источнику, различаясь между собой лишь в деталях и степени сокращения исходного текста. Протографом Лаврентьевского свода является тверская великокняжеская летопись 1305 г.¹ По мнению А.Н. Насонова, этот свод начала XIV в. был доведен великими князьями — Михаилом Ярославичем Тверским, Дмитрием Михайловичем Тверским и Александром Михайловичем Тверским — до 1327 года. Созданный во Владимире при тверских князьях свод лег в основу всего последующего русского летописания². В свою очередь, великокняжеский свод тверских князей первой четверти XIV в. восходит к великокняжескому своду конца XIII в. (1283/84 гг.), опиравшемуся на ростовскую епископскую летопись XIII в. (то есть на ростовскую обработку киевского летописания XII в.)³.

Таким образом, благодаря работам исследователей русского летописания установлено, что на протяжении XIII–XIV вв. древнекиевская летопись про-

¹ Лурье Я.С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV века // ТОДРЛ. — Ленинград : Наука, 1974. Т. 29. — С. 50–67.

² Насонов А.Н. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. // Известия Академии наук СССР. Отд. гум. наук. Л. — 1930. — № 9. — С. 709–738; — № 10. — С. 739–773.

³ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. — С. 147–168.

шла, как минимум, через тройную обработку: ростовскую, владимирскую и тверскую⁴. В этой многократной северо-восточной редакции она до нас и дошла. В связи с этим возникает далеко не праздный вопрос: на каком этапе в Начальной летописи появляется название Варяжского моря? Здесь неизбежно приходится обращаться к анализу летописных текстов, ибо, не выяснив их происхождения и времени создания, невозможно сделать адекватный вывод о времени появления интересующего нас названия.

Прежде всего, обращает внимание, что название Варяжского моря в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях присутствует только в начальной (вводной) части так называемой Повести временных лет (точнее, киевского свода начала XII в.), то есть в той части Начальной киевской летописи, которая в наибольшей степени была затронута переделками⁵. В этой вводной части Варяжское море упоминается трижды. Один раз в описании расселения народов: «Ляхове же и Пруси Чудь преседят к морю Варяжскому, по сему же морю седят Варязи семо к востoku до предела Симова»⁶. Дважды оно называется при описании пути «из варяг в греки» в составе легенды о хождении апостола Андрея на Русь: «из негоже озера потечеть Волховъ и вьтечеть в озеро великое Ново, того озера внидеть устье в море Варяжское»; «а Двина ис тогоже леса потече, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжское»⁷.

⁴ Количество ростовских сводов XIII в. остается дискуссионным. М.Д. Приселков полагал, что их было три: 1237, 1263 и 1281 г. (См. схему развития русского летописания конца XII–XIII вв.: Приселков, 1996. С. 166). При этом все исследователи полагали, что сама древнекиевская летопись в этих многократных обработках копировалась без всяких изменений и лишь дополнялась последующим материалом. Это априорное убеждение не подкреплено никакими аргументами. При ознакомлении с текстом Начальной летописи бросается в глаза противоречивость и мозаичность прежде всего ее начальных разделов, что свидетельствует о неоднократной переработке исходного источника.

⁵ По установившейся традиции, Повестью временных лет называется весь Киевский свод начала XII в. (до 1116 г.), создание которого приписывается печерскому монаху Нестору. В действительности составителем этого свода был игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр, о чем имеется соответствующая запись в конце этой летописи (под 1116 г.). Повестью временных лет называлась только вводная повествовательная часть летописи Сильвестра, предварявшая хроникальную часть — Временник русских князей. Ни Сильвестр, ни Нестор не были авторами собственно ПВЛ. Этот нарративный памятник кирилло-мефодиевской традиции был создан не позднее середины X в. автором-славянином из племени полян. Впоследствии это сочинение неизвестного нам славянского автора X в. было включено в Киевский свод Сильвестра начала XII в. в качестве вводной части Летописца Русского. Более подробно о структуре Начальной летописи и истории раннего русского летописания см.: Федотова П.И. О заглавиях Начальной летописи: факты и фикции // *Sciences of Europe*. № 77. Vol. 1 Praha, 2021. С. 10–33. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-77-1-10-33.

⁶ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. — Москва: Языки русской культуры, 1997. — Стб. 4.

⁷ Лаврентьевская летопись... — Стб. 7.

Аналогичный текст содержится в Ипатьевской летописи, только Ладожское озеро названо Нево (а не Ново, как в Лаврентьевской), а море — Варяжское⁸. Такое написание Варяжского моря свидетельствует о том, что новгородский переписчик XV в. (а Ипатьевский список Ипатьевской летописи создавался в Новгороде) не понимал смысла этого названия. Этими тремя случаями исчерпывается традиция употребления названия Варяжское море на всем протяжении Лаврентьевского и Ипатьевского сводов с охватом событий около 450 лет⁹. Других упоминаний Варяжского моря в составе этих сводов нет. Таким образом, вопрос следует конкретизировать: являются ли части летописного текста, содержащие упоминание Варяжского моря, древними, входившими в состав первоначальной киевской летописи XII в.? Или же они представляют собой результат позднейших добавлений? Ответ на этот вопрос предполагает решение более общей проблемы: содержалась ли варягофильская концепция русской истории (так называемая «варяжская легенда») в древнекиевской летописи XII в. или была вставлена в нее позднее?

Традиционно считается, что упоминания Варяжского моря вместе со «списком народов», легендой о призвании варяжских князей и Сказанием о хождении апостола Андрея на Русь содержались уже в тексте Киевской начала XII в. В то же время еще историкам XIX — начала XX в. был очевиден вставной характер этих сюжетов. Решение проблемы было найдено А.А. Шахматовым на пути допущения нескольких (трех) редакций древнекиевской летописи. В частности, Шахматов полагал, что рассказ о призвании варяжских князей был заимствован в киевскую летопись из новгородского летописания и вставлен во время вторичного редактирования текста. При этом, признавая вставной характер варяжской легенды, он, тем не менее, находил этот рассказ вполне достоверным («народное предание о приглашении в Новгород наемной варяжской дружины»), дополняя его собственными вымыслами о «норманнском» (скандинавском) происхождении варягов¹⁰. Эта концепция академика А.А. Шахматова до сих пор доминирует в исторической науке.

⁸ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. — Москва: Языки русской культуры, 1998. — Стб. 4, 6.

⁹ Кроме обшей обоим сводам Начальной летописи, которая начинается событиями середины IX в., Лаврентьевская Летопись содержит в своем составе владимирский свод XII в. и Суздальскую летопись XIII в., оканчиваясь (точнее, обрываясь) на 1305 г. Ипатьевский свод, кроме Начальной летописи, содержит Киевскую летопись XII в. и Галицко-Волынскую летопись XIII в., оканчиваясь 1299 г.

¹⁰ Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А.А. История русского летописания. — Санкт-Петербург: Наука, 2003. Т. 1. Кн. 2. — С. 185–231.

Академик Б.А. Рыбаков, соглашаясь с Шахматовым относительно вставного характера варяжской версии в текст древнекиевской летописи, связывал эту вставку с идеологическими усилиями Владимира Мономаха и его старшего сына Мстислава, долгое время занимавшего новгородский стол. Однако он расценивал варяжскую легенду как «грубоватую и неумелую фальсификацию» первоначального текста киевской летописи¹¹. Обе эти точки зрения представляются на сегодняшний день устаревшими. Ни одна из уцелевших летописных традиций (киевская, новгородская, владими́ро-суздальская, галицко-волынская) на протяжении трехсот лет (XI—XIII вв.) не содержит никаких намеков на варяжское происхождение правившей на Руси династии и упоминаний Рюрика как родоначальника русских князей¹². Даже созданный греком Феодосом в середине XII в. Киево-Печерский Патерик с рассказом о бежавшем на Русь варяжском князе Симоне и его сыне Георгии (в «Слове о создании Печерской церкви») ничего не сообщает ни о его родстве с русскими князьями, ни о варяжском происхождении русских князей¹³.

Из этого следует, что варяжская легенда была вставлена в текст древнекиевской летописи гораздо позднее — не в начале XII, а в конце XIII в. Именно к этому времени относится первое документально подтвержденное свидетельство о призвании варяжских князей в Новгород. Однако фиксируется оно не в летописях, а в памятниках церковного происхождения: Новгородской (1283/84 г.) и Варсонофьевской (конец XIV в., протограф начала XIV в.) Кормчих книгах. Эти сборники церковного права открывает краткий всемирный летописец константинопольского патриарха IX в. Никифора, дополненный таким же кратким русским летописцем ростовского происхождения,

¹¹ Рыбаков Б.А. Рождение Руси. — Москва, 2012. — С. 226.

¹² О позднем появлении в русских письменных источниках упоминаний о варяжском князе Рюрике и отсутствии в них на протяжении всего средневековья патронима «Рюриковичи» см.: Федотова П.И. Дитя монгольского погрома: к проблеме историчности князя Рюрика // Свободная мысль. — 2017. — № 6. — С. 5–22.

¹³ Создание Патерика традиционно приписывается епископу Симону Владимирскому (1214–1226 гг.) и его корреспонденту печерскому инок Поликарпу. Об ошибочности этой атрибуции см.: Федотова П.И. Был ли Симон Владимирский автором Киево-Печерского Патерика? // Sciences of Europe. № 76. Vol. 2. Praha, 2021. С. 7–36. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-76-2-7-36. Если же следовать общепринятому взгляду на авторов и время создания Патерика, тем более невозможно датировать появление варягофильской историографии ранее 30-х гг. XIII в. Ведь Киевский Патерик, который уделяет много внимания ростовским варягам, тем не менее, ни словом не упоминает об участии варягов в создании древнерусской государственности.

доведенным до 1278 г. Более ранних свидетельств существования варяжской историографии в русской письменной традиции до сих пор не найдено¹⁴.

Таким образом, варяжская концепция образования Руси, в рамках которой и следует ожидать появления названия Варяжское море, фиксируется только с 80-х гг. XIII в. Ее возникновение повлекло за собой переделку в варягофильском духе не только древнекиевской летописи, но и целого ряда других памятников древнерусской письменности, куда последовательно вносилась варяжская редакция. Такого рода редакция присутствует, в частности, в «Летописце вскоре» патриарха Никифора, первая русская редакция которого не содержит русского летописца с рассказом о Рюрике; в «Слове о латынях» Феодосия Грека (сер. XII в.), в ранней редакции которого говорится о «вере латыньской», а в более поздних — о «вере варяжской»; в житии Владимира (ранние редакции не содержат указания на его происхождение «от рода варяжска»); в проложной статье об апостоле Андрее (первая, краткая редакция Пролога не знает сюжета с хождением апостола на Русь и поездке в Рим по Варяжскому морю); в русском Прологе в целом, в первой, краткой редакции которого отсутствует «варяжская составляющая»: и варяжская версия Хождения Андрея, и житие варягов-мучеников, и житие Владимира «от рода варяжска».

В данном случае нас интересует летописное и проложное Сказание о хождении апостола Андрея на Русь, так как именно в нем дважды упоминается Варяжское море. Представление об этом Сказании как цельном произведении, изначально входившем в состав киевской летописи начала XII в., ныне следует признать ошибочным. Действительная история сложения этого памятника оказалась намного сложнее.

Во-первых, Сказание о хождении апостола Андрея на Русь имеет характер столь грубой и очевидной вставки, что сразу исключает мнение о его присутствии в тексте первоначальной киевской летописи. Церковный историк XIX в. И.И. Малышевский показал, что она не могла быть сделана ранее середины XII в., а А.Д. Седельников обосновал еще более

¹⁴ Более подробно о Кормчих книгах как источнике первоначальной версии варяжской легенды, еще не содержавшей отождествления варягов и руси см.: Федотова П.И. У истоков варяжской историографии: кто и когда внедрил варяжский фальсификат в русские летописи? // Свободная мысль. — 2020. — № 3. — С. 117–136. Отождествление этих двух разных этнических групп впервые намечается в Лаврентьевской летописи конца XIV в., но окончательно оформляется только в летописях XV в. См.: Федотова П.И. «Варяжская русь» как псевдопроблема российской историографии // Свободная мысль. — 2018. — № 3. — С. 139–152.

позднюю дату: не ранее 60–70-х гг. XII в.¹⁵ Во-вторых, был выявлен многосоставный характер этого небольшого произведения. Советский историк А.Л. Никитин выяснил, что в основе летописного рассказа об Андрее лежит памятник кирилло-мефодиевской литературы болгарского происхождения. Вслед за академиком Б.А. Рыбаковым он констатировал наличие противоречий в рассказе о пути апостола по Руси и признаки двойной вставки, что свидетельствует о двукратной переработке текста¹⁶.

В последних работах, посвященных истории сложения этого памятника, показано, что известная ныне летописная легенда о хождении апостола Андрея на Русь представляет собой результат двукратной переделки (сначала русской, затем варяжской) первоначального славянского текста начала X в. кирилло-мефодиевской традиции. Точное время создания русской редакции Хождения Андрея установить затруднительно; можно лишь сказать, что она появилась не ранее конца XII и не позднее середины XIII в. Русская редакция не содержала фразы о пути «из варяг в греки» (в ней говорилось о пути «из грек по Днепру») и не имела вставки о реках, вытекающих из Оковского леса. Имелось ли в ней название Варяжского моря, определенно сказать невозможно. Но, безусловно, оно присутствовало в третьей, варяжской редакции этого Сказания конца XIII в.¹⁷

Не менее сложна история этногеографического введения к Начальной летописи, где также содержится упоминание Варяжского моря. Вопрос о создании этого введения требует отдельного и тщательного исследования. Однако установленных на сегодняшний день фактов достаточно, чтобы сделать вывод о его компилятивном характере в результате неоднократных редактур. Наличие в нем обширных заимствований из византийской Хроники Георгия Амартола указывает на начало XIV в. как время его окончательной редакции. Именно в это время в Твери делался первый

¹⁵ *Малышевский И.И.* Сказание о посещении Русской страны св. апостолом Андреем // Владимирский сборник. В память девятистолетия крещения России. — Киев, 1888. — С. 32–35; *Седелников А.Д.* Древняя киевская легенда об Андрее // Slavica. Roč. III. Seš. 2–3. — Praha, 1924. — С. 325–326.

¹⁶ *Никитин А.Л.* Путь «из варяг в греки» и легенда об апостоле Андрее // *Никитин А.Л.* Основания русской истории. Мифология и факты. — Москва: АГРАФ, 2001. — С. 116–147; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. — Москва: Наука, 1993. — С. 125–126.

¹⁷ Более подробно о трех редакциях Хождения апостола Андрея на Русь — дунайско-славянской, русской и варяжской см.: *Федотова П.И.* Дунайский путь апостола Андрея // Свободная мысль. — 2019. — № 6. — С. 5–24; *Федотова П.И.* Андрей Боголюбский и Андрей Первозванный: «русский путь» апостола Андрея // Sciences of Europe. — № 49. — Vol. 3. — Praha, 2020. — С. 35–42; *Федотова П.И.* Варяжский путь апостола Андрея // Свободная мысль. — 2020. — № 4. — С. 39–62.

русский перевод этой всемирной греческой хроники и одновременно составлялся великокняжеский свод, послуживший протографом для Лаврентьевской летописи.

Таким образом, известный нам текст Начальной летописи в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей отражает не его киевскую редакцию начала XII в., а представляет собой результат как минимум трех северо-восточных редактур: ростовской (до 1281 г.), владимирской (1283/84 г.) и тверской (начала XIV в.). Логично предположить, что варяжская концепция была внесена не только в составленную около 1283/84 г. по прямому указанию великого князя Дмитрия Александровича Кормчую книгу (о чем есть запись в самой Новгородской Кормчей), но и в созданный при этом князе великокняжеский свод 1283/84 г. В рамках внесенной в этот свод варяжской версии возникновения русского государства можно предполагать и появление в тексте Начальной летописи названия Варяжское море. Это предположение подкрепляется тем фактом, что кроме варяжского варианта «списка народов» и легенды об Андрее, на протяжении последующих четырех с половиной веков дальнейшего изложения это название в тексте Лаврентьевского и Ипатьевского сводов больше не встречается.

4.2. Варяжское море в агиографических памятниках владимирского происхождения

На конец XIII — начало XIV в. как на время появления варягофильской исторической концепции указывают и два других письменных памятника, содержащих название Варяжского моря: проложное Сказание о хождении апостола Андрея на Русь и Житие Александр Невского. Появление этих агиографических сочинений приходится именно на период конца XIII — начала XIV в.

Русский Пролог (сборник житий и поучений на каждый день церковного календаря) возник на основе аналогичных византийских месяцесловов (синаксарей). Однако статьи об апостоле Андрее в их византийском и русском вариантах резко различаются друг от друга. В отличие от византийского Синаксаря, где под 30 ноября имеется лишь краткая память апостола Андрею, русский Пролог расширенной редакции содержит еще и развернутый рассказ о хождении апостола Андрея на Русь под заглавием: «Слово о проявлении крещения Руския земля святого апостола Андрея, како приходил в Русь и благословил место и крест поставил иде-

же ныне градъ Киевъ». По своему содержанию он представляет собой заимствование из Начальной летописи, но в особой, специфически проложной редакции. Описание «пути из варяг в греки» стоит не в начале текста, как в летописи, а в середине. Эпизод с новгородскими банями в конце опущен, вместо него помещен рассказ о смерти Андрея в Патрах и акафист Андрею¹⁸. Эти изыятия, добавления и перестановка текста, обусловленные целями церковной пропаганды, ясно указывают на вторичный характер проложного Сказания о хождении Андрея по отношению к летописному. Это значит, что не Пролог был источником летописного сказания, а, наоборот, летопись послужила источником для проложного варианта Хождения Андрея. Следовательно, Пролог не может рассматриваться как самостоятельный случай употребления названия Варяжское море, поскольку проложный текст почерпнут все из той же летописи северо-восточного происхождения¹⁹. К тому же название моря присутствует в Прологах не только в формах Варяжское/Варяжское, но и Варяское, Варешское и Варешское, что также свидетельствует о вторичном характере проложного текста²⁰.

При этом крайне важным обстоятельством является тот факт, что в прологах краткой редакции (не только за XIII, но даже за XIV–XV вв.) Сказания о Хождении апостола Андрея на Русь нет. Впервые оно появляется в составе прологов расширенной редакции в первой половине XIV в.²¹ Обширный статистический материал по 400 спискам древнерусских прологов был представлен советским филологом-славистом Л.П. Жуковской. В приведенной ею таблице списков нестишного Пролога XII–XVII вв. (сентябрьской половины) присутствует и статистика «Слова о проявлении крещения Русской земли». Она показывает, что Слова о хождении апостола на Русь нет не только ни в одном из ранних кратких прологов XIII в., но его нет и почти во всех приведенных Жуковской 52 прологах краткой

¹⁸ Проложные Сказания об Андрее по спискам XIV–XVII вв. см.: *Гиляров Ф.* Предания русской Начальной летописи (по 969 год). Приложения. — Москва, 1878. — С. 47–50.

¹⁹ Текст проложного Сказания (за исключением указанных отличий) практически идентичен с летописным: «и того озера видеть оустье в море варяжское», Двина «идеть на полунощье и видеть в море варяжское» (Гиляров, 1878. С. 47).

²⁰ Варианты названия Варяжского моря по спискам Прологов см: Гиляров, 1878. С. 47, прим. 1 и 11.

²¹ Древнейший список Пространного пролога первой половины XIV в., содержащий «Слово о проявлении крещения Руския земля святого апостола Андрея» — РГАДА Тип. 164 — является в то же время первым известным списком Пространной редакции Пролога вообще. Остальные — второй половины XIV в. и позднее. (*Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 224–225).

редакции (за исключением двух поздних списков середины и конца XVI в.). В четырех из этих 52 прологов листы под 30 ноября отсутствуют; в одном — вставлены позднее. В остальных прологах краткой редакции «Слова о крещении» нет, в них содержится только память апостола Андрея из византийского синаксаря.

Особенно показательна статистика восьми наиболее ранних списков Пролога. В двух из них листы под этой датой утрачены. Но в шести списках, в том числе Софийском (начала — середины XIII в.) и новгородском Лобковском (1262 г.), при сохранности листов под 30 ноября есть только память апостола Андрея, а «Слова о проявлении крещения» нет. Зато почти все 105 рассмотренных Л.П. Жуковской прологов пространной редакции (за редким исключением) содержат «Слово о проявлении крещения русския земля»²². Из этих данных вытекает однозначный вывод, что Пролог краткой редакции не содержал статьи о хождении апостола Андрея на Русь. Она появляется только в прологах расширенной редакции, самые ранние списки которых относятся к первой половине XIV в. Таким образом, проложное Сказание о хождении апостола Андрея, где содержится название Варяжского моря, не дает более ранней даты, чем первая половина XIV в.

Кроме летописей северо-восточного происхождения и заимствованного из них проложного Сказания об апостоле Андрее, название Варяжское море один раз упомянуто в Житии Александра Невского. После рассказа о победах князя над шведами и немцами автор жития заявляет, что с тех пор имя Александра прославилось повсюду, в том числе и по ту сторону Варяжского моря: «обону страну моря Варяжскаго и до великаго Риму»²³.

Хотя Александр Невский больше известен в качестве новгородского, а не великого владимирского князя, еще первые исследователи русской агиографии (В.О. Ключевский, Н.И. Серебрянский, В. Мансикка) пришли к выводу о владимирском, а не новгородском происхождении первоначальной редакции Жития Александра («Повести о житии и храбрости

²² *Жуковская Л.П.* Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские списки) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады сов. делегации. — Москва: Наука, 1983. — С. 110–120. Табл. 1. Редакции списков Пролога нестишного XII–XVII вв. (по 20 избранным статьям) — на отдельной вкладке.

²³ Повесть о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Александра (первой редакции) // *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». — Москва; Ленинград: Наука, 1965. — С. 173. Упоминание Варяжского моря в более поздних списках Жития Александра XVI–XVII вв. см.: *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и тексты. — Москва, 1913. Тексты (отд. пагинации). — С. 7, 23, 42, 133.

благоверного и великого князя Александра»). Этот вывод дореволюционных исследователей был всесторонне обоснован советским историком Ю.К. Бегуновым, который собрал исчерпывающие доказательства того, что «Житие Александра Невского первой редакции было написано на северо-востоке Руси». В пользу северо-восточного происхождения Жития свидетельствует наличие в нем владими́ро-суздальских известий об Александре Невском при отсутствии новгородских (которые читаются в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов); автор изображает Александра не как новгородского, а как владими́ро-суздальского князя («Солнце земли Суздальской»), везде подчеркивает роль княжеской дружины, не упоминая новгородцев; использует церковный сентябрьский год (тогда как в Новгороде было принято гражданское мартовское летоисчисление). Текст Жития содержит подробный рассказ о погребении князя во владими́рском Рождественском монастыре и посмертном чуде при гробу князя, что предполагает сообщение очевидца. Свидетельством в пользу владими́рского происхождения первоначальной редакции памятника является и особое внимание автора Жития к личности старшего сына Александра — великого владими́рского князя Дмитрия Александровича, занимавшего владими́рский стол с 1277 по 1294 г.²⁴

Однако предложенная Ю.К. Бегуновым датировка первой редакции 1282–1283 гг. нуждается в уточнении. С конца 1281 г. и как минимум до марта 1283 г. Дмитрий не занимал владими́рского стола. В это время он отсутствовал во Владимире, да и на Руси бывал лишь наездами. Окончательно Дмитрий Александрович вернулся на Русь не ранее весны 1283 г. Поэтому датировать создание этого Жития следует временем 1283/84 г.²⁵ Не исключено, что первоначальная Повесть о житии и храбрости Александра Невского была написана специально для составленного в то же время великокняжеского летописного свода. Свод заканчивался описанием событий 1282–1283 гг. в благоприятной для Дмитрия Александровича трактовке событий и продолжен не был. Обращает внимание, что самые ранние из известных списков Жития Александра содержатся в летописях: Лаврентьевской и Псковской второй. Поэтому первые исследователи этого памятника (В.О. Ключевский, Н.И. Серебрянский, В. Мансикка) употребляли термин «летописная редакция» как синоним «первоначальной».

²⁴ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века... — С. 57–61.

²⁵ Более подробно разбор предложенных в научной литературе датировок Жития Александра Невского и их критику см.: Федотова П.И. Святой Александр и святой Владимир: две загадки русской агиографии // Христианское чтение. — 2021. — № 2. — С. 56–61. DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_52; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0948-6433>.

И хотя самый авторитетный исследователь этого жития Ю.К. Бегунов специально оговаривал, что «нет достаточных доказательств летописного происхождения Жития Александра Невского»²⁶, это предположение остается наиболее вероятным²⁷. В таком случае, единственным общим источником названия Варяжское море в летописях, Житии Александра Невского и Прологе оказывается владими́рский свод 1283/84 г. великого князя Дмитрия Александровича Переяславского, послуживший протографом для тверских сводов начала XIV в., которые, в свою очередь, легли в основу последующего русского летописания конца XIV–XVI вв.

При этом в письменных памятниках позднего средневековья XV–XVII вв., которые опирались на предшествующие им летописи северо-восточного происхождения, обращает внимание своего рода смысловая девальвация названия Варяжское море. Оно встречается в формах: Вряжьское (в Новгородской первой летописи младшего извода 40-х гг. XV в. и Новгородской четвертой летописи последней четверти XV в.), Вряжьское (Новгородская четвертая летопись по списку П.П. Дубровского середины XVI в.), Вареское (Тверской сборник 1534 г.), Варяское и Варешское/Варешьское (в прологах XV–XVII вв.)²⁸. Существовала и форма Варецкое море, как показывает сочинение С. Герберштейна (1549 г.), где это название транскрибируется как *Varetzkhoye morye* и *Waretzokoie morie* (по-латыни как *Mare Veregum*)²⁹.

Аналогично и название Варяжской улицы в Новгороде в поздних новгородских летописях XV–XVI вв. принимало такие формы, как Варвареская, Вареская, Варейская, Варезская, Варецкая³⁰. В связи с этим весьма

²⁶ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». — Москва; Ленинград: Наука, 1965. — С. 13.

²⁷ Подробнее см.: Федотова. Святой Александр и святой Владимир, 2021. С. 61.

²⁸ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 3. — Москва, 2000. — С. 297; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. — Москва, 2000. — С. 3; Тверской сборник // ПСРЛ. Т. 15. — Москва, 2000. — Стб. 5.

²⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. — Москва: Изд-во МГУ, 1988. — С. 60. Герберштейн пояснял, что так называлось у русских Балтийское море, «а кроме него и то, которое отделяет от Швеции Пруссию, Ливонию и часть их собственных владений» (то есть Финский залив). В то же время австрийский дипломат отмечал, что русские ничего не знали о варягах: никто из них не мог сообщить ему о варягах «ничего определенного, кроме их названия». Что было бы странно, даже необъяснимо, если бы варяги были шведами, с которыми и Новгород, и Москва вели длительную борьбу за Приневье и Карельский перешеек. Шведов на Руси прекрасно знали, а вот ассимилированное к XV–XVI вв. варяжское этническое меньшинство — нет.

³⁰ В таких формах название Варяжской улицы присутствует в Новгородской четвертой летописи, старшие списки которой (Новоросийский и Строевский) относятся к последней четверти XV в., а младшие — к XVI в. См.: Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. — С. 250, 417, 448, 575, 618.

показательно различие в написании названия этой улицы между двумя изводами Новгородской первой летописи — старшим и младшим. Если в древнейшей новгородской летописи (старшем изводе НПЛ) оно имеет форму Варяжская, то в младшем изводе НПЛ XV в. (Комиссионном списке) в том же самом сообщении под 6807 (1299) г. она названа Вареская³¹. Следовательно, население Новгорода XV в., включая новгородского переписчика, уже не связывало это название с варягами. У рядовых писцов оно ассоциировалось скорее с «варом» (водой), нежели с названием этого этнического меньшинства средневековой Руси. Эти факты говорят о том, что хотя название Варяжское море вместе с варягофильской концепцией древнерусской истории стараниями московских властей было включено в новгородские и тверские летописи, но к XV в. связь этого названия с варягами в массовом сознании была утрачена.

Таким образом, наименование Варяжское море нет оснований считать древнерусским названием Балтики домонгольского периода. Документально оно фиксируется в русских источниках только с XIV в. Первые летописные тексты, содержащие это название (Лаврентьевский 1377 г. и Ипатьевский 1425 г. своды), восходят к тверскому протографу начала XIV в., а тот, в свою очередь, к владимирскому своду 1283/84 г. Имеется оно и в Житии Александра Невского (первая владимирская редакция — конца XIII в., вторая тверская — начала XIV в.), составленном, скорее всего, для того же владимирского свода, а также в заимствованном из владимирской обработки киевской летописи проложном Сказании о хождении апостола Андрея на Русь (старшие списки первой половины XIV в.). Поскольку ранее летописей и агиографических сочинений северо-восточного происхождения конца XIII — начала XIV в. присутствие варягофильской историографии в русских источниках не определяется, к этому времени следует относить и появление в них названия Варяжское море.

³¹ НПЛст.: «загореса на Варяжской улици»; НПЛмл.: «загореса на Вареской улици» (ПСРЛ. Т. 3. С. 90, 329).

4.3. Влияние владимирского летописания на последующую историко-географическую традицию в употреблении названия Варяжское море

Остальные случаи употребления названия Варяжское море в летописях XV–XVI вв. находятся в тех же самых фрагментах текста («списке народов» и легенде о хождении Андрея на Русь) из вводной части Начальной летописи, что и в летописях Лаврентьевско-Ипатьевской группы. Эти фрагменты практически идентичны, при несущественных различиях в тексте. В основном они касаются расположения Сказания о пути «из варяг в греки», в котором и употребляется название «Варяжское море». В ряде поздних летописей эта часть текста выделена в особый фрагмент, независимый от Сказания о хождении апостола Андрея на Русь, которое в таких случаях дается, как правило, в проложной редакции. Но в других поздних сводах сказание о пути остается составной частью легенды об Андрее, как и в летописях Лаврентьевско-Ипатьевской группы.

Что касается собственно фраз о Варяжском море, то они практически одинаковы, с незначительными вариациями в перечне проживавших на этом море народов. В большинстве поздних летописей в соответствии с каноническим текстом Лаврентьевского и Ипатьевского списков говорится, что «ляхове, прусь и чудь приседят к морю Варяжскому»³². В Рогожском летописце «список народов» отсутствует; в Львовской к Варяжскому морю «приседят» только «Ляхови»; в Никонской, наоборот, ляхове отсутствуют, зато в качестве жителей побережья Варяжского моря указаны литва, зимегола, корсь и чудь³³. В описании пути «из варяг в греки» в этих летописях Варяжское море упомянуто дважды: в него впадает «устье» озера Нево, а также Двина, вытекающая из того же леса, что Днепр и Волга. В Московском своде конца XV в. Варяжское море упомянуто также в Житии Александра Невского, включенном в текст этого свода: «Нача же имя слыти великого князя Александра Ярославича по всем странамъ от моря Варяжского и до моря Понетцкого»³⁴. Только в Ермолинской летописи Варяж-

³² См., например: Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. — Москва, 2000. — С. 1; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. — Москва, 2004. — С. 337; Тверской сборник // ПСРЛ. Т. 15. — Москва, 2000. — Стб. 18; Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 9. — Москва, 2000. — С. 2; Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 9. — Москва, 2000. — С. 7.

³³ Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. — Москва, 2005. — С. 39; Никонская летопись // ПСРЛ. Т. 9. — Москва, 2000. — С. 2.

³⁴ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. — Москва, 2004. — С. 135.

ское море отсутствует, так как в ней нет ни списка народов, ни легенды об Андрее, ни описания пути «из варяг в греки». Она начинается с рассказа о расселении славян и славянами ограничивается³⁵.

Отсутствие в позднем русском летописании названия «Варяжское море» за рамками трех строго определенных летописных сюжетов говорит о том, что кроме все тех же трех книжных текстов (начальной части ПВЛ, Жития Александра Невского и проложного сказания о хождении апостола Андрея на Русь), почерпнутых из одного источника, это название нигде более не использовалось. Все указанные тексты восходят к владимирско-тверским сводам конца XIII — начала XIV в., которые выступают неизменным посредником между киевским летописанием XII—XIII вв. и общерусскими сводами позднего средневековья. Таким образом, поздние летописи лишь тиражировали официальную варяжскую историографию летописей Лаврентьевско-Ипатьевской группы, истоком которой являлось не домонгольское киевское или новгородское летописание, а владимирское летописание конца XIII в.

Случаи упоминания в русских летописях Варяжского моря за рамками указанных сюжетов крайне редки. Так, в Новгородской четвертой летописи по списку Дубровского под 7042 (1534) г. в описании ареала распространения «кумирской прелести» сказано, что она распространилась «по всему Поморию Варяжского моря в Новгородской земли»³⁶. В одном из списков Ипатьевской летописи (Ермолаевском) под 6823 (1315) г. упомянуто «Поморие Варяжское от Старога града за Кгданскомъ»³⁷. Обе эти летописи позднего происхождения. Новгородская четвертая по списку П.П. Дубровского — середины XVI в., Ермолаевский список — начала XVIII в., чей протограф, по заключению специалистов, относится ко времени около 1635 г. Таким образом, эти случаи отражают отнюдь не древнерусскую традицию, а словоупотребление ученых церковных кругов середины XVI — начала XVII в., сложившееся под влиянием официального летописания.

Аналогичное явление наблюдается и в поздних списках Псковских летописей. Так, в Погодинском списке Псковской первой летописи (второй

³⁵ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. — Москва, 2004. Эту летопись исследователи характеризуют как «оппозиционную» по отношению к великокняжеской власти. Как видим, в некоторых сюжетах она осмеливалась уклоняться и от официально принятой историографии.

³⁶ Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. — Москва, 2004. — С. 232.

³⁷ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. — Москва, 1998. Приложение. — С. 81.

половины XVI в.) под 7027 (1519) г. содержится рассказ об основании Псковского Печерского монастыря, который стал известен «не токмо в Руси, но в Латыне, рекше в Немецкой земле, даже и до моря Варяжска»³⁸. Об основании Иван-города царем Иваном Васильевичем на устье Неровы реки «близ моря Варяжского» упоминается в еще более позднем списке Псковской первой летописи первой половины XVII в.³⁹ Таким образом, название Варяжского моря начинает употребляться в новгородском и псковском летописании только в XVI—XVII вв. В то время как Новгородская первая летопись старшего извода вообще не знает этого названия, а НПЛ младшего извода (40-е гг. XV в.) и Псковская вторая летопись (конца XV в.) содержат его только в составе памятника владимирского происхождения — Повести о житии и храбрости Александра Невского⁴⁰.

Характерно при этом, что в документах, послуживших источником летописной информации для сообщения о «кумирской прелести» в Новгородской земле, Варяжское море не упоминается. Так, в грамоте Новгородского архиепископа Макария в Вотскую пятину, об искоренении языческих требищ и обрядов от 25 марта 1534 г. подробно перечисляются все новгородские погосты и уезды, в которых духовенству предписано принять надлежащие меры против язычества, однако упоминания Варяжского моря или помория Варяжского моря нет⁴¹. Аналогично и в грамоте Новгородского архиепископа Феодосия «в Воцкую пятину, о разрушении мольбищ и искоренении языческих обрядов» от 8 июня 1548 г. при перечислении уездов и погостов этой пятины, западная часть которой располагалась вдоль побережья Финского залива, Варяжское море ни разу не упомянуто⁴². Отсюда следует, что использование названия Варяжское море было характерно исключительно для летописной традиции, в актовом материале оно отсутствует.

³⁸ Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. — Москва: Языки славянской культуры, 2003. — С. 101.

³⁹ Псковские летописи... — С. 118.

⁴⁰ Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т. 3. С. 297; Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. — Москва: Языки русской культуры, 2000. — С. 14.

⁴¹ «От пресвященного архиепископа Великаго Новагорода и Пскова владыки Макарья въ Воцкую пятину, въ Чудь, въ Толдожской погость, и въ Ижерской погость, и въ Дудоровской погость, и въ Замошской погость, и въ Егорьевской погость, и въ Ополецкой погость, и въ Кипенской погость, и в Спасской погость въ Зарецкой, и во все Чюцкие уезды и Ижерские, и въ Вошки, да и во вся Копорския, и Ямские, и Иванегородские, и въ Корельския, и въ Ореховские уезды, въ волости и въ села...». (Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. Санкт-Петербург, 1846. С. 27. № 28).

⁴² ДАИ. Т. 1. С. 57. № 45.

Что касается внелетописных нарративных источников, то за период XII — начала XVIII в. удалось найти только один письменный памятник, в котором применительно к Балтике последовательно употребляется название Варяжское море. Таковым является «Описание трех путей из России в Швецию» архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия⁴³. Однако источник этот поздний — 1701–1702 гг. и создавался в то время, когда летописная варяжская версия уже приобрела характер национального предрассудка, а новая географическая номенклатура акватории Балтийского моря еще только зарождалась. В этом географическом сочинении в отношении Балтики архиепископ Афанасий шесть раз употребляет название Варяжское море. Финский залив у него остается безымянным и обозначается как «морская пролива», а название Ботнического залива варьируется: то ботинский рукав, то ботнинский рукав, то бутинский рукав⁴⁴. В более раннем списке И.А. Шляпникова имеется еще один вариант: «Бантиньского рукава»⁴⁵.

Анализируя географическую номенклатуру этого сочинения, И.П. Шаскольский отмечал, что и по языку, и по терминологии оно всецело относится к XVII столетию, хотя написано в начале XVIII в. Большинство географических названий унаследовано от старой русской традиции: Стекольна (Стокгольм), Выбор (Выборг), Кариберь (Каянеборг), Онульск (Оулу-Улеборг), Торнова (Торнео), Канец (Ниеншанц), Ругодив (Нарва), Колывань (Ревель). Только термины «Шведская земля» и «шведы» относятся к петровскому времени, вытеснив традиционные «Свейская земля» и «свеи»⁴⁶. Таким образом, этот текст рубежа XVII–XVIII вв. продолжает

⁴³ Полное заглавие этого сочинения: «Описание трех путей из державы Царского Величества, изъ поморскихъ странъ, въ Швецкую землю и до столицы ихъ. Сочинися же сие самемъ преосвященнымъ архиепископомъ холмогорскимъ Афанасиемъ, со свидетельствомъ ведущихъ людей и теми пути многократне купечески шествовавшихъ, лета Господня 1701, месяца марта». Имеются два списка этого произведения. Один, датируемый 1702 г., был впервые опубликован П.Г. Бутковым в 1838 г., а затем в монографии В. Верюжского в 1908 г. Второй, более ранний, найденный в архиве профессора Саратовского университета И.А. Шляпникова, опубликован Л.А. Дмитриевым уже в советское время. Список И.А. Шляпникова дефектный: он обрывается на описании второго пути. Об истории и датировке этих списков см.: *Дмитриев Л.А.* Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского // *Археографический Ежегодник за 1958 год.* — Москва, 1960. — С. 335–337.

⁴⁴ Афанасий, архиеп. Холмогорский. Описание трех путей из России в Швецию // *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. — Санкт-Петербург, 1908. — С. 656–665.

⁴⁵ *Дмитриев Л.А.* Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского // *Археографический Ежегодник за 1958 год.* — Москва, 1960. — С. 338.

⁴⁶ *Шаскольский И.П.* «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского // *ТОДРЛ.* Т. 14. — Москва ; Ленинград, 1958. — С. 457.

транслировать средневековую географическую традицию. Что касается названия «Варяжское море», то Шаскольский усматривал в этом словопотреблении документальное подтверждение того, что «древний русский термин “море Варяжское” от времен Начальной летописи дожил до первых лет XVIII в.»⁴⁷.

Текст начала XVIII в., конечно же, не может служить доказательством употребления этого термина в начале XII в., во времена Начальной летописи. Настойчивое именование Балтики Варяжским морем в сочинении этого церковного деятеля из окружения Петра I объясняется проще. Афанасий Холмогорский (занимавший Холмогорскую архиепископскую кафедру с 1682 по 1702 г.) известен как большой любитель, знаток и ценитель древнерусской книжности: ему принадлежала обширная библиотека рукописных и старопечатных книг; при его архиепископском доме в Холмогорах велась переписка, исправление и реставрация рукописных книг⁴⁸. Будучи весьма начитанным в летописях человеком, архиепископ Афанасий, безусловно, знал название Варяжское море из официального летописания, откуда он его и заимствовал⁴⁹. Однако само это заимствование свидетельствует, что на тот момент в русском обиходе не существовало никакого общеупотребительного названия для Балтийского моря. Почему и потребовалось реанимировать это архаичное и маргинальное название, совершенно не представленное в актовых, картографических и эпических памятниках русского средневековья. По сравнению с остальным массивом документов, так или иначе отразивших русские средневековые названия Балтийского моря, «Описание трех путей в Швецию» начала XVIII в. представляет собой исключение и восходит все к той же Лаврентьевско-Ипатьевской летописной традиции. В конечно счете эта, идущая из Владимира, а не из Киева или Новгорода, летописная традиция конца XIII — начала XIV в. выступает единственным источником происхождения названия Варяжское море на всем пространстве русского мира. Парадоксально при этом, что другим источником этого названия в мировой историко-географической литературе является не западноевропейская, а арабская географическая традиция.

⁴⁷ *Шаскольский И.П.* «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского. — С. 459. — Прим. 11.

⁴⁸ *Дмитриев Л.А.* Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского. — С. 335.

⁴⁹ Среди книг исторического содержания в библиотеке архиепископа Афанасия имелось несколько Хронографов, Степенная книга, Летописец Киевский, краткий Летописец, Книга о начале Славянском и князей Русских, Палея и другие. (См.: *Верюжский*, 1908. С. 587–588).

4.4. Проблема источника сведений о «море Варанк» в арабоязычной географической литературе XI–XIV вв.

При изучении истории употребления названия Варяжское море в средневековых источниках исследователь сталкивается с поистине парадоксальной ситуацией. Хотя Варяжское море в качестве названия Балтики считается древнерусским, самые ранние упоминания этого гидронима содержатся не в русских или западноевропейских письменных памятниках (где они вообще отсутствуют), а у восточных авторов. В силу этого обстоятельства арабские (точнее, арабоязычные) известия о Варяжском море приобретают особое значение как самые первые упоминания этого названия. Известен целый ряд таких сообщений: хорезмийского ученого-энциклопедиста XI в. Абу Рейхана ал-Бируни (973–1048), арабского писателя XIII в. Йакута ар-Руми (1179–1229), арабского космографа конца XIII — первой четверти XIV в. Шамсуддина ад-Димашки (1256–1327), сирийского историка и географа первой трети XIV в. Абу-ль-Фида (1273–1331), персидского историка и географа XIV в. Хамдаллаха Казвини (1282–1350) и персидского автора начала XV в. Шарифа Джорджани. Из них оригинальными можно признать только три — Ал-Бируни, ад-Димашки и Казвини, поскольку Йакут и Абу-ль-Фида прямо ссылались на свидетельство ал-Бируни, а Джорджани комментировал географическое сочинение персидского ученого XIII в. Насира ад-Дина (1201–1274), используя также сведения ученика Насира ад-Дина, Кутбуддина аш-Ширази (1236–1311).

Описывая океан, омывающий с запада Европу, ал-Бируни упоминал и «большой залив» этого «окружающего моря», расположенный к северу от «земли саклабов» (славян): «Море, которое на западе обитаемой земли, на берегах которого области Танджа (Танжер) и ал-Андалус (Испания), называется морем окружающим, а греки назвали его Океанос; в него не углубляются (на судах), а проходят только поблизости от берега. Оно простирается от этих стран к северу параллельно с землей саклабов, от него отделяется большой залив на севере у саклабов и простирается близко к земле болгар, страны мусульман; они знают его как море варанков (варягов), а это народ на его берегу»⁵⁰.

Обращает внимание, что в знаменитом сочинении арабского географа и путешественника XII в. ал-Идриси (1100–1165/66) не указано названия

⁵⁰ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 4. — Москва; Ленинград, 1957. — С. 248.

Балтийского моря, хотя на карте соответствующего региона размещено много названий стран и городов, лежащих вдоль его берегов⁵¹. Фундаментальный труд Идриси «Развлечение тоскующего по странствиям по областям» (или «Книга Рожера»), включавший в себя 70 карт известной тогда части мира и комментарии к ним, был завершен в 1154 г. на Сицилии. Он был основан на личных наблюдениях автора, на сообщениях купцов, моряков, паломников и агентов сицилийского короля Рожера II, у которого Идриси служил советником. Таким образом, живший среди сицилийских норманнов, побывавший в странах Западной Европы (Португалии, Франции, Англии) и хорошо информированный Идриси не только не называл Балтику Варяжским морем, но и вообще не знал названия этого моря. В то время как в весьма удаленном от Балтики среднеазиатском регионе оно было известно еще в первой трети XI в., да еще в варианте, неизвестном в других географических традициях.

Следующее упоминание Варяжского моря и варягов принадлежит арабскому писателю, ученому и путешественнику конца XII — первой трети XIII в. Йакуту ар-Руми (или, иначе, Йакуту ал-Хамави), греку по происхождению. Отрывки из его обширного географического словаря «Алфавитный перечень стран» (1224) впервые были введены в научный оборот российскими востоковедами Х.Д. Френем (1823) и О. Сенковским (1838)⁵². В своем сообщении о море, омывающем с севера «страну славян», Йакут прямо ссылался на ал-Бируни: «Что касается до положения морей в обитаемой части мира, то описание оных, найденное мною у Бируни, есть самое лучшее: «Море, — говорит он, — которое на западе обитаемой земли омывает берега Тандши и Андалузии..., называется Всеокружающим морем. Древние греки называли оно Океаном. <...> От сих стран сие великое море распространяется к северу, к стране славян, и выходит из него на севере славян большой канал, проходящий к стране мхамеданских болгар. Он-то называется именем моря Варенгского. Это есть название народа, живущего у берегов онога»⁵³.

Еще одно сообщение о «море Варанк» принадлежит арабскому космографу и географу ад-Димашки. В своем труде, получившем в научной литературе название «Космография» (ок. 1300 г.), он писал, что «Окружающий

⁵¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой. — Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. — С. 181.

⁵² Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. — С. 331.

⁵³ Венелин Ю.И. Известия о Варягах Арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1870. Кн. 4. — Москва, 1871. Разд. 5. — С. 4. (Статья написана в 1830-х гг.)

океан» от Испании простирается к устью узкого, но длинного пролива. «Здесь находится великий залив, который называется морем Варанк... Варанки же есть непонятно говорящий народ и не понимающий ни слова, если им говорят другие... Они суть славяне славян»⁵⁴.

Еще одно свидетельство о Варяжском море оставил сирийский ученый XIV в. Абу-ль-Фида в своем компилятивном географическом трактате «Упорядочение стран» (1321–1331)⁵⁵. Как отмечают современные исследователи, Абу-ль-Фида в своем описании Балтийского моря опирался исключительно на данные ал-Бируни, о чем он и заявлял в своем труде: «Рассказ о море Варанков. Я [нигде] не нахожу упоминаний об этом море, кроме как в сочинениях Абн ар-Райхана ал-Бируни и в книге ан-Насира, и я придерживаюсь мнения, высказанного ал-Бируни. Он говорит, что море Варанков отделяется от Окружающего моря на севере и простирается в южном направлении, его длина и ширина значительные. Варанки — это народ [живущий] на его побережье»⁵⁶.

Персидский историк и географ XIV в. Хамдаллах Казвини в своем географическом сочинении «Услада сердец» (около 1340 г.) в главе о морях говорит: «Шестой морской рукав есть море Галатское, иначе называемое Варяжским. На восток от онога находятся земли Блид, Бдрия, Буде и часть варягов, на юг равнины Хард; на западе земля Франков и народа кастильского и другие, на севере Океан»⁵⁷. Расположенный к востоку от Испании и Франции морской залив Океана — Галатское, или Варяжское море — это явно Балтика.

Наконец, средневековый комментатор персидского ученого-энциклопедиста Насир ад-Дина Шариф Джорджани (ок. 1409 г.) сообщает то же самое: «Сие море, называемое Варанк, есть рукав (залив) Западного океана, который от северных берегов Испании входит посреди обитаемых стран, простираясь на север Славянской земли, и прошед... мимо стран варягов... обитаемых высокорослым и воинственным народом, простирается среди непроходимых гор и необитаемых земель до пределов Китая»⁵⁸.

⁵⁴ Венелин Ю.И. Известия о Варягах Арабских писателей... — С. 10.

⁵⁵ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. — С. 389.

⁵⁶ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. — Москва: Восточная литература, 2009. — С. 111, 134.

⁵⁷ Венелин Ю.И. Известия о Варягах Арабских писателей... — С. 9.

⁵⁸ Венелин Ю.И. Известия о Варягах Арабских писателей... — С. 8. Как указывал первый публикатор этого текста А.Д. Френ, сведения о варягах как «выскорослом и воинственном народе» Джорджани заимствовал не у ал-Бируни, а у Ширази. (Кутбуддин аш-Ширази (1236–1311) — персидский ученый-энциклопедист, ученик Насира ад-Дина).

Вызывает удивление сам факт столь раннего знакомства персидских и арабских авторов с названием Варяжское море. К тому же эти свидетельства уникальны: кроме арабской и русской географических традиций такое название Балтики в средние века нигде больше не встречается. Парадоксально, что у западных соседей славян — прежде всего, проживавших на Балтике немцев и скандинавов, — название Варяжское море неизвестно (хотя немецкие хронисты XI–XII вв., прежде всего, Адам Бременский, уделяли вопросу о названиях Балтики самое пристальное внимание). Но зато оно известно у среднеазиатских, персидских и арабских географов, не только не имевших непосредственных контактов с Балтийским морем, но живших на значительном удалении от него. И, несмотря на отдаленность, оставивших самые ранние сообщения о нем, как Варяжском. Факт этот до сих пор не получил объяснения, поскольку исследователи полагали, что на арабском Востоке оно стало известно благодаря контактам с русскими купцами. Однако, как мы выяснили, в ориентированных на балтийскую торговлю регионах Руси — Новгороде и подвинских областях — такое название Балтики, как Варяжское море, вообще не употреблялось. Обращает внимание и тот факт, что сообщения восточных авторов хронологически предшествуют русским. Если первые русские известия о Варяжском море относятся к первой половине XIV в., то восточные укладываются в хронологический отрезок первой трети XI — начала XV в. Эти вызывающие недоумение факты не только не становились предметом специального рассмотрения, но исследователи предпочитали не акцентировать на них внимания⁵⁹.

⁵⁹ Так, например, крупнейший российский и советский арабист, академик И.Ю. Крачковский в своем специальном труде об арабской географической литературе средних веков привел лишь одно свидетельство ал-Бируни, обойдя полным молчанием сообщения о варягах и Варяжском море других арабоязычных писателей. Трудно объяснить эту странность иначе, как норманистскими убеждениями автора, который приписывал ал-Бируни знакомство со «скандинавскими варягами», которых тот называл «не только обычным термином рус, но даже варанк» (Крачковский, 1957. С. 251). В то время как неизвестно ни одного текста, где бы восточные авторы ставили знак равенства между русью и варягами. Крачковский предпочел умолчать о тех сообщениях XIII–XV вв., которые не вписывались в его представления о варягах как скандинавах. Хотя эти свидетельства были приведены Х.Д. Френом в его изданной в Петербурге на немецком языке работе «Сообщения Ибн-Фадлана и других арабов о древних русах, вкуче с тремя дополнениями о так называемых российских племенах, варягах и Варяжском море» еще в 1823 г. (*Frähn Ch.M. Ibn-Foslan's und anderer Araber Berichte über die Russen der älterer Zeit, nebst drey Beilagen über sogenannte Russenstämme, die Warenger und Warenger-Meer*. St. Petersburg, 1823), а затем в русском переводе Ю.И. Венелиным. Аналогично и в последнем по времени издании корпуса восточных известий о Руси последовательно выпущены все сообщения восточных авторов XIII–XV вв. (Иакута, аш-Ширази, ад-Димашки, Казвини, Джорджани) о варягах и Варяжском море. (См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрес-

В то же время арабские авторы имели очень смутное и совершенно превратное представление о Балтике, полагая, что этот залив океана простирается до земли булгар на средней Волге. Это подтверждает и Абу-ль-Фида, который даже в XIV в. жаловался на отсутствие каких-либо сведений об этом море и был вынужден довольствоваться информацией трехсотлетней давности, почерпнутой из сочинения XI столетия. Притом, что арабская географическая наука в средние века находилась на весьма высоком уровне развития. Если бы название Варяжское море бытовало у славян, вряд ли этот факт ускользнул от внимания арабоязычных ученых. Славянские рабы и русские торговцы с раннего средневековья были массовым явлением на всем арабском Востоке — от Средней Азии до Багдада. Поэтому название «Варяжское море», будь оно славянским, должно было бы дойти до сведения арабоязычных ученых в гораздо большем количестве сообщений. Остается умозаключить, что информация о Балтийском-Варяжском море доходила до восточных авторов не прямо, а через посредников из исламизированных регионов на средней и нижней Волге. Ее первичным источником выступали не славяне, а сами варяги, которые в своих торговых предприятиях достигали «предела Симова». Косвенно это подтверждает ал-Бируни, который уточнял, что как «море варанков» оно известно у волжских булгар.

В таком случае, получает объяснение известный факт, почему именно Ростов (где с XI в. существовала значительная варяжская диаспора) с первых десятилетий после монгольского погрома стал оплотом татарского присутствия на Руси. Варяжская диаспора Ростова и в золотоордынский период сохраняла традиционную ориентацию на восточных партнеров по волго-балтийскому торговому пути. Собственно, ей был даже выгоден переход северо-восточных русских земель под юрисдикцию Золотой Орды, поскольку он устранял лишних посредников в волжской торговле и обеспечивал безопасность по всему волжскому пути. Хорошо известно, что стоявшая в XIV в. во главе московской администрации группировка бояр Вельяминовых (варягов по происхождению) придерживалась проордынской ориентации. Конфликт интересов привел даже к казни в 1379 г. старшего сына московского тысяцкого Василия Вельяминова — Ивана, открыто перешедшего на сторону золотоордынского хана против Москвы.

томатия. Т. III. Восточные источники. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009). Что касается ал-Бируни, то он писал именно о народе «варанк», а не «рус», опираясь, по его собственным словам, на сведения, полученные от болгарских мусульман.

Среди всех арабоязычных сообщений о названиях Балтики особую важность имеет свидетельство персидского географа Казвини о Варяжском море как Галатском. Галаты («молочные») — это греческое наименование кельтов, названных так за белизну кожи. Этот этноним был применен в Библии по отношению к малоазийским кельтам, проживавшим на территории современной Турции. Под этим греко-библейским именем — галаты — кельты стали известны во всем христианском мире, чему способствовала популярность известных «Посланий к галатам» апостола Павла. Эту библейскую традицию хорошо знали и на мусульманском Востоке. Таким образом, Галатское море означает «Кельтское море», оно же Варяжское. Такую же связку: галаты — варяги мы находим не только у персидского автора первой половины XIV в., но и в русской Палее — сочинении, представляющем собой краткое изложение библейской истории. Создание этого памятника исследователи относят к середине XIII в. На его основе возникли более поздние модификации: Историческая и Хронографическая Палея. В частности, в Краткой Хронографической Палее (самый ранний список которой датируется 40-ми гг. XV в.) варяги прямо причислены к галатам: «Разделено же бысть племя Афетово, третьего сына Ноева, 15 языкъ: 1 галати, иже суть варязи, 2 руми, иже суть грекъ, 3 армени, 4 норици, иже суть словене...»⁶⁰. Таким образом, показания персидского и русского источника относительно этнической принадлежности варягов совпадают: русская Палея отождествляла варягов с галатами, а географическое сочинение Казвини — Варяжское море с Галатским⁶¹.

Совпадают арабские и русские источники и в двух других пунктах. Арабские авторы, как и русские летописи, видят в варягах особый народ, а не наемную дружину на службе у русских князей или византийских им-

⁶⁰ *Водолазкин Е.Г.* Краткая Хронографическая Палея (текст). Выпуск 1 // ТОДРЛ. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. — С. 899.

⁶¹ К кельтам причисляли варягов и византийские историки И. Скилица (XI в.) и Г. Кедрин (XII в.). В сообщении 1056 г. Г. Кедрин делает пояснение, что «варанги по происхождению кельты, служащие по найму у греков». Та же фраза о варягах как кельтах присутствует и в латинском переводе Скилицы 1570 г.: «*Varangi Celtica natio*». (*Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 1. Санкт-Петербург, 1908. С. 322–323). Правда, опубликовавший эти сообщения российский византист В.Г. Васильевский расценивал их как вставку греческого переписчика начала XIII в., который причислил варягов к кельтам только потому, что в его время корпус варангов уже состоял из англичан — жителей Британских островов, территории обитания кельтов. (*Васильевский В.Г.* О варяго-руссах. (Ответ Д.И. Иловайскому) // Труды. Т. 1. Санкт-Петербург, 1908. С. 393–394). Однако даже если это пояснение действительно принадлежит позднему переписчику, англичане XIII в. вовсе не были кельтами. Следовательно, у автора этой вставки должны были быть другие основания для такой этнической атрибуции.

ператоров: варяги — народ, живущий на берегу моря варанков (ал-Бируни, Йакут, Абу-л-Фида); варяги — непонятно говорящий народ (ад-Димашки); варяги — высокорослый и воинственный народ (аш-Ширази, Джорджани). Их свидетельства как современников имеют больший вес, нежели гадательные предположения позднейших историков о варягах как наемной дружине, сообществе торговцев или морских пиратах. Сходятся арабские и русские источники и в определении места жительства варягов, помещая их на южном, а не на северном, берегу Балтики, по соседству со славянами. Ад-Димашки называет «северное море» не только «бахр Варанк», но и «морем варягов, славян и келабиев»⁶² и даже характеризует варягов термином «славяне славян». Данный речевой оборот в арабском языке означал первого или главного между представителями данного рода, аналогично выражению шахиншах — «царь царей» или главный кадий — «судья судей»⁶³. Для XIV в., когда жил ад-Димашки, эта характеристика действительно отвечала реалиям северо-восточной Руси, где породнившийся с русскими князьями варяжский клан Вельяминовых стоял во главе московской администрации.

Таким образом, сообщения о варягах и Варяжском — Галатском море писавших по-арабски среднеазиатских и персидских авторов XI—XV вв. позволяют говорить о варягах как особой этнической группе кельтского происхождения, проживавшей на южном берегу Балтийского моря и имевшей крупные анклавы на волго-балтийском торговом пути⁶⁴. Источником информации о названии Балтики как Варяжском море для арабоязычных авторов XI—XV вв. были не восточные славяне, у которых это название не прослеживается до XIV в., а сами варяжские купцы, посещавшие мусульманские торговые центры на Волге и Каспии.

⁶² Венелин Ю.И. Известия о Варягах Арабских писателей... — С. 14.

⁶³ Венелин Ю.И. Известия о Варягах Арабских писателей... — С. 10.

⁶⁴ О кельтской принадлежности варягов свидетельствует также их внешний облик, отраженный на русских миниатюрах. На широко известной миниатюре борисоглебского цикла «Святополк посылает варягов убить святого Бориса» изображены воины со стоящими дыбом волосами. Такие прически из заизвесткованных и стоящих дыбом волос были характерны исключительно для кельтов. Их описание встречается как у античных авторов, так и в ирландском эпосе, а изображения таких причесок — на галльских монетах. Изображения и свидетельства письменных источников см.: Федотова П.И. Кельтские корни варяжской легенды. Часть вторая // Свободная мысль. — 2021. — № 1. — С. 16–20.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы могли убедиться, системный анализ нарративных, актовых и картографических источников XII—XVIII вв. относительно исторически существовавших на Руси названий Балтийского моря привел к совершенно другим выводам, нежели те, которые делались на основе изучения одного-единственного летописного памятника — Повести временных лет. При этом достойно удивления, что в советский период, когда на официальном уровне в качестве метода научного познания провозглашалась диалектика, историки гнушались применять его к анализу исторического материала. Главными принципами диалектического метода познания выступают принцип развития (то есть рассмотрение объекта познания в его историческом развитии) и принцип целостности (всестороннего учета фактического материала). Однако в советской историографии эти принципы игнорировались, хронологическая субординация текстов систематически нарушалась, самые поздние источники выдавались за самые ранние, зато показания одного средневекового нарратива, вышедшего из-под пера великокняжеских и митрополичьих идеологов, априори принимались в качестве непреложных исторических фактов. Инерция такого подхода продолжает ощущаться и по сей день.

Если подходить к делу строго фактически, впервые название Варяжское море фиксируется в проложном Слове о проявлении крещения Руская земля святого апостола Андрея под 30 ноября в составе второй (распространенной) редакции русского Пролога первой половины XIV в. Следующим по времени документально подтвержденным случаем его употребления является вводная часть Повести временных лет в составе Лаврентьевской летописи 1377 г. Варяжское море в тексте Жития Александра Невского впервые фиксируется в списке из Псковской второй летописи (ок. 1486 г.). В Лаврентьевской летописи текст этого Жития дефектен — он обрывается на середине (из-за утраты листов). Поэтому часть текста (включая фразу о Варяжском море) в Лаврентьевском списке этого Жития отсутствует. Таким образом, первые документально подтвержденные случаи употребления названия Варяжское море в русской средневе-

ковой традиции относятся к XIV в. Учитывая далеко не полную сохранность письменных памятников средневековья, необходимо как можно полнее реконструировать их историю и филиацию текстов. Однако, как мы выяснили, варяжская историография не прослеживается в русских источниках ранее конца XIII — начала XIV в.

Но вернемся еще раз к сведениям Википедии об исторически существовавших на Руси названиях Балтийского моря: сначала Варяжском, затем Свейском, а при Петре I — Остзейском море. При этом Википедия утверждает, что современное название — Балтийское — используется с 1884 года, хотя никаких ссылок на источники информации авторы статьи не дают. Не стоит отмахиваться от размещенных в Википедии материалов, как от популярного источника, не имеющего научного значения. Именно в силу своей общедоступности эта электронная энциклопедия формирует массовые представления по тем или иным историческим вопросам. В утверждении, что Балтика называлась на Руси сначала Варяжским, а затем Свейским морем, отчетливо просматривается идеологическая тенденция — представить Балтику как исконно шведское море, что, якобы, признавали и сами русские, издревле именуя это море сначала «Варяжским», а затем «Свейским». Поскольку варягов авторы Википедии выдают за норманнов-шведов, то получается, что Балтика искони воспринималась на Руси в качестве «шведского» моря.

На самом деле ни одно из этих утверждений не соответствует действительности. Как мы могли убедиться, традиционное мнение о бытовании названия Варяжское море в древнерусском словоупотреблении еще с домонгольских времен не имеет под собой источниковой базы. Это название отсутствует в древнейшей из сохранившихся летописных традиций — новгородской, где оно появляется только в XV в. и только в заимствованиях из северо-восточных летописных и агиографических памятников. Его нет не только в нарративных, но и в актовых источниках Новгорода, не только в письменной, но и в фольклорной традиции северо-запада. Аналогичным образом не встречается название Варяжское море и в международных договорах Смоленска, Полоцка и Московского государства со своими балтийскими соседями на протяжении всего средневековья — от XIII до XVII в. включительно, вплоть до документов петровского царствования первой четверти XVIII в.

Балтика в актовых и картографических памятниках новгородского, западнорусского, севернорусского и московского происхождения называлась по преимуществу просто «море», а также Соленое море, изредка Восточное море, Котлино озеро (Финский залив в Книге Большому Чертежу),

в эпической традиции — Волынское и Вирианское/Вирийское море, а в одном документе конца XVII в. — Голыньское море. Ботнический залив именовался Каяно море, на новгородской карте середины XVII в. — подсеверная губа морская, в одном документе второй половины XVII в. — Свитцкое (Шведское) море. О киевской и галицко-волынской традиции наименования Балтики сведений нет. Домонгольские киевские летописи в своем аутентичном виде до нас не дошли; имеются лишь их поздние ростово-владимирско-тверские переделки от конца XIII—XIV вв., а отрывок галицко-волынского летописания за XIII в. в составе Ипатьевской летописи не содержит упоминаний Балтийского моря. Можно лишь с определенной долей вероятности предполагать — на основе древнерусских былин — что в южнорусской домонгольской традиции это море именовалось Волынским.

Что касается немецкого названия Остзейское море, которое якобы «укрепилось» в период правления Петра I, то это утверждение тоже не находит подтверждения в источниках. С самых первых самостоятельных шагов Петра I на ниве государственного управления в правительственных документах с 1701 года мы находим название «Балтийское море» (иногда как вариант «Балтическое море»). К концу XVIII в. это словоупотребление уже настолько утвердилось, что в одном из первых географических словарей Российского государства его составитель А.М. Щекатов в статье Балтийское море, упомянув о его древнем названии Варяжское море, писал: «Немцами называется Восточным потому, что от них лежит к востоку, по подобной же причине и Россианам Западным морем назвать его было можно; но звание Балтийского уже так вошло в употребление, что иного наименования не потребно»¹. А во Всеобщем географическом словаре князя С.П. Гагарина 1843 г. Балтика вообще не имеет никаких других обозначений, кроме Балтийского моря, с указанием этого названия также по-немецки и по-французски: *Baltische Meer, Mer Baltique*². Следовательно, современное название Балтийского моря стало употребляться в России не с 1884 г., как утверждает Википедия, а на двести лет раньше, еще с начала XVIII столетия. К концу XVIII — началу XIX в. оно уже прочно вошло в российский обиход, что и отразил первый том словаря Щекатова, вышедший в свет в 1801 г. Что касается названия Свейское море, то ни в русских средневековых источниках XII—XVII вв., ни в документах и кар-

¹ *Щекатов А.* Географический словарь Российского государства. В 7 т. — Москва, 1801. Т. 1. — Стб. 331.

² *Гагарин С.П.* Всеобщий географический и статистический словарь. Ч. 1. А—Г. — Москва, 1843. — С. 149—150. Из заливов упомянуты Финский и Рижский.

тах петровского времени его обнаружить не удалось. Таким образом, информация Википедии об исторически существовавших на Руси названиях Балтийского моря оказывается по всем пунктам ложной и является откровенной дезинформацией.

При этом факт отсутствия названия Варяжское море в письменной и устной новгородской традиции имеет основополагающее значение для истории русского летописания. Он опровергает тезис А.А. Шахматова, воспринятый последующими поколениями историков, будто бы рассказ о призвании варягов был заимствован в киевскую летопись из предшествующего новгородского летописания. Однако Новгородская первая летопись старшего извода при всем патриотизме местных летописцев на протяжении всех 337 лет (с 1016 по 1353 г.) ни разу не вспомнила, что русские князья появились в Киеве из Новгорода, и что своим появлением на Руси правившая в ней династия обязана именно Новгороду. Отсутствие названия Варяжское море в новгородских средневековых памятниках до XV в. и его присутствие в поздних редакциях ПВЛ в составе летописей Лаврентьевско-Ипатьевской группы конца XIV–XV в. свидетельствует о том, что варягофильская историография была заимствована в киевскую летопись не из новгородского летописания. А поскольку на момент составления киевского свода в начале XII в. на Руси не существовало других летописных традиций, кроме киевской и, возможно, новгородской, то и заимствовать варяжскую легенду в XII в. было неоткуда. Следовательно, варяжская историография не только не имела новгородского происхождения, но и попала в киевскую летопись не в XII веке, а позднее³.

Впервые варяжская легенда фиксируется в Новгородской Кормчей 1283/84 г. с русской редакцией краткого летописца константинопольского патриарха Никифора. Как свидетельствует запись в самой Кормчей книге, она была создана по прямому распоряжению старшего сына Александра

³ На отсутствие в раннем новгородском и первоначальном киевском летописании варяжской легенды указывают и заглавия русских летописей. Ни в одном из них нет упоминаний о варяжских князьях и их призвании в Новгород. В них говорится о русских князьях в Киеве, а не о варяжских в Новгороде: «откуда есть пошла Руская земля и кто в Киеве начал первее княжити и откуда Руская земля стала есть». Такое несоответствие заглавий первоначальному повествованию о призвании варяжских князей невозможно объяснить иначе, как поздней вставкой варяжской легенды. У большинства новгородских летописей отсутствуют начальные листы вместе с заглавиями (а в старшей НПЛ изъяты первые 128 листов). Повальное обезглавливание новгородских летописей указывает на сознательное уничтожение их первоначальных листов и заглавий, которые не соответствовали ни исходному началу киевской летописи, ни его позднейшей варяжской обработке. Более подробно о системе заглавий русских летописей см.: Федотова П.И. О заглавиях Начальной летописи: факты и фикции // Sciences of Europe. № 77. Vol. 1. Praha, 2021. С. 10–33. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-77-1-10-33.

Невского — великого владимирского и новгородского князя Дмитрия Переяславского⁴. В то же самое время и тоже по заказу Дмитрия Переяславского был создан и великокняжеский свод 1283/84 г. Тем же временем датируется и Повесть о житии и храбрости Александра Невского, предназначенная, скорее всего, для того же летописного свода (так как первые списки этого жития находятся не в Прологах, а в летописях). Одновременное создание в 1283/84 г. всех трех памятников (Кормчей, жития Александра и великокняжеского свода) по распоряжению одного и того же лица заставляет думать, что варяжская легенда, внесенная на страницы Новгородской Кормчей, была внесена также и в отредактированный текст древнекиевской летописи. Именно к этому времени и следует относить появление «древнерусского» названия «Варяжское море» — в составе владимирской редакции киевской летописи конца XIII в.

Кроме Жития Александра и владимирской переделки киевской летописи, название Варяжское море присутствует в проложной статье о благословении Руси апостолом Андреем в прологах расширенной редакции (старший список от первой половины XIV в.). Но эта статья представляет собой не самостоятельное произведение, а отредактированный текст летописного Сказания о хождении Андрея на Русь. Остальные случаи употребления названия Варяжское море в летописях XV–XVI вв. находятся в тех же самых фрагментах текста («списке народов» и легенде о хождении Андрея на Русь) из вводной части Начальной летописи, что и в летописях Лаврентьевско-Ипатьевской группы. Что, безусловно, предполагает общий источник, каковым может выступать только их ближайшее звено — летописи северо-восточного происхождения конца XIII — начала XIV в. Следовательно, название Варяжское море имеет не киевское, а владимирское (или, возможно, ростово-владимирское) происхождение и впервые фиксируется в текстах от XIV–XV вв. И вот эта поздняя маргинальная традиция, идущая из северо-восточной Руси и совершенно не характерная для остальных русских земель, усилиями многих поколений ученых-историков была возведена в ранг «общерусской» и «древнейшей».

Но кому же она принадлежала? Несмотря на широкую известность Киево-Печерского Патерика и его знаменитого Сказания о создании Печерской церкви, в котором излагается история появления на Руси варяжского князя Шимона (Симона) «со всем домом своим» в три тысячи чело-

⁴ О первоначальном варианте варяжской легенды в составе отредактированного «Летописца вскоре» патриарха Никифора в Кормчих книгах см: Федотова П.И. У истоков варяжской историографии: кто и когда внедрил варяжский фальсификат в русские летописи? // Свободная мысль. — 2020. — № 3. — С. 117–136.

век, историки продолжают не замечать наличия в Ростове (где обосновался этот варяжский клан) крупной варяжской диаспоры. Известно, что сын Шимона — Георгий Шимонович был воспитателем сына Владимира Мономаха Юрия Долгорукого и занимал пост ростовского тысяцкого. На протяжении последующих 150 лет (со второй половины XII до конца XIII в.) судьба этого рода не отражена в источниках и остается неизвестной. Однако в конце XIII — начале XIV в. этот варяжский род под именем бояр Вельяминовых вновь выходит на арену истории, на этот раз в Москве, где на протяжении XIV в. его представители занимали ведущие посты в государственном аппарате Московского государства. Бояре Вельяминовы — единственный русский боярский род варяжского происхождения (в своих генеалогиях Вельяминовы возводили свое родословие к князю Симону Варяжскому). Его представителями были московские тысяцкие, воеводы, окольные и бояре XIV в. Так, должность тысяцкого при Иване Даниловиче Калите (1325–1340) занимал Протасий Федорович Вельяминов, при старшем сыне Калиты — Симеоне Гордом (1340–1353) — сын Протасия Василий Протасьевич Вельяминов. При следующем сыне Калиты — Иване Красном (1353–1359) тысяцким стал сын Василия Протасьевича — Василий Васильевич, сохранявший этот пост и при Дмитрии Московском (1359–1389), вплоть до своей смерти в 1374 г.⁵

Есть основания полагать, что и некоторые из великих московских княгинь тоже принадлежали к этому варяжскому роду. По крайней мере, великая княгиня Александра, вторая жена великого московского князя Ивана Красного и мать Дмитрия Донского, скорее всего, была дочерью тысяцкого Василия Протасьевича Вельяминова⁶. Ее брат, Василий Васильевич Вельяминов, родной дядя Дмитрия, занимал пост московского тысяцкого (то есть был вторым лицом в администрации княжества), а его младший брат — Тимофей Васильевич Вельяминов — имел чин околь-

⁵ Молчанов А.А. Тысячелетние корни славного русского рода: ростово-суздальские и московские тысяцкие // Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. — Москва: Территория, 2009. — С. 260–261.

⁶ Это родство устанавливается на основе «Жалованной тарханной и оброчной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича новоторжцу Евсевке, переселяющемуся в Кострому», в которой говорится об освобождении Евсевки от всех налогов, кроме оброка в 5 кунци в год. «А приказал есмь сего блости дяде моему Василью тысяцкому. А через сю грамоту, кто что на нем возмет, быти от меня в казни» (Дополнения к Актам историческим, изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. С. 9. № 8). Публикаторы датируют этот документ в хронологических рамках 1363–1374 гг.; Л.В. Черепнин уточняет датировку до 1372–1374 гг. (Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М.: Изд. АН СССР, 1951. С. 117). Таким образом, занимавший в тот момент должность тысяцкого Василий Васильевич Вельяминов недвусмысленно назван в этой грамоте дядей московского князя Дмитрия.

ничего. В период малолетства Дмитрия (с 1359 по 1366 г.) В.В. Вельяминов вместе с митрополитом Алексием фактически управляли государством. Сыновья Василия Иван и Николай (Микула) Вельяминовы приходились двоюродными братьями московскому князю Дмитрию Ивановичу. С Иваном отношения у Дмитрия не сложились, а вот Николай Васильевич был воеводой в Коломне, одном из ключевых городов Московского княжества. К тому же Николай был женат на суздальско-нижегородской княжне Марии — старшей сестре жены Дмитрия Донского Евдокии. Таким образом, Дмитрий Московский и Николай Вельяминов состояли в двойном родстве — не только по крови, но и по браку, приходясь друг другу еще и свояками. К тому же и сами сестры-княжны Мария и Евдокия находились в родстве с Дмитрием Московским. Если Дмитрий был внуком Ивана Калиты (сыном его среднего сына Ивана), то его супруга Евдокия приходилась Калите правнучкой (внучкой старшей дочери Калиты — Марии)⁷. Стало быть, со стороны отца Евдокия приходилась Дмитрию двоюродной племянницей.

Возможен и другой вариант родства великих московских князей с варяжским родом Вельяминовых. Существует предположение, что первой женой Ивана Калиты была Елена Протасьевна — дочь тысяцкого Протасия Федоровича Вельяминова⁸. В таком случае варяжского рода была не только мать, но и бабка Дмитрия Донского по отцовской линии. Но тогда и жена Дмитрия Евдокия не была чужой клану Вельяминовых:

⁷ Старшая дочь Ивана Калиты от великой княгини Елены — Мария в 1328 г. была выдана замуж за князя Константина Васильевича Ростовского. Их дочь, внучка Ивана Калиты Василисса стала женой князя Дмитрия Константиновича Суздальского и матерью Евдокии Дмитриевны, супруги Дмитрия Донского. (Кюнцель В.В. Первые великие княгини московские // Дворянское собрание. 1998. № 9. С. 78).

⁸ Данное предположение опирается на два документа. Во-первых, на духовную грамоту великого князя Семена Ивановича (составленную незадолго до смерти Симеона Гордого в 1353 г.), в которой упомянут «дядя Василий»: «Даю рядь своеи княгине. Велель есмь у нее быти моему дяде Василью». (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. № 3. С. 13). Л.В. Черепнин предположил, что этим «дядей Василием» является «Василий тысяцкий», упомянутый ранее в договоре Симеона Гордого со своими младшими братьями Иваном и Андреем (1350–1351). (Докончание великого князя Семена Ивановича с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем // ДДГ, 1950. № 2. С. 13). Правда, Черепнин полагал, что этим дядей Василием тысяцким являлся Василий Васильевич Вельяминов (Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948. С. 25–27). Однако в силу возраста и родственной связи указанных лиц таким мог быть только Василий Протасьевич Вельяминов, а не его сын Василий Васильевич. В таком случае, дядей Василии Протасьевич мог приходиться Симеону только по матери его Елене, так как у отца Симеона, Ивана Калиты, не было братьев с именем Василий. (Более подробно см.: Абузов С.Н. К вопросу о «дяде Василии» духовной грамоты Семёна Гордого // Вестник Калмыцкого ун-та. Элиста, 2017. Вып. 3 (37). С. 6–11).

она имела варяжскую прабабку — Елену Протасьевну, родную сестру тысяцкого Василия Протасьевича Вельяминова, внучатого дяди Дмитрия.

Вдова В.В. Вельяминова — Мария в 1389 г. стала крестной княжича Константина, младшего сына Дмитрия Донского. А князь Петр Дмитриевский (пятый сын Дмитрия Донского) был женат на внучке В.В. Вельяминова Евпраксии. И хотя в дальнейшем судьба различных ветвей Вельяминовых сложилась по-разному, некоторые из них сохраняли высокое положение при дворе московских государей и в XV–XVI вв.⁹ Продолжалась и практика брачных союзов московских князей с представительницами рода Вельяминовых. Так, великий московский князь Василий II был женат на правнучке московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, внучке его дочери Марии. Его сын, Иван III приходился праправнуком московскому тысяцкому и правнуком его дочери. При этом прабабка Ивана III, Мария Васильевна Вельяминова, стала женой Федора Голтяя (Кошкина-Кобылина), родного брата Ивана Кошки — родоначальника царской династии Романовых. Таким образом, в свойстве с варяжским родом Вельяминовых состояли и будущие Романовы¹⁰. Уже само по себе столь тесное родство и свойство с кланом Вельяминовых располагало к защите варяжских интересов, тем более, что московские князья были, как выясняется, по женской линии наполовину варягами. И хотя история варяжского боярского рода Вельяминовых отражена во многих публикациях, историки продолжают делать вид, что столь плотное варяжское окружение московских князей, связанных с этим окружением узами родства и свойства, никак не влияло на историческую идеологию Московского государства¹¹.

⁹ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — Москва: Наука, 1969. — С. 211–229; *Молчанов А.А.* Тысячелетние корни славного русского рода... — С. 261–262.

¹⁰ Вельяминов Г.М. Тысяча лет на службе России (Вельяминовы). — Москва: Старая Басманная, 2013. — С. 89–90.

¹¹ Дискуссионность происхождения жен московских князей не отменяет факта особо привилегированного положения боярского рода Вельяминовых среди московской знати XIV в. Более того, объяснить это высокое положение Вельяминовых можно только родством с великокняжеской семьей, поскольку nepotизм (раздача наиболее престижных должностей родственникам) был «обычным правом» всех феодальных государств. Влияние варяжского клана в Московском княжестве не ограничивалось светской администрацией. И ряд известных церковных деятелей XIV–XV вв. (Сергий Радонежский, его брат Стефан Махрицкий, племянник Сергия Федор Симоновский) были тесно связаны с кланом Вельяминовых. В частности, Стефан был духовником тысяцкого В.В. Вельяминова и его брата Федора, а также великого князя Симеона Гордого (*Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1992. С. 40). А основоположник Кирилло-Белозерского монастыря Кирилл Белозерский был родственником Вельяминовых и воспитывался

Родственные связи ростово-суздальских варягов с северо-восточными русскими князьями проясняют появление варягофильской историографии¹². Очевидно, что вымышленная варяжская генеалогия «от Рюрика» предназначалась для обоснования прав варяжской администрации на власть в русских землях. Следует только отметить, что отнюдь не одни варяги сочиняли подобного рода националистические мифы в качестве историко-династического обоснования своей власти над русскими землями. От них не отставали поляки, которые провозгласили прародителя русских Руса сначала младшим братом «первороденного» Леха (*primogenius Lech*), а затем одним из потомков прародителя поляков Леха (*uno nepotum Lech*)¹³. Тем самым поляки объявлялись родоначальниками всего русского народа, а не одной лишь правящей династии. По юридическим понятиям средних веков такая генеалогическая субординация означала отношения соподчинения младших старшим по происхождению. Эта мифическая ге-

в доме Тимофея Васильевича Вельяминова. Однако «варяжская Москва» — отдельная тема, выходящая за рамки настоящего исследования. Здесь важно лишь подчеркнуть, что источником «варяжского акцента» в русском летописании был не словенский Новгород и не русский Киев XI–XII вв., а варяжская Москва XIV–XV вв., ставшая оплотом бывшего ростово-суздальского варяжского этноклана.

¹² Российский историк В.А. Кучкин на основании свидетельства родословных книг о выезде в Москву из Владимира вместе с князем Даниилом Александровичем одного из представителей рода Вельяминовых приходил к выводу, что род Вельяминовых происходил из владимирских бояр, связанных службой с владимирскими князьями, прежде всего, Александром Невским. См.: *Кучкин В.А.* Вельяминовы на службе у московских князей в XIV — начале XV вв. // *Кулешов А.С.* Аксаковы. История разбитых судеб. — Москва: Территория, 2009. — С. 284–285. Владимирское происхождение Вельяминовых как нельзя лучше согласуется с владимирским происхождением варягофильской историографии, которая впервые фиксируется при великом владимирском князе Дмитрии Александровиче, старшем сыне Александра Невского. Однако следы этой историографии ведут в Ростов, поскольку краткий русский летописец в составе Кормчих книг с первоначальной версией варяжской легенды имеет явно ростовское происхождение. Подробнее см.: *Федотова П.И.* У истоков варяжской историографии: кто и когда внедрил варяжский фальсификат в русские летописи? // *Свободная мысль.* 2020. № 3. С. 117–136.

¹³ Мифологическое родословие трех братьев-родоначальников славянских народов: старшего Леха, второго Руса и третьего Чеха впервые изложено в Великопольской хронике («Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: Перевод и комментарии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 52). Автором другой версии был Ян Длугош (*Длугош Я.* *Анналы или хроники славного королевства Польши* // *Шавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. (Кн. I–VI): Текст, перевод, комментарий. М.: Памятники исторической мысли. 2004. С. 72, 218). Как отмечал редактор издания текста Хроники Я. Длугоша А.В. Назаренко, лат. *peros* может значить как «внук», так и «племянник» или просто «потомок». Вслед за польскими переводчиками *Анналов Длугоша* российские коллеги предпочли более неопределенное «потомок», поскольку Длугош не указывает четкой родственной связи Руса и Леха (*Шавелева, 2004. С. 370*). См. также: *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. — Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. — С. 59–60.

неалогия была вовсе не «легендой», записанной из уст народа любознательным летописцем, а сознательной фальсификацией в политических целях. Ее задачей было обосновать права поляков на господство в русских землях, которые к XV в., после Кревской унии 1385 г., вместе с Литвой вошли в состав Польши. Автором полоцентричной концепции истории Руси был польский хронист второй половины XV в. Ян Длугош. Как подчеркивают современные российские исследователи, эта концепция отражала интересы польских правящих элит и была нацелена на обоснование польской власти над Русью. Через племя полян, которое Длугош причислял к польским, он связывал происхождение Руси с Польшей¹⁴.

В XVII в. эстафету варягов и поляков подхватили шведы. После событий Смутного времени и неудачной попытки шведской короны занять русский трон шведские идеологи создали свой националистический миф, отождествив летописных варягов со шведами. Русской династии (и русской цивилизации) было приписано теперь уже не варяжское и не польское, а шведское происхождение.

Таким образом, в варяжском националистическом мифе о происхождении правившей на Руси династии от варяжских князей нет ничего необычного. Это стандартная для средневековья историко-идеологическая схема всех иноплеменных претендентов на политическое господство в русских землях. Необычно другое. Если созданная в XV в. полоцентричная концепция истории Руси остается малоизвестной и в современных научных кругах оценивается в качестве польского националистического мифа, то аналогичная варягоцентричная историческая конструкция конца XIII в., к тому же еще в шведской обработке XVII в., не только благополучно дожила до наших дней, но до сих пор усиленно насаждается в отечественной историографии как единственно научная¹⁵.

Из рассмотренного материала следует, что гидроним Варяжское море был не древнерусским, а варяжским названием Балтики. Проводником этого названия в русское летописание являлся ростово-суздальский (а затем владими́ро-суздальский) варяжский клан, ведущий свое происхождение от бежавшего на Русь князя Симона Варяжского. В конце XIII—XIV вв., благодаря родственным связям с северо-восточными князьями,

этот варяжский род распространил свое влияние на весь северо-восток Руси. Усилиями влиятельного варяжского лобби название Варяжское море в конце XIII в. было включено в ростово-владимирские переработки древнекиевской летописи, а затем стараниями Москвы разошлось по всему русскому летописанию XV—XVII вв.

¹⁴ Карнаухов Д. В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. — Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. — С. 60–61.

¹⁵ Об этом двойном фальсификате, находящемся в полном противоречии с источниковой и археологической базой, см.: Федотова П. И. Тысячелетняя фальшивка // Свободная мысль. — 2017. — № 3. — С. 75–88; Федотова П. И. Проблема возникновения Новгорода и варяжская легенда // Свободная мысль. — 2017. — № 1. — С. 31–48.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. *Адам Бременский*. Деяния архиепископов гамбургской церкви // Славянские хроники. — Москва: СПСЛ; Русская панорама, 2011. — С. 7–150.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. 1598–1613. — Санкт-Петербург, 1841.
3. Атлас, изданный ко всеобщему землеописанию для народных училищ Российской империи. Ч. 1. Европа. — Санкт-Петербург, 1790.
4. Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт. Имп. Академия наук, 1745.
5. Атлас Российской империи, состоящий из 45 карт. — Санкт-Петербург, 1792.
6. Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг. — Санкт-Петербург: Ипм. Академия наук, 1737.
7. Афанасий, архиеп. Холмогорский. Описание трех путей из России в Швецию // Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. — Санкт-Петербург, 1908. — С. 656–665.
8. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях / пер. с лат. В.Л. Панина; сост.: Л.М. Попова, Н.И. Щавелева; отв. ред. В.Л. Янин. — Москва: Изд-во МГУ, 1987.
9. Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. — Москва: Рукописные памятники древней Руси, 2009. — С. 1–146.
10. *Водолазкин Е.Г.* Краткая Хронографическая Палея (текст). Вып. 1 // ТОДРЛ. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, Т. 57. 2006.
11. Воскресенская летопись // ПСРЛ. — Москва: Языки русской культуры, Т. 7. 2001.
12. *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских / под ред. В.Д. Королюка. — Москва: Изд-во АН СССР, 1961.
13. *Гельмольд из Босау*. Славянская хроника // Славянские хроники. — Москва: СПСЛ; Русская панорама, 2011. — С. 151–304.
14. Генеральная карта Российской империи. По новейшим наблюдениям и известиям сочиненная И. Трескотом и Я. Шмитом; вырез. К. Фролов, Е. Худяков и Л. Сергеев. — Санкт-Петербург, 1776.
15. *Герберштейн С.* Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; вступительная статья А.Л. Хорошкевич; под ред. В.Л. Янина. — Москва: Изд-во МГУ, 1988.
16. *Гилларов Ф.* Предания русской Начальной летописи (по 969 год). Приложения. — Москва, 1878.
17. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. — Москва; Ленинград, 1949.
18. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. — Санкт-Петербург, 1846.
19. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. — Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009.
20. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950.
21. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. — Москва: Языки славянской культуры, 2004.
22. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. — Москва: Языки русской культуры, 1998.
23. Кирилов И.К. Атлас Всероссийской империи: [Фотокопия]. — Ленинград: Институт истории естествознания и техники АН СССР, 1959.
24. Книга Большому чертежу / подг. к печати К.Н. Сербиной. — Москва; Ленинград: Изд. АН СССР, 1950.
25. Книга розмерная градусных карт Ость зее или Варяжского моря напечатана повелением Царского Величества. В Санктъпитербурге, 1718.
26. *Козьма Пражский*. Чешская хроника / вступ. ст., пер. и комм. Г.Э. Санчука. — Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
27. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. — Москва: Восточная литература, 2009.

28. *Кордт В.А.* Материалы по истории русской картографии. Вып. I. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. — Киев, 1899.
29. *Кордт В.А.* Материалы по истории русской картографии. Вторая серия. Вып. I. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. — Киев, 1906.
30. *Кордт В.А.* Материалы по истории русской картографии. Вып. II. Карты всей России и западных ее областей до конца XVII в. — Киев, 1910.
31. *Кордт В.* Матеріяли до історії картографії Украпны. Ч. I. — Київ, 1931.
32. Краткое руководство к Географии в пользу учащегося при гимназии юношества. — Санкт-Петербург, 1842.
33. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. — Москва : Изд-во АН СССР, 1962.
34. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. — Москва : Языки русской культуры, 1997.
35. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. — Москва : Языки славянских культур, 2005.
36. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное сказание монголов. — Рязань : Александрия, 2009.
37. Мирный договор между Швециею и Россиею, заключенный в Тязвине / пер. А. Чумикова // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. — Москва, 1868. Кн. 2.
38. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. — Москва : Языки славянской культуры, 2004.
39. *Нагаев А.И.* Атлас всего Балтийского моря с Финскимъ и Ботническимъ заливами, съ шкагеръ-ракомъ, категатомъ, зундом и белтами, въ генеральныхъ морскихъ и специальныхъ картахъ состоящий. [СПб.] Тип. морского шляхетного кадетского корпуса, 1757.
40. *Нагаев А.* Лоция или Морской путеводитель. В 3 ч. Ч. 1—3. [СПб.] Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1789—1790.
41. Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 9. — Москва : Языки русской культуры, 2000.
42. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. — Москва : Языки славянской культуры, 2004.
43. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. — Москва : Языки русской культуры, 2000.
44. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. — Москва : Языки русской культуры, 2000.

45. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. 1-я половина // Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. 3. — Санкт-Петербург, 1868.
46. Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины. 2-я половина. — Москва, 1851.
47. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 1. — Москва, 1861.
48. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 2. — Москва, 1862.
49. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 3. — Петрозаводск, 1864.
50. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 4. — Санкт-Петербург, 1867.
51. Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра (первой редакции) // Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». — Москва ; Ленинград : Наука, 1965. С. 159—180.
52. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. — Санкт-Петербург, 1830.
53. Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. — Санкт-Петербург, 1830.
54. Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. — Санкт-Петербург, 1830.
55. Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. — Санкт-Петербург, 1830.
56. Полное собрание законов Российской империи. Т. 7. — Санкт-Петербург, 1830.
57. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI века. Т. 1. — Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2015.
58. Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. — Москва : Языки славянской культуры, 2003.
59. Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. — Москва : Языки русской культуры, 2000.
60. Рифмованная чешская хроника так называемого Далимила. Сетевая версия. Пер. с чешск.: А. Игнатъев, 2021 // Сайт Восточная литература. — URL: <https://vostlit.info/Texts/rus17/Dalimil/text1.htm> (дата обращения: 27.12.2021).
61. Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. 15. — Москва : Языки русской культуры, 2000.
62. Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1960.
63. Сборник Кириши Данилова. — Санкт-Петербург, 1901.

64. Светильник морской. То есть описание Восточного или Варяжского моря. — Санкт-Петербург, 1738.
65. Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подг. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин; под ред. чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. — Москва : Изд-во АН СССР, 1963.
66. Собрание государственных договоров и грамот. В 5 ч. Ч. 5. — Москва, 1894.
67. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. — Москва : Языки русской культуры, 2000.
68. *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (кн. I–VI): Текст, перевод, комментарий. — Москва : Памятники исторической мысли, 2004.
69. *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. — Москва : Наука, 1990.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абуков С.Н.* К вопросу о «дяде Василии» духовной грамоты Семёна Гордого // Вестник Калмыцкого ун-та. Элиста. — 2017. — Вып. 3 (37). — С. 6–11.
2. *Барсов Н.П.* Материалы для историко-географического словаря России. Т. 1. Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). — Вильна, 1865.
3. *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи. — Москва : Кучково поле, 2012.
4. *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». — Москва ; Ленинград : Наука, 1965.
5. *Беляев И.Д.* О географических сведениях в древней России // Записки Русского Географического Общества. Кн. VI. — Санкт-Петербург, 1852. — С. 1–264.
6. Большая Российская энциклопедия. В 35 т. Т. 2: Анкилоз–Банка. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 2005.
7. Большая Советская энциклопедия. 1-е изд. В 65 т. Т. 4: Атоллы–Барщина. — Москва : Советская энциклопедия, 1926.
8. Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. В 50 т. Т. 4: Б–Березко. — Москва : Большая советская энциклопедия, 1950.
9. Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. В 30 т. Т. 2: Ангола–Барзас. — Москва : Советская энциклопедия, 1970.
10. *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 1. — Санкт-Петербург, 1908. — С. 177–377.
11. *Васильевский В.Г.* О варяго-руссах. (Ответ Д.И. Иловайскому) // *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 1. — Санкт-Петербург, 1908. — С. 378–400.
12. *Вельяминов Г.М.* Тысяча лет на службе России (Вельяминовы). — Москва : Старая Басманная, 2013.

13. *Венелин Ю.И.* Известия о Варягах Арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1870. Кн. 4. — Москва, 1871. — С. 1–18.
14. *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. — Санкт-Петербург, 1908.
15. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — Москва : Наука, 1969.
16. *Вилинбахов В.Б.* Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии // Русский фольклор. — Ленинград : Наука, 1971. — С. 226–229.
17. *Вилинбахов В.Б., Энгватов Н.Б.* Где была Индия русских былин? // Славянский фольклор и историческая действительность. — Москва : Наука, 1965. — С. 99–108.
18. *Вольтер Э.А.* Что такое Линданиса? — Санкт-Петербург, 1901.
19. *Гагарин С.П.* Всеобщий географический и статистический словарь. Ч. 1. А–Г. — Москва, 1843.
20. Географический энциклопедический словарь. Географические названия / гл. ред. А.Ф. Трешников. — Москва : Советская энциклопедия, 1986.
21. *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века / под ред. А.И. Андреева. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1946.
22. *Голубцов И.А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. Вып. XX. — Москва, 1950. — С. 271–302.
23. *Дмитриев Л.А.* Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского // Археографический Ежегодник за 1958 год. — Москва, 1960. — С. 335–349.
24. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой. — Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013.
25. *Жуковская Л.П.* Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские списки) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады сов. делегации. — Москва : Наука, 1983. — С. 110–120.

26. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 12 т. Т. 1 / под ред. А.Н. Сахарова. — Москва : Наука, 1989.
27. *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. — Новосибирск : Изд. НГПУ, 2010.
28. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. — Москва : Мысль, 1997.
29. *Красникова О.А.* Карта северного берега России 1612 г. Исаака Массы и Книга Большому Чертежу // Наука из первых рук. — 2010. — № 1. — С. 74–85.
30. *Красникова О.А.* Русские печатные карты XVIII в. в фонде Сектора картографии Отдела фондов и обслуживания БАН // Петербургская библиотечная школа. — 2019. — № 3 (68). — С. 94–111.
31. [Крафт Г.В.] Краткое руководство к математической и натуральной географии с употреблением земного глобуса и ландкарт, сочинено в пользу российского юношества и переведено с немецкого языка. — Санкт-Петербург, 1739.
32. *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 4. — Москва ; Ленинград, 1957.
33. *Кудрявцев О.Ф.* Карта Московской Руси Антона Вида и Ивана Ляцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2017. — № 2. — С. 40–57.
34. *Кусов В.С.* История познания земель российских: Кн. для учителя. — Москва : Просвещение, 2002.
35. *Кусов В.С.* Московское государство XVI — начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей. — Москва : Русский Мирь, 2007.
36. *Кучкин В.А.* Вельяминовы на службе у московских князей в XIV — начале XV вв. // Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. — Москва : Территория, 2009. — С. 269–306.
37. *Кюнтцель В.В.* Первые великие княгини московские // Дворянское собрание. — 1998. — № 9. — С. 69–89.
38. *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
39. *Лурье Я.С.* Лаврентьевская летопись — свод начала XIV века // ТОДРЛ. — Ленинград : Наука, 1974. Т. 29. — С. 50–67.
40. *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. — Москва, 1909.

41. *Мальшевский И.И.* Сказание о посещении Русской страны св. апостолом Андреем // Владимирский сборник. В память девятистолетия крещения России. — Киев, 1888. — С. 1–51.
42. *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и тексты. — Санкт-Петербург, 1913.
43. *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. Былевой эпос. — Москва : Академический проект ; Гаудеамус, 2013.
44. *Миллюков П.Н.* Что такое «море Виряньское» и город «Леденец»? // Юбилейный сборник в честь Вс.Ф. Миллера. — Москва, 1900. — С. 314–315.
45. *Молчанов А.А.* Тысячелетние корни славного русского рода: ростово-суздальские и московские тысяцкие // Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. — Москва : Территория, 2009. — С. 253–268.
46. *Насонов А.Н.* Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. // Известия Академии наук СССР. Отд. гум. наук. Л. — 1930. — № 9. — С. 709–738; № 10. — С. 739–773.
47. *Никитин А.Л.* Путь «из варяг в греки» и легенда об апостоле Андрее // *Никитин А.Л.* Основания русской истории. Мифологемы и факты. — Москва : АГРАФ, 2001. — С. 116–147.
48. *Огородников Е.К.* Мурманский и Терский берега по Книге Большого Чертежа. — Санкт-Петербург, 1869.
49. *Осинов И.А.* Антоний Дженкинсон и карта России 1562 г. — Сыктывкар, 2008.
50. Петербург—Ленинград. Историко-географический атлас. — Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1957.
51. Петербургская градостроительная графика XVII—XXI вв.: планы, схемы, карты, диаграммы, рисунки, статистика. — Санкт-Петербург, 2012.
52. *Полевой Б.П.* Новое о «Большом чертеже» // Известия Академии наук. Сер. геогр. — 1967. — № 6. — С. 121–130.
53. *Полевой Б.П.* О роли Отделения этнографии Русского географического общества в изучении «Книги Большому чертежу» // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VII. — Москва, 1977. — С. 46–53.
54. *Постников А.В.* Карты земель российских: очерк географического изучения и картографирования нашего отечества. — Москва : Наш дом — L'Age d'Homme, 1996.

55. *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Кн. 1. Войны и мирные договоры. — Москва : Международные отношения, 1995.
56. *Приселков М.Д.* История русского летописания XI—XV вв. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996.
57. Руководство к математической и натуральной географии с употреблением земного глобуса и ландкарт, вновь переведенное с примечаниями Фр.Ульр.Теод. Эпинуса. Издание второе. — Санкт-Петербург, 1764.
58. Русские географические атласы. XVIII век. Сводный каталог / сост. Н.В. Ломус. — Ленинград, 1961.
59. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — Москва : Наука, 1993.
60. *Рыбаков Б.А.* Новооткрытая карта Московии 1525 г. // Отечественные архивы. — 1994. — № 4. — С. 3–8.
61. *Рыбаков Б.А.* Рождение Руси. — Москва, 2012.
62. *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. — Москва : Наука, 1974.
63. *Савельева Е.А.* Новгород и Новгородская земля в западноевропейской картографии XV—XVI вв. // География России XV—XVIII вв. (по сведениям иностранцев). Сб. статей. — Ленинград : Изд. ГО СССР, 1984. — С. 4–16.
64. *Седельников А.Д.* Древняя киевская легенда об Андрее // *Slavia. Roč. III.* Сель. 2–3. — Praha, 1924. — С. 316–335.
65. *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. — Санкт-Петербург, 1863.
66. *Сербина К.Н.* Источники Книги Большого Чертежа // Исторические записки. — Москва : Изд. АН СССР, 1947. Вып. 23. — С. 290–324.
67. *Середонин С.М.* Историческая география. — Петроград, 1916.
68. Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 2. Баал—Вашингтон. — Москва : Советская энциклопедия, 1962.
69. *Спицын А.А.* Русская историческая география. — Петроград, 1917.
70. *Старков В.Ф.* Описание карты 1525 г. // Отечественные архивы. — 1994. — № 4. — С. 8–15.
71. *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. — Москва : Географгиз, 1950.
72. *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. XII—XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв. — Москва, 1992.

73. Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. / отв. ред. П.Е. Бухаркин. — Санкт-Петербург : Филологический ф-т ЛГУ, 2001.
74. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Изд. 2-е. В 4 т. Т. 1. — Москва : Прогресс, 1986.
75. *Федотова П.И.* Андрей Боголюбский и Андрей Первозванный: «русский путь» апостола Андрея // *Sciences of Europe*. № 49. Vol. 3. — Praha, 2020. — С. 35–42.
76. *Федотова П.И.* Был ли Симон Владимирский автором Киево-Печерского Патерика? // *Sciences of Europe*. № 76. Vol. 2. — Praha, 2021. — С. 7–36. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-76-2-7-36.
77. *Федотова П.И.* Варяжский путь апостола Андрея // *Свободная мысль*. — 2020. — № 4. — С. 39–62.
78. *Федотова П.И.* «Варяжская русь» как псевдопроблема российской историографии // *Свободная мысль*. — 2018. — № 3. — С. 139–152.
79. *Федотова П.И.* Дитя монгольского погрома: к проблеме историчности князя Рюрика // *Свободная мысль*. — 2017. — № 6. — С. 5–22.
80. *Федотова П.И.* Дунайский путь апостола Андрея // *Свободная мысль*. — 2019. — № 6. — С. 5–24.
81. *Федотова П.И.* Кельтские корни варяжской легенды. Часть вторая // *Свободная мысль*. — 2021. — № 1. — С. 5–24.
82. *Федотова П.И.* О заглавиях Начальной летописи: факты и фикции // *Sciences of Europe*. № 77. Vol. 1. — Praha, 2021. — С. 10–33. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-77-1-10-33.
83. *Федотова П.И.* Проблема возникновения Новгорода и варяжская легенда // *Свободная мысль*. — 2017. — № 1. — С. 31–48.
84. *Федотова П.И.* Святой Александр и святой Владимир: две загадки русской агиографии // *Христианское чтение*. — 2021. — № 2. — С. 56–61. DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_52; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0948-6433>.
85. *Федотова П.И.* Тысячелетняя фальшивка // *Свободная мысль*. — 2017. — № 3. — С. 7–88.
86. *Федотова П.И.* У истоков варяжской историографии: кто и когда внедрил варяжский фальсификат в русские летописи? // *Свободная мысль*. — 2020. — № 3. — С. 117–136.
87. *Фель С.Е.* Картография России XVIII века. — Москва : Изд-во геодезической литературы, 1960.

88. *Хорошкевич А.Л.* Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // *Герберштейн С.* Записки о Московии. — Москва : Изд-во МГУ, 1988. — С. 7–45.
89. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1–2. — Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1948–1951.
90. *Шаскольский И.П.* «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского // *ТОДРЛ*. Т. 14. — Москва ; Ленинград, 1958. — С. 457–460.
91. *Шахматов А.А.* Сказание о призвании варягов // *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. — Санкт-Петербург : Наука, 2003. — С. 185–231.
92. *Щекатов А.М.* Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде. Ч. 1–7. — Москва : В Университетской типографии, у Хр. Клаудия, 1801–1809. — Ч. 1. — Москва, 1801.
93. *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту.. Изд. 3-е. — Москва : Языки русской культуры, 1998.
94. *Baron S.H.* The lost Jenkinson map of Russia (1562). Recovered, redated and retitled // *Terrae Incognitae*. — Vol. XXV. — 1993. — Pp. 53–66.
95. *Spekke A.* The Baltic sea in ancient maps. — Stockholm, 1961.
96. *Szykuła K.* Anthony Jenkinson's unique wall map of Russia (1562) and its influence on European cartography // *Belgeo*. — 2008. — № 3–4. — Pp. 1–17. DOI: 10.4000/belgeo.8827.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БСЭ — Большая Советская энциклопедия
ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ИАН — Известия Академии наук
КБЧ — Книга Большому Чертежу
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МГУ — Московский государственный университет
НГПУ — Новосибирский государственный педагогический университет
НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ОКВП — Переписная окладная книга Водской пятины
ПВЛ — Повесть временных лет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Оборот авантитула: Часть новгородской карты Голицына–Шпилкина.

Рис. 1. Часть новгородской карты Голицына–Шпилкина 1656 г. («Чертеж ветхой русским и шведским городам до Варяжского моря») с надписью «море» в акватории Балтики.

Рис. 2. Часть новгородской карты Голицына–Шпилкина 1656 г. («Чертеж ветхой русским и шведским городам до Варяжского моря») с надписями в акватории Невы.

Рис. 3. Русско-шведская граница по Ореховецкому мирному договору (1323–1595 гг.).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Федотова Полина Игоревна
**Названия Балтийского моря
в русских средневековых источниках**

Редактор *И.А. Иванов*
Технический редактор *М.В. Томина*
Оригинал-макет *А.В. Ухваловой*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Подписано в печать 30.03.2022
Формат 60×84 1/16
Тираж 300 экз. (1-й завод 100 экз.)
Печ. л. 7,5. Заказ № 21.

Отпечатано в ОПП БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1)